

Н. М. Виноградова
Ю. Г. Кутимов

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ
ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЮЖНОМ
ТАДЖИКИСТАНЕ
(МОГИЛЬНИКИ
ГЕЛОТА И ДАРНАЙЧИ)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.М. Виноградова
Ю.Г. Кутимов

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ
(МОГИЛЬНИКИ ГЕЛОТА И ДАРНАЙЧИ)**

Москва
ИВ РАН
2018

ББК 63,4 (2Т)
В49

Ответственный редактор:
д.и.н. Е.В. Антонова
Рецензент:
к.и.н. В.А. Алёшкин

В49 **Н.М. Виноградова, Ю.Г. Кутимов**

Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи) / Институт востоковедения РАН; Институт истории материальной культуры РАН. — М.: Институт востоковедения РАН, 2018. — 276 с. : ил.

ISBN 978-5-89282-843-7

doi.org/10.31600/978-5-89282-843-7

В монографии рассматриваются археологические материалы погребальных памятников раннего и среднего бронзового века, могильников Фархор и Кангуртут 2. Погребальный инвентарь этих могильников свидетельствует о формировании в середине — второй половине III тыс. до н. э. на территории Южного Таджикистана местного варианта древнебактрийской культуры, тесно связанного с культурной общностью населения Ирана и Афганистана. Несколько позднее, в конце III — начале II тыс. до н. э., рассматриваемая территория входила в зону формирования культуры Окса или Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. В Южном Таджикистане эта культура представлена погребальными комплексами Гелота и Дарнайчи. Данные материалы позволяют по-новому оценить этнокультурные процессы, происходившие на юге Таджикистана в исследуемую эпоху.

ББК 63,4 (2Т)

© Н.М. Виноградова, Ю.Г. Кутимов,
2018

© Институт востоковедения РАН,
2018

© Институт истории

ISBN 978-5-89282-843-7

материальной культуры РАН, 2018

Посвящается светлой памяти академика Р.М. Масова

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА I. ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРХАРО-КУЛЯБСКОГО РЕГИОНА. ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА	11
1. Краткий географический обзор региона (рельеф, климат, растительность, реки)	21
2. Археологические исследования памятников эпохи бронзы в бассейне рек Кызылсу (Сурхоб) и Яхсу	14
ГЛАВА II. ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА, ЭНЕОЛИТА, РАННЕГО И СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА	21
1. Неолит и энеолит. Проблема соотношения гиссарской неолитической культуры к археологическим комплексам бронзового века	21
2. Погребальные памятники середины — второй половины III тыс. до н. э. Могильники Фархор и Кангурттут 2 (в соавторстве с С. Бобомуллоевым)	25
ГЛАВА III. ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО И НАЧАЛА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА. МОГИЛЬНИКИ ГЕЛОТА И ДАРНАЙЧИ (в соавторстве с Дж. Ломбардо и М. Тойфером)	39
1. Могильники Гелота. Общие сведения о раскопках, описание раскопов, стратиграфия.	40

2. Погребальные комплексы земледельческой культуры в Гелоте. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения, сопроводительный инвентарь (керамика, металлические и каменные изделия, скульптура). . . . 55
3. Погребальные комплексы вахшской культуры в Гелоте. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения, сопроводительный инвентарь (керамика, металлические и каменные изделия) 66
4. Могильники Дарнайчи. Общие сведения о раскопках, описание раскопов, стратиграфия 74
5. Погребальные комплексы земледельческой культуры в Дарнайчи. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения, сопроводительный инвентарь (керамика, металлические и каменные изделия) 82
6. Погребальные комплексы вахшской культуры в Дарнайчи. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения, сопроводительный инвентарь (керамика, металлические и каменные изделия) 84
7. Хронология земледельческих и вахшских погребальных комплексов Гелота и Дарнайчи. 87

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ
ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
III–II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ до н. э.**

**ФОРМИРОВАНИЕ БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (БМАК) 89**

ИЛЛЮСТРАЦИИ 109

ЛИТЕРАТУРА 185

СОКРАЩЕНИЯ 201

SUMMARY 202

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Результаты радиоуглеродного датирования погребений эпохи бронзы Гелота и Дарнайчи, полученные в лаборатории Тюбингенского Университета (Германия) 205
2. А.И. Нечвалода. Антропологические определения костных останков из погребений Гелота и Дарнайчи 206
3. Ю.Г. Кутимов. Археологические комплексы средневекового времени Гелота и Дарнайчи 225

ВВЕДЕНИЕ

Археологические памятники бронзового века Юго-Западного Таджикистана — часть древнебактрийской культурно-исторической области, её северо-восточный ареал. Южные районы Средней Азии в III–II тыс. до н. э. исторически входили в зону распространения оседло-земледельческих культур и городских цивилизаций древнего Востока. Население приграничных областей юга Таджикистана было генетически связано с земледельческими племенами Северного Афганистана и Ирана. Территория Южного Таджикистана обычно рассматривалась исследователями как окраина по отношению к основным центрам цивилизации в связи с тем, что археологические комплексы энеолита, раннего и среднего бронзового века на территории Южного Таджикистана не были известны. За последнее десятилетие в Пархаро-Кулябском регионе Хатлонской области Юго-Западного Таджикистана впервые были найдены и раскопаны погребальные памятники раннего и среднего бронзового века (могильники Гелот, Фархор, Кангуртут 2). Их археологические исследования позволяют по-новому оценить этнокультурные процессы, протекавшие на юге Таджикистана в конце III — начале II тыс. до н. э.

Задачей настоящего исследования является полная публикация результатов археологических раскопок Южно-Таджикистанской международной археологической экспедиции (ЮТМАЭ) на могильниках Гелот и Дарнайчи, расположенных в долине р. Яхсу, на территории Восейского района Республики Таджикистан. В течение 2007–2013 гг. на этих памятниках под руководством Н.М. Виноградовой (Институт востоковедения РАН) и Ю.Г. Кутимова (Институт истории материальной культуры РАН) было проведено 15 полевых сезонов. Полевые исследования проводились с участием ар-

хеологов Т.Г. Филимоновой (Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониш АН РТ, Душанбе), М. Тойфера (Германский археологический институт, Берлин) и Дж. Ломбардо (Музей Восточного искусства, Рим). Постоянными сотрудниками экспедиции были антрополог А.И. Нечвалода (Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), а также полевые архитекторы-художники Е.С. Гиль, М.Н. Никитина, Т.А. Шапошникова, С.В. Шетухина. Неоценимую и исключительно важную помощь в работе экспедиции оказал местный житель кишлака Гелот, школьный учитель, историк-краевед Мирали Куганов (1963–2017 гг.).

В 2013–2017 гг. Н.М. Виноградова участвовала в экспедиции Фархорского отряда Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана под руководством С. Бобомуллова. Совместно с ним были обработаны материалы раскопок и опубликованы в ряде статей и в первом выпуске сборника материалов Фархорской археологической экспедиции (Материалы 2017). В предлагаемой монографии приводятся уточненные результаты исследований опубликованных ранее материалов раскопок на могильнике Фархор.

Настоящая работа написана на базе материалов из раскопок в Гелоте и Дарнайчи с привлечением новых материалов из раскопок в Фархоре и Кангуртуте 2. Авторы искренне благодарны всем коллегам, кто помогал советами, замечаниями и критикой. Особенная благодарность художнику Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН художнику Т. Удыме за рисунки, исполненные для иллюстрации книги.

Археологические раскопки в Южном Таджикистане на протяжении всех лет поддерживались Академией наук Республики Таджикистан. Большую заинтересованность и постоянную заботу в организации экспедиций проявляло руководство Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониш АН РТ в лице академика Р.М. Масова и д.и.н., профессора З.И. Акрами. Авторы выражают глубокую благо-

дарность дирекции и всем сотрудникам Института, кто принимал участие в раскопках, помогал в хранении и обработке археологического материала.

Работы экспедиции в разные годы осуществлялись при финансовой поддержке Института востоковедения РАН, Института истории материальной культуры РАН, Российского гуманитарного научного фонда, Академии наук Республики Таджикистан, Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан, Германского археологического института (Берлин), Музея восточного искусства (Рим).

ГЛАВА I

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРХАРО-КУЛЯБСКОГО РЕГИОНА. ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА

1. Краткий географический обзор региона (рельеф, климат, растительность, реки)

Основные археологические разведочные работы и раскопки экспедиции проводились на Пархаро-Кулябской равнине в бассейне р. Кызылсу (Сурхоб). Эта область относится к северо-западной части Афгано-Таджикской депрессии. Река Амударья делит Афгано-Таджикскую депрессию на две примерно равные части: северную (Южный Таджикистан) и южную (Северный Афганистан, или Афганский Туркестан). При определенном сходстве природных и климатических показателей Южный Таджикистан и Северный Афганистан различаются по своему рельефу. В первом случае — это межгорные долины и низкие водоразделы, часто покрытые мощным шлейфом лесса, во втором — предгорная степная равнина, отделенная от горных хребтов низкой полосой слабо развитых адыров (Ранов, Каримова 2005: 7).

К бассейну р. Кызылсу относятся два ее основных притока: левый, р. Таирсу, и правый, р. Яхсу с небольшими притоками — Кулябдарья и Обикафтархон. Долины этих рек в нижней части расширяются, образуя обширную холмисто-грядовую Пархаро-Кулябскую равнину. Река Кызылсу (Сурхоб) берет свое начало от слияния нескольких горных рек (Шуробдарья, Тира, Обимазор и др.) в районе Бальджуана и впадает в Пяндж в 30 км южнее г. Пархара.

Пархарская и Кулябская долины расположены на высоте от 300–400 до 1200 м. В предгорьях проходит пояс *адыров*

(холмов), образующих переходную зону от равнин к хребтам (ЭТССР 1974: 14).

В геоморфологическом отношении¹ долины р. Яхсу и р. Кызылсу в нижнем течении формировались в период голоцена и состоят из нескольких частей: низкопойменной, высокопойменной, первой надпойменной террасы, представляющей основной уровень долины. Низкая и высокая поймы сложены песчано-галечниковыми аллювиальными отложениями. Первая и вторая надпойменные террасы имеют двухчленное литологическое строение: верхняя часть сложена лессом и лессовидным суглинком, нижняя часть состоит из аллювиального галечника. Лесс и лессовидные суглинки имеют разный генезис — эоловый, делювиальный, пролювиальный и смешанный. Лессовые отложения плащеобразно перекрывают древний рельеф.

Почва в основном представлена типичными сероземами. Мощность почвенного профиля сероземов типичных составляет 160 см. Гумусовый горизонт А1 серого цвета имеет мощность 35 см с содержанием гумуса до 2%. Карбонатный горизонт Вк достигает глубины 90 см, это сероватый слой, с коричневатым оттенком; горизонт сильно переработан педофауной. В горизонте содержится карбонатный псевдомицелий и карбонатные конкреции («журавчики»). Переходный горизонт ВкС — палевый, с коричневатым оттенком. Карбонатных конкреций и псевдомицелия в нем меньше. Ниже залегает лесс желто-палевого цвета.

Растительный покров пояса типичных сероземов — это низкотравная полусаванна, в которой преобладают со значительным преобладанием длительно вегетирующие эфемероиды. Среди них характерны: осока пустынная (*Carex pachystylis*), мятлик бухарский (*Poa bucharica*), мятлик луковичный (*Poa bulbosa*). Из растений — представителей крупнозлаковой полусаванны — встречается ячмень (*Hordeum spontaneum*).

---

¹ При написании данного раздела использовалась информация, предоставленная к.б.н. П.М. Сосиным, старшим научным сотрудником Института почвоведения ТАСХН.

Нижняя, донная часть долин в прошлом представляла собой заболоченную пойму с тугайным ландшафтом. Масштабные гидромелиоративные работы середины — второй половины XX в. привели долины рек Яхсу и Кызылсу в районы интенсивного сельскохозяйственного освоения. Здесь выращивают хлопок, пшеницу, а также разнообразные овощные и бахчевые культуры. В выровненной части долин распространено орошаемое земледелие, а для предгорий (от 500 до 1500 м над уровнем моря) со степным климатом характерно — неполивное; годовое количество осадков здесь (350–500 мм) достаточно для зимней вегетации растений (Максумов, 1964, с. 24, 77). Животный мир разнообразен: тигр, бухарский олень, дикий кабан, джейран, медведь, лиса, заяц, множество ядовитых змей — среднеазиатская кобра, гюрза и эфа.

В долинах преобладает континентальный субтропический климат, средняя температура в июле поднимается до 30–40 градусов тепла, зимой остается выше нуля. Годовое количество осадков — от 140 мм на крайнем юге, до 600–800 мм в горных областях северной и северо-восточной части. В июне-июле осадков не бывает. Среднегодовая относительная влажность воздуха составляет 54% (в январе — 76%, в июле — 30%). Снежный покров неустойчив и наблюдается во второй и третьей декадах декабря, в январе и первой декаде февраля. Высота снежного покрова на открытом месте составляет 8 см, максимальная — 36 см.

Хатлонская область богата залежами полезных ископаемых осадочного происхождения. Особенно велики запасы каменной (чистой поваренной) соли, из которой состоят холмы Ходжамумин и Ходжасартез.

Для реконструкции природных условий, существовавших в эпоху неолита и бронзы, могут быть привлечены данные споро-пыльцевых анализов неолитического поселения Туткаул и древнеземледельческого памятника эпохи поздней бронзы Кангурттут (Виноградова 2004: 10). Споро-пыльцевой комплекс из нижнего неолитического горизонта гиссарской культуры и слоя бронзового века на поселении Кангурттут,

исследованный Е.А. Спиридоновой, свидетельствует о большей по сравнению с неолитическим периодом сухости климата в эпоху поздней бронзы.

2. Археологические исследования памятников бронзового века в бассейне рек Кызылсу (Сурхоб) и Яхсу

В настоящее время на территории Пархаро-Кулябской равнины и прилегающих областей известно несколько археологических комплексов бронзового века различного культурного типа: древнеземледельческого, скотоводческого вахшского, а также типа Яз I (рис. 1).

Археологическое изучение бронзового века в бассейне р. Кызылсу было начато под руководством Б.А. Литвинского в начале 60-х годов раскопками могильника Маконимор, расположенного на правом берегу этой реки, в 8 км выше ее слияния с р. Пянджем. Могильник был отнесен Б.А. Литвинским к вахшской культуре. Другой очаг, включающий несколько больших могильников, в те же годы исследовался в низовьях рек Вахш и Кызылсу. По мнению Б.А. Литвинского, происхождение вахшской культуры было связано с расселением части бактрийского земледельческого населения в эти районы и переходом к скотоводству в новой природно-экономической ситуации, неблагоприятной для ведения земледельческого хозяйства (Литвинский 1964: 157, 158; Литвинский 1973: 10, 11; Литвинский 1981: 156).

При дальнейших исследованиях вахшской культуры Л.Т. Пьянковой была показана наибольшая близость характерных форм ее керамики материалам южно-бактрийских оседло-земледельческих комплексов, как в западном (особенно Дашлы 17 и 19), так и в восточном регионах (поселение Шортугай, особенно его постхарапская фаза), расположенных в непосредственной близости к кызылсууйскому очагу

вахшской культуры (P'jankova: 1986; P'jankova: 1994, fig. 9; Пьянкова 1989: 89–101)².

Дальнейшие археологические исследования в долине р. Кызылсу проводились в 1967 г. Х.Ю. Мухитдиновым на городище Саксанохур вблизи г. Пархар. Там, в нижнем слое стратиграфического шурфа, были найдены два сосуда эпохи бронзы (Литвинский, Мухитдинов 1969: 161). Несколько позже погребения вахшской культуры раскапывались Х.Ю. Мухитдиновым в многослойном могильнике Иттифок вблизи Пархара (Мухитдинов 1971: 189).

В 1987 г., когда на могильнике Маконимор Л.Т. Пьянковой проводились небольшие раскопки, в окрестностях памятника была предпринята археологическая разведка и в 10 км севернее, у кишлака Майда Пата — обнаружен могильник, аналогичный Маконимору.

При строительстве дороги у кишлака Гелот Восейского района в 1989 г. были открыты захоронения вахшского типа, расположенные на верхней террасе сухого речного русла, бывшего правым притоком р. Яхсу. Место находки было обследовано Э.Г. Гулямовой, Р. Безанвалем и Л.Т. Пьянковой. В обресе террасы было обнаружено несколько сосудов (Виноградова и др. 2003: 105, рис. 2, 1–3).

² Среди специалистов нет единства мнений относительно происхождения скотоводческих комплексов древней Бактрии и соотношения бешкентской и вахшской культур. Например, Е.Е. Кузьмина предлагает относить их к единой культуре скотоводческих племен (Кузьмина 1972: 138, 139), В.И. Сариниди не только не считает их вариантами одной общей культуры, но и допускает возможность их принадлежности разным этническим группам (Сариниди 1977: 148).

По мнению А.-П. Франкфора, бешкентская и вахшская культуры различны и первая хронологически более ранняя, чем вторая (Francfort 1981: 202). Н.М. Виноградова предпочитает говорить о единой бешкентско-вахшской культуре с двумя или несколькими локальными вариантами, внутри которых могут быть выделены отдельные хронологические фазы (Vinoogradova, 1997: 40; Виноградова 1996: 32; Виноградова 2004: 85). По мнению Л.Т. Пьянковой, возникновение скотоводческих комплексов Бактрии по времени было синхронным, но в формировании бешкентской и вахшской культур участвовало население разных бактрийских регионов (Пьянкова 1989: 98–100; P'jankova, 1985: 147–152), такую гипотезу высказывал и А.М. Мандельштам (Мандельштам 1968: 138).

В 1978 и 1987 гг. Н.М. Виноградовой, а затем в 1988 г. Л.Т. Пьянковой проводились раскопки поселения Карим-Берды, относящегося ко времени Яз I. Поселение расположено приблизительно в 20 км к северо-западу от г. Куляб, в предгорьях невысоких горных кряжей, разделяющих долины рек Кызылсу и Яхсу (Виноградова 1986; Ryankova 1996). В середине 80-х годов в окрестностях кишлака Карим-Берды был найден сосуд вахшской культуры (Виноградова и др. 2003: 105, рис. 2,4). Единичные погребения вахшской культуры известны и севернее, фактически на территории всего Южного Таджикистана.

В 1996 году Кызылсуйским отрядом³ были изучены и обследованы места находок случайных предметов эпохи бронзы в экспозиции музеев г. Куляб, Пархар и Московского района (Виноградова и др. 2003: 103, рис. 1; Götzelt et al. 1998: 115).

Особо следует отметить многочисленную и разнообразную коллекцию археологических находок в музее г. Куляб. Эта коллекция в течение долгих лет собиралась сотрудником музея М. Азизовым, обследовавшим различные строительные объекты и кладбища, как в Кулябе, так и во многих других пунктах области. В результате разведок было открыто несколько новых могильников вахшской культуры, что значительно расширило ареал таких памятников в этом регионе, и два могильника эпохи бронзы, оставленных земледельческим населением (Виноградова и др. 2003: 103, рис. 1).

В окрестностях Куляба, в юго-восточной части на второй террасе р. Теболяй (приток Кулябдарьи, втекающей в р. Яхсу), отряд осмотрел еще два памятника — могильник вахшской культуры Мохали Сино и земледельческий некрополь Куляб. Последний находится на холме Ходжа Гоиб; в настоящее время здесь расположено мусульманское кладбище города, от-

---

³ В состав отряда входили сотрудники Германского археологического Института — Т. Гётцельт, Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана — Л.Т. Пьянкова, Кулябского историко-краеведческого музея — М. Азизов и Института востоковедения РАН — Н.М. Виноградова.

куда и поступили в музей два сосуда из древних погребений (Виноградова и др. 2003: 106, рис. 3, 13, 14). Кроме того, отрядом было осмотрено и зафиксировано еще несколько памятников эпохи бронзы.

На северо-восточной окраине Куляба, в 9-м микрорайоне города, на второй террасе р. Кулябдаря на участке Борбат зафиксированы захоронения вахшской культуры. При строительных работах были найдены лепные сосуды с округлым дном. Интересна форма миски с прочерченным орнаментом в виде свастики.

Захоронения вахшского типа были обнаружены примерно в 1 км к юго-западу от кишлака Гелот на участке Учкун, рядом с чашмой Хотлон, на второй адырной террасе р. Яхсу. Древние погребения были обнаружены при строительстве дороги. При обследовании территории могильника обнаружены круговой сосуд вахшского типа (Виноградова и др. 2003: 106, рис. 3, 4). В срезе лесового холма в некоторых местах на глубине 1–1,5 м были видны кости скелетов.

Могильник Гулистон находится на второй высокой террасе р. Кызылсу, к юго-западу от поселения Гулистон Восейского района, на территории современного мусульманского кладбища. Собран большой подъемный материал керамики вахшской культуры (Виноградова и др. 2003: рис. 3, 1–3).

Могильник Обкух Московского района обнаружен на высокой адырной террасе к северу от кишлака Туадбоён. Памятник частично уничтожен при сбрасывании земли в долину р. Пяндж. Местные жители передали несколько сосудов вахшской культуры, происходящих из могильника (Виноградова и др. 2003: 106, рис. 3, 5–10).

Могильник Пархар (Фархор) располагается на возвышенности Урта-Боз справа от дороги, ведущей в г. Пархар из Восе. На этом месте расположено мусульманское кладбище. При сооружении современных могильных ям местные жители находили предметы, относящиеся к эпохе бронзы. Собранны фрагменты гончарной земледельческой керамики (Виноградова и др. 2003: 106, рис. 3, 11, 12). Особый интерес

представляют находки в детском захоронении двух серебряных браслетов. Здесь же были найдены каменные «скипетры» (Виноградова и др. 2003: 108, рис. 5, 1, 2, 3).

Большая часть керамики, собранной во время разведки, типична для вахшской археологической культуры. Основные формы представлены горшками и горшковидными сосудами, биконическими и баночными сосудами, блюдами и мисками. В коллекции представлена гончарная и лепная керамика. Интересно отметить, что для скотоводческих комплексов Бактрии характерно преобладание посуды ручного изготовления, которая в среднем составляет до 70% всей керамики из могильников. При этом встречаются в гончарной и в лепной посуде одни и те же формы. Возможно, что лепные экземпляры изготавливались в подражание гончарным стандартам.

Археологические разведки в бассейне р. Кызылсу 1996 г. не только значительно расширили наши знания об ареале распространения вахшской культуры, но и создали предпосылки для поисков в этом регионе земледельческих памятников бактрийско-маргианской цивилизации бронзового века с ее уникальными произведениями искусства. Например, в музее г. Куляб хранится глиняная коробочка (Азизи 1992: 13). Эта находка — первая на территории Южного Таджикистана. Аналогичные изделия найдены в разграбленных могильниках Южной Бактрии, а также в могильнике Заманбаба. В экспозиции разных региональных музеев изучаемого региона можно видеть жезлы из сланца, каменные «гири» и другие предметы, имеющие аналогии среди находок в Бактрии. Серебряные браслеты из Пархарского могильника свидетельствуют о влиянии или участии племен степной бронзы в создании высокохудожественных произведений древнебактрийского искусства (Виноградова и др. 2003: 114). В дальнейшем эти выводы участников археологической разведки подтвердились раскопками на некрополях Гелота, Дарнайчи и Фархор.

Позднее, в 2002 году, в бассейне р. Кызылсу Л.Т. Пьянковой был раскопан могильник вахшской культуры Обкух.

Исследовательницей было открыто 29 погребений. На основании анализа керамического материала Л.Т. Пьянкова пришла к выводу о некотором сходстве посуды Обкуха с керамикой верхних слоев североафганского поселения Шортугай. Кроме того, в процентном соотношении гончарная посуда преобладает над лепной, что косвенно свидетельствует о тесных контактах скотоводов вахшской культуры с оседлыми земледельцами Бактрии (Пьянкова 2003: 211, 212).

В 2005–2006 г., в связи с празднованием 2700-летия г. Куляба, Институт истории, археологии и этнографии провел археологическую разведку и небольшие раскопки погребений вахшской культуры на могильниках Люликутал, Учкун и Гелот (Якубов и др. 2006: 121–124; Якубов и др. 2007: 6–47).

В 2009 году немецким исследователем М. Тойфером совместно с Т.Г. Филимоновой были начаты поисковые работы поселений эпохи бронзы и раннего железного века в районе селений Гелот, Учкун, Карим-Берды и Кудук. В работе экспедиции принимали участие геологи из Института географии Свободного университета г. Берлина под руководством М. Маки и ученые из Баварского земельного ведомства охраны исторических памятников под руководством Дж. Фассбиндера. Экспедицией были проведены многочисленные зондирования в районе этих кишлаков. В результате бурений исследователи пришли к выводу, что только местность, расположенная выше поселка Гелот, подходит для древнего поселения. Здесь действительно было открыто поселение, но более позднее, чем эпоха бронзы. Интересные результаты были получены при геомагнитной съемке на поселении раннего железного века Карим-Берды. Исследователям удалось определить примерную площадь поселения и выявить древние жилища, которые представляют выше собой полуземлянки (Тойфер, Филимонова 2012).

С 2012 года в Кулябском регионе на высокой террасе р. Яхсу археологом М. Тойфером ведутся исследования на поселении позднего бронзового века Сариджар 2. Здесь были открыты жилые помещения и производственные мастер-

ские. Вместе с посудой, характерной для позднебронзового века, была найдена расписная керамика времени Яз I. По заключению М. Тойфера, поселение Сариджар 2 доживает до раннежелезного века. Пробы на анализ по C14 дают датировку памятника с XVII по XIV вв. до н. э. (Тойфер и др. 2014: 121, 122, 125).

Чрезвычайно интересные материалы были получены в 2013–2016 гг. на могильнике Фархор около г. Пархара, где на возвышенности Уртобоз (территория современного городского кладбища) при сооружении могил местное население находило многочисленные предметы раннего и среднего бронзового века (конец III — начало II тыс. до н. э.). Это художественные изделия — каменные гири, колонки, жезлы, керамические модели домов, серебряные браслеты и керамические сосуды. Археологические раскопки экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН РТ подтвердили древность могильника в местности Чалтанбобо (Виноградова 2011: 84–98; Бобомуллоев и др. 2014: 39–47; Бобомуллоев и др. 2015: 47–66; Бобомуллоев и др. 2015-а: 73–98; Vinogradova 2015: 21–27; Bobomulloev et al 2017: 78–127).

В 2015 году С. Бобомуллоевым был открыт еще один могильник эпохи ранней бронзы Кангурттут 2. Раскопки на памятнике велись в 2016–2017 годах (Бобомуллоев и др. 2017: 38–53).

В 2007–2013 гг. Южно-Таджикистанская международная археологическая экспедиция под руководством Н.М. Виноградовой и Ю.Г. Кутимова проводила археологические работы на лессовых холмах около кишлаков Гелот и Дарнайчи Восейского района Хатлонской области. Здесь было обнаружено несколько могильников бронзового века. Результаты этих исследований легли в основу настоящей монографии.

ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА, ЭНЕОЛИТА, РАННЕГО И СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

1. Неолит и энеолит. Проблема хронологического соотношения гиссарской неолитической культуры к археологическим комплексам бронзового века

На юге Таджикистана удается проследить общую картину последовательности археологических культур от неолита до раннего железного века. Неолитические памятники представлены здесь гиссарской неолитической культурой, открытой А.П. Окладниковым в 1948 г. (Окладников 1958). Дальнейший вклад в ее изучение сделан В.А. Рановым и его сотрудниками (Виноградова, Ранов, Филимонова 2008: 14–117). Найдено более 300 памятников этой горной неолитической культуры. Границы ее распространения имеют четкие очертания — между Дарвазом на востоке и Сурхандарьей на западе, Гиссарским хребтом — на севере и Северным Афганистаном на юге.

К контактной зоне распространения гиссарской культуры можно отнести поселения Сазаган 2 и Джангал 1 на Среднем Зеравшане (сазаганская культура). Сазаганская культура относится к горному неолиту, в ней прослеживаются многие элементы, характерные для гиссарской неолитической культуры: галечная техника, каменные выкладки — такие же, как в Туткауле, угольнозольные пятна (Виноградова, Ранов, Филимонова 2008: 7). На нескольких стоянках сазаганской культуры (Сазаган 2, Джангал 1, Тепакуль 3) найдена керамика — тонкостенная, рыхлая, плохо обожженная, с вдавленным орнаментом: «отступающая палочка», насечки, елочка. Эти мотивы типичны для кельтеминарской культуры (Джу-

ракулов, Холматов 2005: 77–78). В отличие от сазаганской культуры для гиссарской характерно отсутствие керамики. Памятники гиссарской неолитической культуры находятся на высоте от 500 до 1500 м над уровнем моря на лессовых почвах. В.А. Ранов и Т.Г. Филимонова среди них различают два типа: 1) мощные долговременные поселения, площадью от 0,5 до 1 га. Толщина культурных слоев, окрашенных почти в черный цвет, достигает двух метров (Туткаул, Сайед, Бульёни Поён, Кангурттут); 2) стоянки, которые не имеют культурного слоя, но насчитывают до нескольких тысяч артефактов (Тепеи Газиён, Гуликандос, Дахана).

По мнению В.А. Ранова и Т.Г. Филимоновой, гиссарская неолитическая культура в горных районах Таджикистана дожила до прихода племен эпохи бронзы во второй половине II тысячелетия до н. э. (Ранов 1998: 107). В исследовании В.А. Ранова и Т.Г. Филимоновой (Виноградова, Ранов, Филимонова 2008: 67–73) приводятся главные тезисы этой гипотезы:

1) hiatus (разрыв) между неолитическим слоем гиссарской культуры и перекрывающим его строительным горизонтом бронзового века на поселении Кангурттут не прослеживается, что свидетельствует о том, что гиссарцы дожили до эпохи бронзы;

2) стратиграфически доказывается нахождение каменных заготовок и орудий труда гиссарцев в строительных слоях эпохи бронзы;

3) сходство каменных выкладок в гиссарской неолитической культуре и на памятниках эпохи бронзы;

4) находки гиссарских орудий в слоях бронзового века поселений Ташгузора и Тегузак;

5) утверждение о том, что «культура эпохи бронзы впитала большое количество черт, доставшихся ей в наследство от предшествующего периода, т.е. гиссарской культуры», и что «гиссарцы были ассимилированы пришельцами эпохи бронзы, приняв их язык».

Между тем результаты исследований на памятниках эпохи бронзы не подтверждают эти выводы (Виноградова, Ранов, Филимонова 2008: 229). Рассмотрим некоторые вышеизложенные тезисы. Археологические исследования Т.Г. Филимоновой на раскопе III поселения Кангурттут показали, что «вдоль южной части раскопа проходила четкая ровная граница между светлым суглинком эпохи бронзы и темным неолитическим слоем. В кв. А/2 и АБ/5 она была разорвана кладкой стен эпохи бронзы» (Виноградова, Ранов, Филимонова 2008: 45). Объективно можно сказать, что пласт гиссарской культуры был нарушен более поздними остатками строительной деятельности земледельцев бронзового века и этим объясняются находки гиссарских орудий в слое бронзы. Геолог А.Е. Додонов, посетивший раскопки в Кангурттуте, считает, что перерыв в осадконакоплениях за такой, с геологической точки зрения, мизерный промежуток времени вполне возможен и *наложение слоев бронзы на неолитические необязательно свидетельствуют об их непосредственном контакте* (Виноградова, Ранов, Филимонова 2008: 65). Этот факт подтверждается и другими обстоятельствами. Культурные слои гиссарской неолитической культуры встречаются только в северо-восточной части поселения Кангурттут (раскопы I, Ia, III, VI, VIII, IX, XI). На раскопах II, IV, V в северной части поселения эти слои отсутствуют и здесь не найдено гиссарских галечных орудий. Та же самая картина прослеживается и на других памятниках эпохи бронзы, где нет подстилающих горизонтов гиссарской неолитической культуры (поселение Дахана, Ташгузор). На поселении Тегузак культурные слои гиссарской неолитической культуры и эпохи поздней бронзы отделены друг от друга лессовыми отложениями толщиной около одного метра⁴.

Для гиссарской неолитической культуры имеется несколько радиоуглеродных дат: поселение Туткаул 6070 ± 170 гг.

---

⁴ Комментарий Н.М. Виноградовой на пункты (3 и 4) доказательств В.А. Ранова и Т. Г. Филимоновой подробно содержится в книге Виноградова, Ранов, Филимонова 2008: 229–232.

до н. э. (JE-772), 5150 ± 140 гг. до н. э. (JE-690) и 4810 ± 110 гг. до н. э. Калиброванные даты удревяют возраст упомянутых образцов почти на 1000 лет, соответственно 6970 ± 140 , 5960 ± 490 , 5660 ± 320 гг. до н. э. Таким образом, ранний этап гиссарской культуры датируется VI–V тысячелетием до н. э. С этой хронологией совпадают калибровочные даты, полученные из «святилища» Люликутала в Кулябе, относимого к 6000–5400 гг. до н. э. (Гёрсдорф 2004: 158–160). Наиболее молодая радиоуглеродная дата получена с поселения Кангурттут — 2710 ± 120 гг. до н. э. (ГИН-7082). Эта дата может быть значительно удревлена, так как образец был взят геологом С.П. Ломовым из верхней части раскопа № 1 (Виноградова, Ранов, Филимонова 2008: 65).

Гиссарская культура не дожила до прихода племен эпохи бронзы, и между ними существует значительный временной разрыв, скорее всего, даже в несколько тысяч лет. Трудно представить, что в III тыс. до н. э. существовала неолитическая культура без керамики с мезолитической экономикой, когда в других частях Евразии был расцвет производства керамики, металла, скотоводства и земледелия (Parzinger 2003: 265).

До настоящего времени памятников эпохи энеолита на территории Южного Таджикистана не обнаружено. Но в будущем вполне ожидаемо открытие здесь этих памятников. Раскопки таких памятников, как Заман-баба (Гулямов и др. 1966) и древнеземледельческого поселения Саразм (Исаков 1991) свидетельствуют о древних связях населения долины Зеравшана и Южного Туркменистана в эпоху энеолита и ранней бронзы. В ранних комплексах поселения Саразм в верховьях Зеравшана (Саразм I–II) была найдена типичная геоксюрская керамика с росписью, характерной для времени Намазга II–III в Южной Туркмении (Lyonnnet 1996). Исследователи (Исаков 1991; Кирчо 2007: 203–205; Кирчо 2010: 39) приходят к выводу, что это поселение было основано при непосредственном участии южнотуркменских общин, при этом наиболее тесные контакты этих двух регионов прослежива-

ются в эпоху позднего энеолита — начала ранней бронзы (около 3500/3400–3100/3000 лет до н. э.). Находки фрагментов геоксюрской керамики в дельте Мургаба (Масимов 1979: 72–77; Масимов 2000: 25–26) могут указывать пути продвижения геоксюрских мигрантов (Массон 2006: 57). Через Маргиану торговые экспедиции могли двигаться как в северо-восточном, так и в восточном направлении до Амударьи и далее по долине Зеравшана. Но уже в начале III тыс. до н. э. эти контакты прерываются (Кирчо 2010: 40). По мнению Б. Лионне, это могло происходить около 2500 г. до н. э. (Lyonnnet 1996: 60–61, 65–66). Л.Б. Кирчо считает, что в это время существовал и южный путь через Серахское поселение, который вел вверх по Теджену-Герируду, затем он разветвлялся на восток в Северный Афганистан (Фуллолский клад) и на юг в Южный Афганистан (Мундигаг) и Юго-Восточный Иран (Шахри-Сохте), представляя собой часть северного лазуритового пути (Кирчо 2010: 40).

Принимая во внимание приведенные выше примеры активного взаимодействия древних племен в конце IV — начале III тыс. до н. э., нельзя исключить, что и через Южный Таджикистан могли проходить торговые пути и передвигаться отдельные группы населения. В дальнейшем здесь, возможно, будут открыты памятники позднего энеолита и ранней бронзы.

2. Погребальные памятники середины — второй половины III тыс. до н. э. Могильники Фархор и Кангурттут 2

Долгое время на территории Южного Таджикистана не было выявлено памятников раннего бронзового века, которые хронологически соотносятся с периодами Намазга IV — ранней Намазга V в Туркменистане. Но о том, что такие памятники существуют и могут быть открыты, свидетельствовали случайные находки. К ним можно отнести медные топоры из Аракчина вблизи Варзоба и Шаршара около Душанбе

(Литвинский 1961: 59–66; Кузьмина 1966: 8, 14). Орудия, близкие по типу к шаршарскому топору, найдены в Саразме (Исаков 1991: рис. 78, 2), в Дашлы 3 (Сарианиди 1977: 71, рис. 32 — литейная форма), в Сапаллитепа (Аскарлов 1977: 196, табл. XXXII, 2). Топор из Аракчина имеет широкий круг аналогий (Кузьмина 1966: 8, 9). Е.Е. Кузьмина относит эти находки к концу III — началу II тысячелетия до н. э. Одними из самых ранних металлических изделий могут быть серебряные браслеты из могильника Пархар⁵ (Vinogradova 2001: 209, fig. 1a, 3, 4). Чрезвычайно интересные находки были сделаны А. Юсуповым в 1983 г. в зоне Нурекского водохранилища (Юсупов 1991: 161). На одной из террас, идущей от хребта Санглок в сторону водохранилища, было зафиксировано 15 погребений на могильнике Кругсай. На поверхности часть могил обозначена камнями в виде круга диаметром около 4 м. Другие погребения отмечены вертикально поставленными плитами из красного песчаника. Раскопано только одно ямное погребение № 3 с костяком барана и тремя лепными сосудами — кубок, миска и биконический сосуд. Аналогии этой керамике имеются на памятниках Южной Бактрии — Дашлы 3 (Сарианиди 1977: 62, рис. 62). Рядом с погребением № 3 был расчищен очаг с обгоревшими костями. В середине очага была найдена фигурка из плохо обожженной глины. Она изображает человека в сидячей позе с вытянутыми ногами. На голове и теле сохранились следы черной краски. Автор раскопок А. Юсупов сравнивает ее со статуэтками Геоксюрского оазиса Южной Туркмении времени Намазга III (Юсупов 1991: 163).

В связи с этими случайными находками перед учеными встал вопрос о возможном местонахождении памятников эпохи ранней и средней бронзы (Vinogradova 2013: 281–283). Предположения ученых о том, что население на юге Таджикистана обитало уже в III тыс. до н. э., подтвердилось раскопками могильников Фархор и Кангурттут 2. Исследования

---

⁵ Таджикиское название — Фархор.

на этих памятниках во многом меняют наши представления относительно происхождения и существования земледельческих и степных культур на юге Таджикистана во второй половине III — начале II тыс. до н. э. Этим памятникам в данном разделе уделено особое внимание.

Могильник Фархор⁶ — самый ранний из всех известных погребальных комплексов на юге Таджикистана. Древний могильник находится на возвышенности Уртабоз в местности Чилтанбобо на окраине г. Пархар⁷. Это южная часть лессового массива Уртабоз на стрелке двух рек — Пянджа и Кызылсу. Все холмы в местности Чилтанбобо сплошь покрыты современными могилами. При устройстве могил были обнаружены различные предметы (рис. 2, 1–3), датируемые временем ранней и средней бронзы (вторая половина III тыс. до н. э.). Это изделия из камня: мраморные гири, «жезль», сосуды из оникса, а также глиняная коробочка, серебряные браслеты и керамические сосуды (Виноградова 2011: 84–98; Бобомуллоев и др. 2014: 39–47; Бобомуллоев и др. 2015: 47–66; Бобомуллоев и др. 2015а: 73–98; Vinogradova 2015: 21–27; Виноградова, Бобомуллоев 2016: 534–552; Bobomulloev et al 2017: 78–127).

Всего на могильнике с 2013 по 2017 годы на склонах лессовых холмов, в местах, свободных от современных могил, было заложено семь раскопов и открыто 50 погребений. Захоронения ничем не отмечены на древней поверхности холма. Могилы не перекрывают друг друга и находятся на расстоянии от 1 до 4 м друг от друга. Глубина залегания захоронений до 2–2,5 м от современной дневной поверхности. Для обряда погребальных сооружений характерна подбойно-катакомбная

---

⁶ Таджикское название — Фархор. Координаты объекта: GPS N37°29'58.00", E69°24'15.00".

⁷ Это административный центр Пархарского района Хатлонской области Таджикистана, расположенный в долине р. Пяндж, в двух км от афганской границы. В работах экспедиции Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Таджикистана под руководством С. Бобомуллоева в 2013–2016 гг. принимали участие сотрудники Института востоковедения РАН — Н.М. Виноградова, Немецкого археологического Института — М. Тойфер, Музея восточного искусства в Риме — Дж. Ломбардо.

конструкция или захоронения в ямах. Для детских захоронений типично погребение в яме на небольшой глубине. Скелеты находятся в скорченном положении. Мужчины лежат на правом боку, женщины — как на левом, так и на правом боку. Устойчивой ориентировки скелетов в погребении не наблюдается, доминирует СЗ направление. В нескольких могилах обнаружены парные захоронения. В детских могилах расчищены только двойные захоронения, причем погребенные лежат лицом друг к другу в сопровождении погребального инвентаря: бус, подвесок-амулетов, керамических и каменных наверший. Глиняная посуда в этих могилах встречается очень редко. Погребальный инвентарь располагается около головы, шейных позвонков, рук, таза, ног и за спиной. В могилу помещали керамику (от одного до четырех сосудов), металлические изделия из бронзы и серебра — ножи, косметические лопаточки, булавки, зеркала. Кроме того, среди погребального инвентаря имеются и предметы из камня — светильники, «жезль», навершия, прясла, наконечники стрел, галька. Почти в каждом погребении встречаются многочисленные бусины, пронизки, подвески из лазурита, агата, бирюзы, сердолика, золота (одна бусина), известняка, песчаника и алебаstra. В некоторых случаях в могилах найдены кости барана, часто вместе с ножом (рис. 3–7) (Бобомуллов и др. 2014: 40–41; Bobomullov et al 2017: 78; 120, fig. 22A; Виноградова, Бобомуллов 2016: 538, рис. 4; 539, рис. 5).

В инвентаре земледельческих погребальных комплексов встречается как гончарная, так и лепная посуда. Внешняя поверхность сосудов покрыта белым или красным ангобом. Особый интерес представляют два гончарных сосуда из погребения 32. Первый сосуд — баночной формы, довольно больших размеров. Венчик необычной формы, он отогнут и по краю его проколото 18 сквозных отверстий. Венчик отделен от тулова сосуда небольшой внутренней перегородкой (рис. 8, 1; 9, 1). Другой сосуд (рис. 8, 2; 9, 2) — горшковидной формы с раструбообразным горлом. Очень близкие аналогии этой форме найдены в Шахдаде на некрополе А в погребении

нии 104 (Nakemi 1997: 260, Obj. No.0962). В Алтын-депе в погребениях 295–296 в слое Намазга III встречается очень похожая форма сосуда, но из гипса (Кирчо 2005: табл. 59, 2). Для датировки памятника большой интерес представляет также сосуд, найденный в погребении 33 (рис. 4, 1). Он биконической формы со срезанным верхом и расписан черной краской — горизонтальные полосы по горлу и ребру сосуда в центральной части тулова. По форме близких параллелей этому предмету не встречается, но по орнаментальному мотиву существуют аналогии в Алтын-депе времени Намазга IV (Кирчо 2005: 350, рис. 4, 34; 351, рис. 5, 21) и в Гиссаре IIIВ (Schmidt 1937: Pl. XXXIX, H 2212).

В нескольких погребениях могильника Фархор были найдены керамические коробочки подпрямоугольной формы с внутренней перегородкой (рис. 4, 2, 2а). Точные аналогии данному типу керамических изделий имеются в посуде заманбабинской культуры в низовьях р. Зеравшан. Здесь, как в жилых комплексах, так и в могильнике Заманбаба, была обнаружена достаточно большая коллекция сосудов данного типа (на поселениях встречено семь сосудов такой формы, в погребениях — двенадцать) (Гулямов и др. 1966: 148). Исследователи на основании привозных сосудов с росписью с юга Средней Азии датируют заманбабинскую культуру временем Намазга V (Гулямов и др. 1966: 163). Сходные сосуды известны также из разграбленных могил Северной и Южной Бактрии (Сарианиди 1979: 26, 27; Amiet 1977: 102, fig. 12), несколько фрагментов этих коробочек найдено в слоях Шортугая III–IV (Francfort 1989: pl. 62, 11–13). Некоторые параллели этим артефактам можно найти в Иране — Гиссар III (Schmidt 1937: Pl. XLIV, H2940) и в Туркменистане — Алтын-депе (Кирчо 2005: табл. 140, 7). А.А. Аскарлов называет их «кормушками для птиц», предполагая их культовое назначение, когда душа умершего представляется в облике птицы, прилетающей на могилу отвесть пищи из этого сосуда (Гулямов и др. 1966: 142, 148; Аскарлов 1981: 105). Аналогичного мнения придерживается В.И. Сарианиди (Сарианиди

1979: 24), а П. Амье видит в них модели домов (Amiet 1977: 96). Не исключено, что данные керамические изделия являются подражанием каменным «шкатулкам», широко известным в комплексах могильника Шахдад в Восточном Иране (Кутимов 2005: 202), где найдено несколько десятков каменных и керамических «шкатулоу» — ящичков квадратной или прямоугольной формы с внутренними отделениями (Накеми 1997: 57). Изделия такого типа могли использоваться в качестве принадлежностей женского туалета или кухонной утвари, например в качестве сосудов для хранения специй. По хронологической шкале Шахдада они датируются в пределах 2700–2200 гг. до н. э. (Накеми 1997: 77–79). Основная часть керамического комплекса заманбабинской культуры имеет аналогии в керамике ямной культуры степной зоны Евразии, наличие в погребениях импортной древнеземледельческой керамики поздней Намазга IV позволяет датировать могильник Заманбаба серединой III тыс. до н. э. (Кутимов 2005: 205). Аналогичные керамические сосуды известны также в Северо-Восточном Пакистане, где они были найдены в комплексах, датируемых второй половиной III тыс. до н. э. (Durrani 1988: 120, 165, fig. 17, 1). Таким образом, датировка могильника Фархор в пределах середины — второй половины III тыс. до н. э. представляется обоснованной.

Среди погребального инвентаря встречаются два сосуда из серебра баночной формы. Один из них — с тремя широкими каннелюрами (рис. 8, 3; 9, 3). Точные аналоги эти сосудам встречаются среди материалов разграбленных могил в Северном Афганистане (Salvatory 1988: 210, fig. 74).

На могильнике в погребении 32 было найдено два каменных сосуда из оникса в форме подцилиндрического стакана (рис. 8, 5). Такие сосуды разной высоты и пропорций, по заключению Л.Б. Кирчо, становятся преобладающей формой каменных сосудов времени Намазга IV (Кирчо 2014: 67). В этом же погребении был открыт еще один каменный сосуд крестовидной формы (рис. 8, 7; рис. 10, 2). Сосуды из мраморовидных пород камня находят широкий круг аналогий сре-

ди изделий раннего и среднего бронзового века Афганистана, Белуджистана, Северного Ирана и Месопотамии (Casanova 1991).

В числе случайных предметов, найденных при рытье современных могил, есть так называемые каменные «гири» (Бобомуллоев и др. 2015: 48, рис. 1, 2). «Гиря» представляет собой плоский округлый предмет из мраморовидного сланца. В центре диска выпилено крестообразное отверстие (рис. 2, 1). «Каменные гири с ручкой» достаточно широко представлены на территории Таджикистана. Несколько гирь различной формы (сферической, эллипсоидной, прямоугольной) были найдены на древнеземледельческом поселении Саразм (Исаков 1991: 63, рис. 31). Известны находки каменных гирь в Дангаринском районе (Виноградова 2001: 142, рис. 10, 12; Филимонова, Ахметзянов 2011: 63, рис. 10, 1). Каменная гиря прямоугольной формы найдена у кишлака Кудук в 25 км к северо-востоку от Куляба (Teufer 2010: 382, abb. 46). Очень близкая по типу каменная гиря была обнаружена у кишлака Каратаг в 14 км к северо-востоку от Турсунзаде (Кутимов 2017: 126, рис. 7, 9). В целом, случайные находки «каменных гирь с ручкой» на территории Таджикистана известны достаточно широко.

Каменные изделия такого вида имели весьма широкое территориальное и хронологическое распространение в древнеземледельческих культурах энеолита и бронзового века Ирана, Афганистана и Средней Азии. «Гири» с прорезью в виде креста или других фигур были найдены в разграбленных могилах в Афганистане (Winkelmann 1997: 207, fig. 12; Pottier 1984: 175, fig. 41, 291; Sarianidi 1998: fig. 7, 7) и в культурном слое поселений Улуг-депе (Сарианиди 2001: 69, рис. 36). Плоские гири характерны для второй половины III тыс. до н. э. (Кирчо 2007: 201). Вопрос функционального использования «каменных гирь» является дискуссионным. С одной стороны, их принято считать предметами хозяйственного назначения, например, гирями, используемыми для взвешивания продуктов земледельческого производства (Алѣкшин 1973).

С другой стороны, может быть вероятным, что «каменные гири» на территории Средней Азии являются реминисценцией широко распространенных в бронзовом веке на Среднем Востоке так называемых «каменных плит с ручками», декорированных различными мифологическими сюжетами, которые имели явное культовое назначение (Muscarella 1993; Winkelmann 1997). Имеется точка зрения, что данный тип каменных изделий может быть связан с погребальным обрядом (Vidale, Micheli 2012).

В результате археологических исследований на могильнике Фархор впервые *in situ* обнаружены так называемые каменные «жезлы». Они сделаны из песчаника и представляют собой удлинённый, плавно сужающийся к обоим концам предмет. Они довольно значительных размеров, их длина — от 60 до 90 см, а вес — около 6000 г (рис. 2, 2). Близкие аналогии таким «жезлам» известны в Гелоте (Виноградова и др. 2009: 41) и в долине р. Кызылсу (Виноградова и др. 2003: 108, рис. 5, 3). Все эти находки обнаружены вне погребений. На поселении Алтын-депе «жезлы» выявлены в «святилище», в погребении № 362 обнаружен «посох» (Кирчо 2005: 415). Эти предметы встречаются также в слоях Гиссара IIIВ (Schmidt 1937: 222, Pl. LXIV, Н 2894) и в погребальных комплексах Безджистана (Кирчо 2005: 415).

В богатых захоронениях 18 и 19 были еще найдены каменные прямоугольные «флаконы» с крышечкой (рис. 3, 6; 5, 5). На стенках всех четырех сторон изделий изображены три прорезанных кружка. Наиболее близкие аналогии данному изделию можно найти в Шахри-Сохте (Sajjadi et al. 2003: 83, fig. 40, *type* 1), на Алтын-депе — погребение 828 времени ранней Намазга IV (Кирчо 2005: 350, рис. 4, 23). В коллекции Алтын-депе предметы такого типа характеризуются в качестве «светильников», они представлены почти исключительно в погребениях и являются типичным признаком комплекса времени Намазга IV (Кирчо 2005: 411, 412).

Внимание привлекают металлические косметические стержни с навершиями в виде лопаточки различной фор-

мы (рис. 3, 5; 5, 4)⁸. Они имеют широкий круг аналогий на памятниках земледельческого круга Южного Туркменистана, Афганистана, Ирана и существуют в широком хронологическом диапазоне с конца IV тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. (Алексин 2010: 34–43). Примечателен также стержень с округлым навершием, края которого вырезаны в виде ступенчатых ромбов (рис. 10, 1). Очень близкие параллели этому изделию наблюдаются в инвентаре погребения 828 на Алтын-депе времени ранней Намазга IV (Кирчо 2005: 350, рис. 4, 6), на поселении Саразм (Исаков 1991, рис. 23, 2), в Мундигаке периода IV,1 (Casal 1961, fig. 140, 19). Особый интерес вызывает находка стержня с крестовидным навершием из серебра (рис. 8, 4; 9, 4). Сходную форму этого предмета мы находим в погребении 845 времени ранней Намазга IV на Алтын-депе (Кирчо 2005: 350, рис. 4, 7) и среди металлических изделий из разграбленных могил в Северном Афганистане (Pottier 1984: 157, fig. 172, 173).

Для определения культурно-хронологического аспекта могильника показательны некоторые формы каменных бус. Особый интерес представляют находки крестовидных бус (квадратные со ступенчато вырезанными краями) из лазурита или алебастра (рис. 5, 3а). Аналогии крестовидным бусам встречаются в материалах южных земледельческих памятников: Туркмении — Алтын-депе (Кирчо 2005: 391, рис. 22), Пархай II (Хлопин 2002: 63, табл. 94, 4); Северного Афганистана — разграбленные могильники (Сарианиди 1979: 25, рис. 1; Amiet 1977: 102, fig. 12). Как импорт из южных областей крестовидные бусы обнаружены в могильнике Заманбаба (Гулямов и др. 1966: 154, рис. 48; табл. VIII, XX) и в сакральном комплексе Жуков (Аванесова 2008: 26, рис. 4, 2,4) в низовьях р. Зеравшан. Примечательны также находки бусин из гипса

---

⁸ По заключению сотрудника Отдела реставрации и консервации Эрмитажа К.Б. Калининой, основа металла — медь, примеси не были определены. Бронзовые вещи из Фархора были исследованы сотрудником Немецкого археологического Института (Берлин) Д. Штайнигерем. Анализы показали, что все объекты изготовлены из мышьяковистой бронзы (примесь мышьяка составляет от 1 до 5 процентов).

ромбовидной формы (рис. 5, 3b). Ромбовидные бусы также находят многочисленные аналогии на памятниках земледельческих культур: Алтын-депе (Кирчо 2005: 387, рис. 20, 21), Гиссар III (Schmidt 1937: pl. LXIX, H3698), Шахдад — некрополь А (Nakemi 1997: 656, Hb6), Сапаллитепа (Аскаров 1973: 95, рис. 47). Как привозные изделия встречаются на памятниках степной бронзы в бассейне р. Зеравшан: в могильнике Заманбаба (Гулямов и др. 1966: 154, рис. 48, 5) и сакральном комплексе Жуков (Аванесова 2008: 26, рис. 4, 2,3).

Таким образом, приводимые выше аналогии предметам погребального инвентаря захоронений в Фархоре позволяют сделать вывод о связях древнего населения Фархора с земледельческими племенами юга Средней Азии (Алтын-депе, Улуг-депе), Ирана (Гиссар III В-С, Шахдад) и Афганистана (материалы из разграбленных погребений). Все эти памятники относятся к середине — второй половине III тыс. до н. э. (периоды Намазга IV–V) в соответствии с хронологическим членением эпохи палеометалла Южного Туркменистана.

Керамический материал некоторых захоронений могильника Фархор (погр. 2, 4, 12, 14, 22) имеет круг аналогий среди памятников Таджикистана, Ирана и Северного Афганистана. В этих могилах обнаружены лепные круглодонные или плоскодонные сосуды, иногда с подправкой на круге. Они украшены елочным орнаментом, выполненным в технике лощения. Вся поверхность сосудов покрыта белым или красным ангобом, встречается сероглиняная, чернополированная керамика (рис. 6, 2, 3). Лепные круглодонные или плоскодонные сосуды с узором в виде елочки хорошо известны в памятниках долины р. Яхсу. Самые близкие аналогии представлены в погребальном инвентаре могильника Дарнайчи (Виноградова и др. 2013: 115, рис. 14, 1, 2). Орнамент елочкой, выполненный в технике лощения, характерен для астрабадской культуры северо-восточного Ирана — Тюренг Тепе III, Шах Тепе II, Гиссар III (Станкевич 1978: 24). Сероглиняная керамика с елочным лощением известна также на

поселении Дашлы 1 в Северном Афганистане (Сарианиди 1976: 37, рис. 24).

Обращает на себя внимание находка лепного горшка вместе с обломком бронзового ножа и костями барана в погребении 12 могильника Фархор (рис. 7, 2). Наиболее близкие аналогии этому сосуду по форме, составу примесей в тесте обнаруживаются среди посуды группы VI могильника Заманбаба (Гулямов и др. 1966, табл. XIVБ: 1–7).

Могильник Фархор может быть датирован серединой — второй половиной III тыс. до н. э. Это подтверждается и радиоуглеродными исследованиями костных останков из могильника Дарнайчи. Для костей из погребения 2 получена радиоуглеродная дата⁹: 3814 ± 36 BP (MAMS-15072) OxCal v4.1.7 — 2333–2153 гг. до н. э. (1 sigma calBC), 2456–2140 гг. до н. э. (2 sigma calBC). В погребальном инвентаре могильника Фархор впервые встречаются керамические формы, свидетельствующие о появлении на юге Таджикистана древнейшей вахшской культуры. Материалы погребений Фархора позволяют проследить контакты с населением культур бронзового века — могильник Заманбаба, некрополь Дарнайчи (ранние погребения).

По антропологическим данным, все костные останки из погребений Фархора, за исключением погребения 12, характеризует общая грацильность и бесспорная европеоидность облика средиземноморского типа¹⁰.

На ближайших холмах к городу Пархару были также обнаружены многочисленные находки из других древних некрополей. Множество древних могильников на возвышенности Уртабоз свидетельствует, что во второй половине III — начале II тыс. до н. э. эта местность была густо заселена земледельческими племенами.

---

⁹ Анализ проведен в лаборатории Университета г. Тюбнгена в Германии. См. Приложение 1.

¹⁰ Все антропологические определения выполнены Н.А. Дубовой.

Могильник Кангурттут 2¹¹ был открыт экспедицией Музея национальных древностей Таджикистана под руководством С. Бобомуллоева около кишлака Кангурттут Дангаринского района (Бобомуллоев и др. 2017: 38–53). Ранее, в 1980-е — 1990-е гг., здесь раскапывалось поселение и могильник Кангурттут (Виноградова 2004: 24–58). Памятник Кангурттут 2 находится на адырных лессовых холмах, с юго-восточной стороны к нему примыкает сай с небольшой речкой Кангурттут. На центральном холме Кангурттута 2 в раскопе 10×10 м было обнаружено пять погребений (рис. 11). В одном случае погребение 1 стратиграфически перекрывает захоронение 3. На поверхности могилы никак не выделяются, за исключением могилы № 2 — захоронения мусульманского времени. Могилы находятся на небольшой глубине, от 0,4 до 1 м от дневной поверхности. Удаётся проследить только ямную конструкцию погребений. Собранный археологический материал невелик и поэтому приводим описание всех пяти погребений.

Погребение 1 обнаружено на глубине 0,9 м от современной дневной поверхности (рис. 12). Скелет лежит в скорченном положении, на правом боку, головой на С-З. Могильная яма — овальной формы размером 1,5×1,4 м. Рядом со скелетом найдены агатовая бусина и несколько фрагментов керамики с красным ангобом. Скелет принадлежал мужчине 35–50 лет.

Погребение 2 разрушено средневековой могилой. Найдено только два фрагмента керамики.

Погребение 3. Выявлено на глубине 1 м от современной дневной поверхности (рис. 13). Могильная яма — овальной формы размером 1,4×1,3 м. Скелет лежит в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-восток. У затылка обнаружен металлический стержень булавы из бронзы с несколькими бусинами. Около колен расчищено пряслице

---

¹¹ Координаты объекта: GPS N38°15'41.03", E69°28'32.35".

и два навершия из известняка. За тазом найден фрагмент венчика сосуда. По антропологическому определению, кости принадлежали женщине старше 45 лет.

Погребение 4. Могила частично разрушена поздним захоронением мусульманского времени (рис. 14). Она в плане округлой формы, расчищена на глубине 0,7 м от дневной поверхности. Сохранность скелета очень плохая. Он лежит в сильно скорченном положении на правом боку, головой на С-З. За головой найден каменный «стакан» (рис. 14, 1; 16, 1), около колен — каменное пряслице, у ног — кремневый скребок и кости животного. Костяк принадлежит мужчине 20–25 лет.

Погребение 5 находится на глубине всего 0,2 м (рис. 15). Костяк — очень плохой сохранности, лежит на правом боку в скорченном положении, головой на север. Около ног погребенного найдены каменный «флакон-светильник» (рис. 16, 2), каменное навершие, подвеска и прясло из известняка. У таза расчищена агатовая бусина и у колен несколько каменных предметов — резец, нуклиус и отщеп. Костяк принадлежал женщине 18–20 лет.

Для культурно-хронологической характеристики могильника важна находка двух каменных изделий: «стакана» из погребения 4 и «флакона-светильника» из погребения 5 (рис. 16, 1, 2). Каменные «флаконы-светильники», датированные временем Намазга IV, рассматривались выше в контексте их находок на могильнике Фархор. Каменные сосуды «стаканы» из мраморовидного известняка известны в погребениях на Алтын-депе и в культурных слоях ряда древнеземледельческих поселений на юге Туркменистана времени Намазга IV (Кирчо 2005: 403, рис. 23, 3А). Такие сосуды разной высоты и пропорций становятся ведущей формой каменных сосудов в период Намазга IV. Сосуды из мраморовидных пород камня имеют широкий круг аналогий в раннем и среднем бронзовом веке Афганистана, Белуджистана, Северного Ирана и Месопотамии.

Археологические исследования на могильниках Фархор и Кангуртут 2 позволяют по-новому оценить этнокультурные процессы, происходившие на юге Таджикистана в середине — второй половине III тыс. до н. э. Новые материалы свидетельствуют о существовании здесь в это время местной древнеземледельческой культуры, тесно связанной с материальной культурой древнего населения Средней Азии (Алтын-депе, Заманбаба и др.), Ирана (Гиссар ШС, Шахдад — некрополь А) и Северного Афганистана (разграбленные могильники). Выявляются широкие контакты местных племен с населением Восточного Ирана и Северного Белуджистана. В этот период уже есть все предпосылки для формирования на юге Таджикистана Бактрийско-Маргианского комплекса (БМАК).

ГЛАВА III

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО И НАЧАЛА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА. МОГИЛЬНИКИ ГЕЛОТА И ДАРНАЙЧИ

Для земледельческих памятников Бактрии и Маргианы этого времени исследователи предлагают различные названия: культура Намазга (Kohl 1981), культура Окса (Francfort 1984: 174; Salvatori 2004: 92), сапаллинская культура (Аскарков 1977), Бактрийско-Маргианский археологический комплекс — БМАК (Сарианиди 1990: 77). В.М. Массон допускает возможность существования целой группы локальных цивилизаций, объединенных понятием «протобактрийский центр» (Masson 1988: 536–541). А. Аскарков, Т. Ширинов предлагают объединить археологические оседло-земледельческие комплексы юга Средней Азии, Северо-Восточного Ирана и Северного Афганистана в культурное понятие под названием намазгинской историко-культурной общности — НИКО (Аскарков, Ширинов 1993: 42). Для памятников Восточной Бактрии средней и ранних этапов поздней бронзы мы предлагаем оставить название — культура Окса. Это местная культура на данной территории, которая входит в обширную зону «Внешнего Ирана».

На территории Юго-Западного Таджикистана долгое время не были известны памятники эпохи средней бронзы и ранних этапов поздней бронзы (Намазга V — ранняя Намазга VI). Отдельные случайные находки в музеях Дангары, Хульбука и Куляба свидетельствовали, что такие памятники на территории Южного Таджикистана, возможно, будут открыты (Kaniuth et al. 2006: 201; Виноградова и др. 2008: 162–165; Vinogradova 2010). Эти предположения подтвердились раскопками в 2007–2013 гг. в Гелоте и Дарнайчи. Здесь, в долине р. Яхсу, впервые на юге Таджикистана были

открыты погребальные комплексы конца III — начала II тыс. до н. э., которые служили местом захоронения, как для древнеземледельческих племен, так и для населения вахшской культуры скотоводческого типа.

1. Могильники Гелота. Общие сведения о раскопках, описание раскопов, стратиграфия

Кишлак Гелот находится в 6 км к северо-западу от г. Куляб. Он расположен на второй пойменной террасе реки Яхсу, вдоль линии лессовых холмов, примыкающих к долине реки с северо-запада. Склоны, на которых располагаются древние захоронения, относятся к первой надпойменной террасе, сложенной лессами и лессовидными суглинками. Относительно пологие склоны, покрытые естественной травянистой растительностью, представляют собой адырный рельеф. Сходы селевых потоков в период дождей, а также современная хозяйственная деятельность на этих террасах приводят к образованию и разрастанию оврагов в мягких лессовых почвах.

На лессовых холмах около кишлака Гелот местные жители находили керамику вахшской культуры и каменные «жезль» (Якубов и др. 2006: 122–125). Ранее, в 2002 и 2005 гг., археологические раскопки в Гелоте проводились Л.Т. Пьянковой (Пьянкова 2003: 195), Ю. Якубовым и Т.Г. Филимоновой (Якубов и др. 2007: 6 сл.; Якубов, Курбанов 2009: 83–85). Исследования ЮТМАЭ в Гелоте под руководством Н.М. Виноградовой и Ю.Г. Кутимова были начаты в 2007 г. и продолжались до 2010 г. (Виноградова и др. 2009: 35–66; Виноградова и др. 2010: 105–143; Виноградова и др. 2012: 136–166; Виноградова и др. 2013: 91–118).

На адырных лессовых холмах, примыкающих к кишлаку Гелот с северо-запада, было заложено девять раскопов, получивших условное название — Поселение (раскопы 1, 2, 7) и Некрополь (раскопы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8) (рис. 17). Выявленные археологические комплексы поселенческого типа относятся к

средневековому времени и датируются IX–XI вв.¹² В настоящей главе рассматриваются материалы погребальных комплексов Гелота эпохи бронзы.

Раскоп 1¹³ (8×15 м) разбит на холме на левой стороне дороги Гелот–Дарнайчи, примерно на 250 м выше нее, по пути к заброшенному кишлаку Зульмобод (рис. 17, 1), на том месте, где в 2006 году был найден каменный «жезл». Всего открыто шесть погребений (рис. 18), из которых два захоронения содержат кости животных (погребения 2, 3). Наблюдается следующая стратиграфия залегания почв. Современный гумусный слой составляет около 30 см, далее следуют древний гумусный горизонт (около 30–40 см) и лессовые почвы: 0,9–1 м толщиной лесс с журавчиками¹⁴, затем чистый лесс. Захоронения находятся на границе этих двух лессовых горизонтов, на глубине 1,4–1,8 м от поверхности холма (рис. 19).

Погребение 1 открыто на глубине 1,4 м на краю оврага, на месте находки каменного «жезла». Расчищен лишь череп взрослого человека¹⁵ и небольшая каменная бусина из светло-зеленого камня — бирюзы (рис. 20, 3).

Погребение 2 найдено на той же глубине, что и предыдущее захоронение, примерно на расстоянии 3-х метров к юго-западу. Погребальная яма не прослеживается. Расчищены ноги коровы и сосуд колоколовидной формы (рис. 20, 2).

Погребение 3 находилось на краю оврага, обнаружены обломки длинных костей и панцирь черепахи.

Погребение 4 раскопано рядом с первым захоронением. На дне погребальной ямы открыты отдельные кости человека (череп, ноги). Здесь же найден круглый камень довольно больших размеров из мраморовидного известняка. На камне

---

¹² Материалы средневекового времени рассмотрены в Приложении 3.

¹³ Координаты объекта: GPS N37°57'2.26", E69°43'4.80".

¹⁴ Журавчик — плотная твёрдая карбонатная конкреция.

¹⁵ Антропологические исследования проводил антрополог А.И. Нечвалода (см. Приложение 2).

имеется углубленный поясок шириной около 4 мм (рис. 20, 4). Конструкция погребальной ямы не прослеживается.

Погребение 5 открыто на глубине 1,7 м от современной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Погребенная женщина зрелого возраста лежит в сильно скорченном положении на левом боку. Кисти рук находятся перед лицом, скелет обращен головой на запад. Рядом с головой находилась лепная миска (рис. 20, 1).

Погребение 6 находится на расстоянии 5–6 метров от других захоронений. Конструкция погребальной ямы не прослеживается. Расчищена нижняя часть скелета на левом боку, ноги лежат в сильно скорченном положении. Кроме того, в погребальной камере обнаружены отдельные фрагменты костей черепа и рук. В заполнении ямы найден обломок гальки. В погребении похоронен мужчина зрелого возраста.

Из археологических предметов, найденных на раскопе 1, датирующими могут быть миска из погребения 5, бусина и мраморовидный камень с углубленным пояском. Миска — лепная, плохого обжига, находит ближайшие аналогии на могильнике вахшской культуры Обкух Московского района (Пьянкова 2003: 224, рис. 12). Для погребенных характерна, как и в Обкухе, сильная скорченность — пятки почти касаются таза (Пьянкова 2003: 220, рис. 8, 2). Две другие находки — каменная «гиря» и бусина — характерны для земледельческих памятников. Гиря овальной формы, размером 20×17 см с углубленным пояском шириной 4 см, очень напоминает саразмские «грузила», последние более высокого качества обработки (Исаков 1991, рис. 30, 13–16). Бусина из бирюзы биконической уплощенной формы, размером 0,8×0,8 см, толщиной — 0,4 см, аналогична многим находкам на земледельческих памятниках (Кирчо 2005: 391, тип IVБ; Аскарлов 1977: 75). Некоторые аналогии имеются в могильнике бешкентской культуры Ранний Тулхар — это так называемые бусы чечевицеобразной формы (Мандельштам 1968: 68, табл. XX, 3; XXI, 8, 10).

Раскоп 2¹⁶ (6×4 м) находится на склоне холма по левую сторону дороги Гелот — Дарнайчи, примерно в 150 м выше шоссе по направлению к заброшенному кишлаку Зульмобод (рис. 17, 3).

При раскопках на глубине около 1 м от современной поверхности были вскрыты две ямы (рис. 21, 1, 2). В заполнении ямы 1 обнаружен частично сохранившийся костяк годовалого барана, лежащего в анатомическом порядке, на левом боку, головой на юг. Костяк находился не на дне ямы, а на подсыпке из земли. Каких-либо сопроводительных находок рядом с костями не обнаружено. Яма 2 имеет в плане овальную форму (размеры 1,4×1,8; глубина 0,8 м). В нее ведет специальный спуск — глиняный пандус. Все пространство ямы заполнено пеплом синевато-фиолетового цвета, очень легкого по фактуре, без посторонних включений. Здесь обнаружены два фрагмента лепных сосудов степного андроновского типа со штампованным орнаментом в виде треугольника (рис. 21, 3) или тонких косых линий (рис. 21, 4).

Раскоп 3¹⁷ находится по правую сторону шоссе Гелот—Дарнайчи, в местности под названием Мазари-Бунон, на небольшом останце (35×20 м) склона холма (рис. 17, 4; рис. 23), разрушенного во время прокладки дороги и terrасирования при строительстве жилых домов. На этом останце местные жители нашли два каменных «жезла» (рис. 22, 2b)¹⁸.

В верхней части был заложен раскоп в виде неполного прямоугольника размером 5×12×3 м. Восточная сторона ограничена линией обрыва. Исследования показали, что на этом месте находилось древнее кладбище раннемусульманского времени (рис. 22, 1)¹⁹. Значительно ниже уровня мусульманских погребений, на глубине 2,8 м от современной поверхности

¹⁶ Координаты объекта: GPS N37°57'1.99", E69°43'11.04".

¹⁷ Координаты объекта: GPS N37°57'8.85", E69°43'20.97".

¹⁸ Один из этих «жезлов» представлен в экспозиции Кулябского историко-краеведческого музея.

¹⁹ Средневековые материалы см. в Приложении 3.

сти, было обнаружено единственное захоронение (погр. № 12) эпохи бронзы. Конструкцию погребения проследить не удалось. Это было захоронение женщины в возрасте 35–40 лет. Костяк лежал на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на север. Рядом с черепом находились обломки керамической круговой чаши с лощением и красным ангобом по всей поверхности сосуда, как внешней, так и внутренней (рис. 22, 2а). Некоторые аналогии по форме встречаются в керамике вахшской культуры и на земледельческих памятниках молалинского этапа (Виноградова 2004: 131, рис. 9, 23).

Основные работы экспедиции в Гелоте развернулись на раскопах 4, 5, 6, расположенных на холме, выше раскопа 3, с левой стороны шоссе Восе–Ховалинг²⁰ (рис. 17, 5). В процессе раскопок границы данных раскопов слились (рис. 23). Здесь был выявлен могильник, который на протяжении значительного периода времени использовался как земледельческими племенами, так и населением вахшской культуры.

На **раскопе 4** (общая площадь 407 м²) было открыто восемь погребений, из которых захоронения 2 и 3 относятся к земледельческой культуре, а погребения 1, 4–8 — к вахшской (рис. 24). Прослеживается следующая стратиграфия залегания почв: современный гумусный слой составляет около 0,3 м, древний гумусный горизонт 0,3–0,4 м, затем идут лесовые почвы с «журавчиками» (1–1,3 м) и далее — чистый лес.

Погребение 1 открыто на глубине 1,16 м от современной поверхности холма (рис. 25). Контуры погребальной ямы не прослеживаются; расчищены длинные кости нижних конечностей в анатомическом порядке (бедро, кости голени), согнутых под углом 30–45°. Погребение безынвентарное. Кости принадлежат мужчине зрелого возраста.

Погребение 2 открыто на глубине двух метров. Оно подбойного типа (рис. 25). Входная яма прослеживается с глубины

---

²⁰ Координаты объекта: GPS N37°57'10.86", E69°43'17.89".

1,2 м от дневной поверхности, она овально-продолговатой формы, размером 1×0,6 м, глубиной 1,2 м. Погребальная камера вырыта в юго-западной стенке дромоса в сторону повышения склона холма. Камера размером 1,4×1,6 м, высота свода — 0,4 м. В ее южной части расчищены обломки большого красноангобированного гончарного сосуда с носиком и рядом находились еще три круговых сосуда: красноангобированный кубок на ножке, кувшин и небольшой сосуд горшковидной формы (рис. 26, 1–4). Последние два — с белым ангобом. В заполнении погребальной камеры найдены разрозненные кости барана, встречаются фрагменты красноглиняного сосуда очень плохого обжига (рис. 26, 5). Скелета нет. Сосуды, найденные в погребении, относятся к земледельческой культуре.

Погребение 3 открыто на глубине 1,9 м от дневной поверхности. Расчищена погребальная камера размером 2×1,7 м (рис. 27). Входная яма предположительно находилась в юго-восточной части погребения. В камере лежали части скелета: длинные кости нижних конечностей (согнуты под острым углом), тазовые кости, позвонки, ребра и челюсть с зубами. Погребенный лежал в скорченной позиции, на левом боку, головой на северо-восток. Пол похороненного — женский, возраст — *maturus*. В северной части погребальной камеры открыты четыре гончарных сосуда: горшковидный сосуд с подкосом, два кувшина и глубокая чаша и фрагмент стенки кухонной посуды, используемой как тарелка (рис. 27, 1–5). В одном из сосудов (№ 1) обнаружено пряслице из мраморовидного известняка (рис. 27, 6). Красный ангоб покрывает всю внешнюю поверхность «чаши» и частично горшковидного сосуда, белый — кувшинов. Керамика, найденная в погребении, также характерна для земледельческой культуры.

Среди вахшских захоронений раскопа 4 особый интерес представляют захоронения 4, 5, 6, 7 и 8. Впервые для вахшской культуры в бассейне р. Кызылсу обнаруживается подбойно-катакомбная конструкция погребальных сооружений.

Выявляется три типа: яма, подбой и катакомба²¹, при этом погребальная камера в погребениях с подбоем или с катакомбой всегда вырыта в слое чистого лесса в сторону повышения склона холма. Вход в камеру в некоторых случаях закрывался кусками глины. Могилы не перекрывают друг друга и расположены на расстоянии от 2,5 до 6 м одна от другой.

Погребение 4 — подбойной конструкции, плохой сохранности (рис. 28, 1, 2). Конструкция входной ямы с подбоем хорошо прослеживалась в стенке раскопа. Дромос округлой формы, размером 0,9×1 м, глубиной 1,3 м. Погребальная камера (1,2×2,2 м) вырыта в северо-западной части входной ямы в сторону повышения склона. У входа в камеру на глубине 1 м от древней поверхности лежала челюсть оленя²², несколько ниже у южной стенки камеры расчищен череп человека с верхней челюстью. По всей поверхности камеры разбросаны черепки лепной миски (рис. 28, 5). Фрагменты керамики очень плохой сохранности. Расчищен скелет взрослого человека, лежащий в сильно скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад. Часть головы отсутствует, сохранилась только нижняя челюсть с зубами. Под шейными позвонками были найдены 24 бусины из сердолика (рис. 28, 3) и 36 бусин из пасты (рис. 28, 4). По антропологическому определению, зубы принадлежат взрослому человеку 25–40 лет; кариес и зубной камень отсутствует. Судя по положению костяка на левом боку и наличию бус в погребении, захоронение — женское.

Погребение 5 находилось на глубине 1,1 м от современной дневной поверхности холма (рис. 29, 1, 2). Погребальная камера округлой формы 1,2×1,2 м, заполнение — темный лесс с карбонатными конкрециями. В центре захоронения расчищены три сосуда, череп и несколько костей ребенка 5–6 лет.

---

²¹ Отличие катакомбной конструкции от подбойной состоит только в том, что в катакомбе погребальная камера находится на 20–30 см ниже входной ямы.

²² Определение научного сотрудника Института зоологии и паразитологии АН Таджикистана Ш. Шарапова.

Головой погребенный обращен на север. Сопровождающий инвентарь покойного состоял из трех сосудов: два «кубка»²³, один из которых гончарный (рис. 29, 3), другой — лепной с поправкой на кругу и на высоком кольцевом поддоне (рис. 29, 4), третий сосуд — лепное блюдо круглодонной формы (рис. 29, 5). Вся внешняя поверхность «кубков» орнаментирована с помощью техники лощения узором «елочки». На блюде сохранились следы красного ангоба.

Погребение 6 — катакомбной конструкции (рис. 30, 1, 2). Входная яма хорошо видна в разрезе раскопа. В древности могила была ограблена, и границы входной ямы точно не определяются. Дромос выкопан на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности. Он овально продолговатой формы, размером 1,3×2 м и глубиной около 1,5 м. По дну входной ямы и за ее границами разбросаны фрагменты керамики. Подбой со ступенькой вырыт в северо-западной части входной ямы в сторону повышения склона. Вход в погребальную камеру частично закрывали большие куски глины красноватого цвета с примесью белых камушков. Погребальная камера овальной формы размером 1,1×1,4 м; высота свода около 0,6 м. В погребении расчищен скелет в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад. Правая рука находится перед лицом, левая лежит на поясе в области поясничных позвонков. Череп разбит. По антропологическому определению пол погребенного — мужской, возраст *maturus*. В результате реставрации удалось определить формы трех гончарных сосудов: «кубок» с лощением елочкой по всей поверхности (рис. 30, 3), блюдо (рис. 30, 4) и миска со слегка уплощенным дном (рис. 30, 5). Рядом с погребением на глубине 1 м был найден бронзовый предмет — шило или булавка (рис. 30, 6).

---

²³ Термин «кубок» — условен, у этого сосуда нет ножки. Он отличается небольшими размерами и тонкими стенками. В археологической литературе эта форма часто определяется как горшок.

Погребение 7 — катакомбной конструкции (рис. 31). Входная яма открыта на глубине 0,4 м от современной поверхности холма, она овальной формы размером 1,5×2 м, глубиной 1,3 м. На дне дромоса у входа в погребальную камеру на ступеньке высотой 0,25 м лежали большие куски глины, которые закрывали вход в камеру. Подбой вырыт в западной части дромоса в сторону повышения склона. Камера — размером 1,75×2 м; высота свода около 0,8 м. В северо-западной части камеры лежал скелет, на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на северо-запад. Руки согнуты в локтевом суставе, кисть правой находится перед лицом, левая около груди. Погребальный инвентарь представлен лишь двумя гальками. Одна из них находилась за головой скелета. Пол погребенного — мужской, возраст — *maturus I* (35–40 лет).

Погребение 8 — подбойного типа (рис. 32, 1, 2). Входная яма глубиной 1,3 м от дневной поверхности. Погребальная камера выкопана в северо-западной части дромоса в сторону повышения склона холма. Она округло-овальной формы 1,3×1,3 м; высота свода примерно 0,7 м. В восточной части камеры лежал костяк в скорченной позиции, на правом боку, головой на северо-запад. Правая рука расположена перед лицом, левая — у груди. Нижние конечности сильно подогнуты и подведены к тазу. По антропологическому определению, пол мужской, возраст зрелый (*maturus*). В западной части камеры найден гончарный кубок с лощением «елочкой» по всей поверхности сосуда (рис. 32, 3) и расчищены мелкие кости животного (барана).

Раскоп 5. Небольшой шурф (2,7×1 м) (рис. 23) был разбит рядом с раскопом 4, где местными жителями, при обрушении края обрыва, была найдена керамическая посуда. Некоторые из этих сосудов в настоящее время экспонируются в школьном музее кишлака Гелот (рис. 51, 2, 5; рис. 50, 6). Это «чаша» и два больших горшковидных сосуда с подкосом. Вся посуда гончарная, на стенках сосудов сохранились следы красного

ангоба. Керамика характерна для земледельческой культуры. В шурфе обнаружено практически не сохранившееся захоронение (*погребение 1*), в котором были найдены несколько фрагментов черепа человека. По антропологическому определению, возраст погребенного составляет 25–35 лет.

Раскоп 6. Наиболее интересные результаты были получены на раскопе 6 (рис. 23). Всего здесь раскопано восемь погребений эпохи бронзы, из которых погребения № 1, 3, 4, 8 относятся к вахшской культуре, захоронения № 2, 5, 6, 7 — к земледельческой.

Стратиграфия залегания почв на раскопе 6 следующая: современный гумусный слой составляет от 20 до 50 см, древний гумусный горизонт около 40 см и далее следуют лессовые почвы: лесс с журавчиками — около 0,8 м и далее чистый лесс. На границе этих лессовых слоев, на глубине 1,1–1,3 м, встречаются погребения вахшской культуры. Ниже, на глубинах 1,9–2,2 м, в слое чистого лесса находятся захоронения земледельческой культуры. В некоторых случаях они перекрываются вахшскими погребениями: в частности, земледельческое погребение 2 было стратиграфически перекрыто вахшским погребением 1 (рис. 33; рис. 34).

Погребение 1 открыто на глубине 1,1 м (рис. 35). Контуры погребальной ямы не читаются. Здесь находились разрозненные останки костяка. Череп сильно фрагментирован, частично сохранилась нижняя челюсть с зубами, а также отдельные кости рук (локтевые) и ног. Предположительно скелет лежал на левом боку в скорченном положении. Пол не определяется из-за фрагментарности костей, возраст около 35–40 лет. Рядом с головой погребенного стояли три сосуда: небольшой гончарный «кубок» на поддоне, половина большого кругового сосуда кубковидной формы и лепной сосуд с ушками-налепами (рис. 35, 2–4). Для керамики характерно лощение «елочкой» по внешней поверхности. Керамический материал относится к вахшской культуре. Ближайшие аналогии этим формам сосудов мы находим в Обкухе (Пьянкова 2003: 224,

рис. 12,10; 227, рис. 15,8) и Ташгузоре (Виноградова 2004: 177, рис. 53,1).

Погребение 2 открыто под погребением 1 на глубине 2,2 м в слое чистого лесса (рис. 36). Погребение частично попало в борт западной стенки и благодаря этому удалось зафиксировать контуры входной ямы. Глубина дромоса около 1,2 м. В разрезе входной ямы хорошо видны куски плотной глины с растительными примесями (кирпичи?). Размеры «кирпичей» 20×20×30 см, 12×12×20 см. Они закрывали вход в погребальную камеру. Заполнение входной ямы в верхней части — лесс с мелкими карбонатными примесями, в нижней части — светло-серый лесс. Погребальная камера вырыта в северо-восточной части входной ямы в сторону повышения склона. В камеру вела ступенька высотой около 40 см. Заполнение погребальной камеры — светло-серый лесс, оно не отличается от окружающего грунта. Погребальная яма овально-вытянутой формы 2,6×1,6 м; высота свода предположительно — 0,9 м. Камера как бы разделена на две половинки — восточную и западную. В восточной части расчищен скелет в скорченной позиции, на левом боку, головой к дромосу. Скорченность средняя, руки лежат перед лицом. Головой погребенный ориентирован на юго-восток, лицом на запад. У лобной кости черепа расчищены одна золотая (рис. 37, 1) и три лазуритовые бусины (рис. 37, 2–4). У левой руки скелета лежало зеркало округлой формы без ручки (рис. 37, 6). Рядом с зеркалом найдены фрагмент каменной печати (рис. 37, 5) и небольшие фрагменты бронзовых лопаточек. У входа в камеру также расчищены мелкие фрагменты бронзовых вещей. У пяточной кости правой ноги найдена каменная фигурка человека (рис. 38; рис. 39). В западной части погребальной камеры было найдено 11 сосудов. Вся посуда — гончарная, большая часть покрыта темно-красным ангобом по всей поверхности сосуда. Различаются следующие формы посуды: миниатюрная ваза на ножке, большая чаша вазы со сломанной ножкой, два кувшина (один с высоким горлом), четыре

глубокие чаши, кубковидный сосуд и горшковидный сосуд с подкосом, глубокая миска (рис. 40). Слева от входной ямы в кучку были сложены кости барана (ребра, лопатка, ноги). По определению антрополога, череп умершего — долихронной формы с выступающим подбородком. Сохранившийся лицевой скелет посмертно деформирован. Пол женский, возраст *Maturus I* (35–40 лет). В 1,5 м к северо-западу от погребения 2 на глубине 1,75 м от современной поверхности найдена бронзовая булава с крюковидной головкой (рис. 37, 7), которая, скорее всего, также относится к сопровождающему инвентарю погребения 2 и была вынесена за пределы погребения грызунами.

К земледельческим комплексам, связанным с богатым погребением 2, можно отнести расположенные рядом два захоронения баранов (погребения 5 и 6), а также кострище.

Погребение 5 (рис. 41, 1) открыто на глубине 1,9 м, в 5 м от погребения 2. Конструкцию погребальной ямы проследить не удалось. Скелет взрослого барана лежал в скорченном положении на правом боку, головой на запад. Погребального инвентаря нет.

Погребение 6 найдено на глубине 2,2 м, в 8 м к северу от погребения. В разрезе раскопа хорошо были видны контуры входной ямы с подбоем (рис. 41, 2). Дромос прослеживается с древней дневной поверхности холма, заполнение лессом красноватого цвета с известняковыми включениями. Входная яма — овальной формы, размером 1,2×0,8 м, глубиной — 1,7 м. Вход в погребальную камеру — с восточной стороны. Сама камера округло-овальной формы (1,7×1,5 м), высота свода около 0,5 м. В камере головой на запад лежал скелет барана в скорченном положении, на левом боку. Голова животного отделена и лежит в 12 см от туловища. Общая длина скелета без головы — 1 м 10 см. Животное взрослое. На ребрах животного лежал кусок глины. Погребение безынвентарное.

Особый интерес представляет впервые обнаруженное кострище, оно расчищено на довольно значительном расстоянии — 12,5 м к западу от погребения 2 (рис. 42). Глубина залегания около 3 м от поверхности холма. Общая площадь вместе с зольником 4,6×2,4 м, слой золы и угля — толщиной 2–3 см. В углях видны следы соломы или тростника. В эпицентре слой угля и золы составляет 4–5 см и под ними прослеживается пятно сильно обожженного лесса толщиной около 10 см. В центре поверх углей лежал камень (галька) размером 6×25 см и зуб барана. Камень и зуб не обгорели, и их положили, скорее всего, когда кострище уже перестало функционировать.

Богатый погребальный инвентарь погребения 2, наличие рядом с ним погребений жертвенных животных, а также значительное по площади кострище свидетельствуют о высоком социальном статусе захороненной в погребении 2 женщины.

На раскопе 6, кроме погребения 1, открыто еще несколько захоронений вахшской культуры.

Погребение 3 найдено на глубине 0,9 м от современной поверхности (рис. 43, 1). Захоронение ямное, размеры погребальной камеры 1,2×1 м; она вырыта в слое лесса с карбонатными конкрециями. Захоронение фракционное. Череп покоится на базальной части, отсутствует верхняя часть черепной крышки. Лицевая часть черепа раздавлена. Длинные кости обнаружены позади затылочной части черепа, по бокам выложены кости нижних конечностей. В средней части находятся длинные кости верхних конечностей — локтевые и плечевые. Позвонки и ребра отсутствуют. Зубы не стерты. Головой погребенный ориентирован в северо-западном направлении. Рядом с черепом, на костях, лежал камень из песчаника зеленоватого цвета. В западной части ямы расчищено четыре лепных сосуда: «кубок» на маленькой ножке, горшок, кувшин и миска (рис. 43, 2–5). На керамике хорошо видно вертикальное лощение «елочкой». Возраст умершего — около 25 лет. Пол не определяется.

Погребение 4 раскопано на глубине 0,9 м от современной поверхности холма. Кости черепа, ног и рук разбросаны на площади 0,5×2 м. Скелет принадлежал взрослому человеку. Захоронение в древности было разграблено, погребального инвентаря нет.

Погребение 8 находится на глубине 1,3 м от поверхности холма (рис. 44, 1). Захоронение — фракционное, сохранились отдельные кости черепа, ног и рук. По зубам можно сказать, что здесь похоронен подросток 10–12 лет. Рядом с костями собраны черепки лепного горшковидного сосуда с лощением «елочкой» (рис. 44, 2).

Погребение 9 открыто на глубине 1,5 от современной дневной поверхности (рис. 45, 1, 2). Дно ямы — овальной формы 1,2×1,3 м. В восточной части могилы лежит скелет в скорченной позиции, на правом боку, головой на север. Захоронение фракционное, так как многие кости скелета отсутствуют. В центре и западной части погребальной камеры стояло два гончарных сосуда — горшковидный сосуд и миска (рис. 45, 5, 6), а также два лепных «кубка» на кольцевом поддоне (рис. 45, 3, 4). По всей поверхности сосудов видны следы лощения «елочкой». На шейных позвонках скелета найдено 14 бусинок: две из кости вытянутой бочковидной формы, другие из пасты и бирюзы короткой цилиндрической формы (рис. 45, 8). Около черепа расчищено две гальки со следами охры (рис. 45, 7). У западного края погребальной ямы найдено несколько костей животного (барана?). Плохая сохранность костей скелета не позволяет определить пол погребенного, возраст зрелый.

Погребения 11 и 12 могут быть отнесены к захоронениям только условно. Это ямы, выкопанные с древней дневной поверхности, буквально забиты кусками красноватой глины с белыми известняковыми камушками. В глине встречаются мельчайшие фрагменты керамики и костей. Размеры ям: погребение 11 — 0,75×0,9 м, глубина 1,8 м; погребение 12 — 1,3×1,5 м, глубина 1,6 м. Погребальные каме-

ры не выявлены. Возможно, это символические захоронения или кенотафы.

Погребение 13 расчищено на глубине 1,6 м от современной поверхности (рис. 46, 1, 2). Открыта погребальная камера — яма округлой формы 1,8×1,8 м. Судя по глубине ее залегания, захоронение могло быть подбойного типа. В северной части камеры лежал скелет в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад, руки — перед лицом. В западной части ямы расчищено четыре сосуда: миска гончарная на кольцевом поддоне с белым ангобом и лощением «елочкой» (рис. 46, 5) и три лепных горшковидных сосуда (рис. 46, 3, 4, 6). Один из них круглодонный, тесто с примесью ракушки (рис. 46, 3). Пол погребенного из-за плохой сохранности костей не определяется, возраст — 15–20 лет.

Раскоп 8²⁴. Особый интерес представляют исследования другого могильника в Гелоте (раскоп 8) (рис. 17, 6). Он находится рядом с раскопом 1 около заброшенного кишлака Зульмобод. Во время весенних паводков учитель истории местной школы М. Куганов собрал из разрушенного погребения уникальный материал: более 1400 бус из агата и бирюзы (рис. 48, 5, 6). На месте находки на краю обрыва был заложён раскоп размером 6×3 м (рис. 47). Здесь прослеживается следующая стратиграфия залегания почв. Современный гумусный слой составляет около 10 см, древний гумусный горизонт — 30–40 см, затем следуют лессовые почвы с карбонатными конкрециями — «журавчиками» толщиной 0,6 м, и далее чистый лесс. На глубине двух метров от современной поверхности было расчищено парное захоронение. Следов погребальной ямы не видно. Оба костяка лежат в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Руки согнуты в локтях, кисти находятся перед лицом. Тазового пояса у обоих скелетов нет. Часть костей скелетов уничтожена промоиной. На ребрах первого скелета, которые несколько сдвинуты в сторону, расчищены бронзовый нож (рис. 48, 1)

²⁴ Координаты объекта: GPS N37°57'2.36", E69°43'6.05".

и рядом с головой костяная стрела (рис. 48, 3). Место, где в промоине местным жителем было найдено более 1400 бус, находится к востоку от ног первого погребенного. После дальнейшей зачистки промоины на глубину 1,5 м выявились другие находки: костяная трубочка (рис. 48, 4), пастовые, агатовые бусы и одна золотая бусина (рис. 48, 5, 6) и гончарный горшковидный сосуд (рис. 48, 2). По антропологическому исследованию, пол умерших точно не определяется, возраст первого скелета — 25–35 лет (*adultus*), второго — 20–25 лет (*juvenis*).

2. Погребальные комплексы земледельческой культуры в Гелоте. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения, сопроводительный инвентарь (керамика, металлические и каменные изделия, скульптура)

В Гелоте земледельческие захоронения обнаружены на раскопе 4 (погребения 2, 3), раскопе 5 и раскопе 6 (погребения 2, 5, 6). Они расположены на значительном расстоянии друг от друга. Глубина залегания могил составляет более двух метров. Для погребения в подбое или катакомбе с древнего горизонта холма вертикально или под углом прокапывалась входная яма, и затем в стенке дромоса в сторону повышения склона делался подбой, так что погребальная камера оказывалась на довольно большой глубине. Вход в погребальную камеру закладывали комками глины или кирпичами. Из раскопанных погребений — один кенотаф. В могиле погребенные лежат в скорченной позе, на левом боку (женские захоронения). Определенной ориентировки скелета умершего по сторонам света не наблюдается. В погребение кладутся кости жертвенных животных (барана). Кроме того, встречаются два захоронения баранов в скорченной позе на правом и левом боку, головой на запад. Сопровождающий инвентарь

включает посуду, в могилах встречаются *от 5 до 11 сосудов*. В богатом погребении 2 (раскоп 6) в могилу положены предметы из бронзы — зеркало, булавка, лопаточка, а также изделия из камня — печать, бусы, статуэтка. Среди предметов имеется также одна бусина из золота. В погребении 3 (раскоп 4) вместе с сосудами встречается каменное прясло.

Обратимся к рассмотрению археологического материала этих погребений.

Керамика

Все сосуды из этих захоронений, за исключением одного фрагмента стенки сосуда из погребения 3 раскопа 4 (рис. 27, 4) — это столовая посуда. Керамика изготовлена на гончарном круге быстрого вращения из плотного теста без видимых примесей. На одном из сосудов на донце видна «вихревая розетка». Почти вся посуда по всей поверхности с внешней и внутренней стороны (чаши) покрыта темно-красным или белым ангобом. Как правило, поверхность большинства сосудов нелощенная. Различаются следующие формы:

1. Чаши на ножке (вазы)

1. Эта форма представлена экземпляром из погребения 2 раскопа 6. В могиле находилась только верхняя часть сосуда — чаша ($D=30,3$ см; $H=7,5$ см)²⁵. Резервуар — конический, несколько уплощенный, с загибающимся внутрь венчиком, оформленный рельефными поясками. На дне чаши видны следы прикрепления к ножке сосуда. Вся поверхность с внутренней и внешней стороны покрыта темно-красным ангобом (рис. 49, 1). По форме резервуара чаши ближайšie аналогии мы находим в вазах Дашлы 1 (Francfort 1989: 348, fig. 30, 21, Type I, 2). Рельефными поясками по краю чаши украшена ваза из могильника Джаркутан 4с I периода Джаркутан I (Širinov, Varatov 1997: 69, Abb. 2, 6).

---

²⁵ D — диаметр венчика; d — диаметр дна; H — высота.

2. Второй тип вазы — чаши цилиндрической формы, на сплошной низкой ножке с дисковидным основанием. Края чаши выделены (рис. 49, 4). Размеры: $D = 10,4$ см; $H = 7,4$ см; $d = 4$ см.

Ближайшие параллели этой форме имеют место в Дашлы 3 (Francfort 1989: 351, рис. 33, 33, 45, Type II, 4) и в Гонуре (Sarianidi 2007: 58, fig. 27). Типологически они относятся к категории конических или вазообразных чаш (Аскаров 1977: 66).

II. Кубки и кубковидные сосуды

1. В погребении 2 раскопа 4 найден кубок биконической формы, с отогнутым венчиком и на низкой ножке с кольцевым поддоном. Четко выражено ребро подкоса тулова (рис. 49, 3). Размеры: $D = 9,5$ см; d осн. ножки — $5,5$ см; $H = 13$ см.

Подобные формы кубков характерны для таких памятников, как Сапалли (Аскаров, 1977: 65, рис. 32, тип IV 1a), Дашлы 1 (Francfort 1989: 355, fig. 37, 18, Type III, 4).

2. К кубковидным сосудам относится только один экземпляр из погребения 2 раскопа 6. Он грушевидной формы, с ребром в нижней части сосуда (рис. 49, 2). Размеры: $D = 7,7$ см; $d = 4$ см; $H = 9,5$ см.

Ближние аналогии этому типу керамики обнаружены в могильнике Джаркутан 4с периода Джаркутан I (Širinov, Varatov, 1997: 74, Abb. 6, 12), в некрополе Гонур (Sarianidi 2007: 61, fig. 49) и Дашлы 3 (Francfort 1989: 357, 39, fig. 33, Type IX).

III. Кувшины и графины

Выделяются два типа этой формы:

1) сосуд с высоким узким выделенным горлом, отогнутым наружу венчиком; тулово-биконической формы с усеченной конической придонной частью (рис. 49, 6). Размеры: $D = 10,5$ см; $d = 8,5$ см; $H = 26,8$ см.

2) два сосуда со сферо-конической формой тулова. Размеры: 1) $D=9$ см; $d=11$ см; $H=23$ см (рис. 49, 8); 2) $D=6$ см; $d=8$ см; $H=15,5$ см (рис. 49, 7).

Некоторые параллели этой керамике имеются среди сапаллинской посуды (Аскарлов 1977: рис. 32, тип IX, 3, 3а), в некрополях Гонур (Sarianidi 2007: 61, fig. 80) и Алтын-депе периода поздней Намазга V (Кирчо 2005: 373, рис. 16, 27, 29).

3) сосуд с узким высоким горлом, отогнутым наружу венчиком и сферическим туловом. На плечиках сосуда имеются рельефные горизонтальные линии (рис. 49, 5). Размеры: $D=7$ см; $H=14,5$ см; $d=6$ см; H горла = $6,5$ см.

Аналогии этой форме сосуда имеют место в Алтын-депе периода поздней Намазга V (Кирчо 2005: 373, рис. 16, 31).

IV. Глубокие чаши биконической формы, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 50).

В погребениях обнаружено 6 сосудов следующих размеров: 1) $D=12,5$ см; $H=13$ см; $d=5,5$ см (рис. 50, 1); 2) $D=10$ см; $H=12$ см; $d=5$ см (рис. 50, 2); 3) $D=11$ см; $H=13,5$ см; $d=4,5$ см (рис. 50, 3); 4) $D=10$ см; $H=11$ см; $d=5,5$ см (рис. 50, 4); 5) $D=12$ см; $H=12,5$ см; $d=6,7$ см (рис. 50, 5); 6) $D=11$ см; $H=12,3$ см; $d=6,5$ см (рис. 50, 6).

Посуда этой формы часто встречается на памятниках Северного Афганистана — Дашлы 1 и Дашлы 3 (Сарианиди 1976: 33, рис. 22, 21; 68, рис. 43, 16; Francfort 1989: 354, fig. 36, 17, 18, Type II, 3).

V. Миска глубокая с широким устьем, слегка отогнутым наружу венчиком и конической нижней частью. Размеры: $D=21,5$ см; $d=10$ см; $H=9$ см (рис. 50, 7).

Существуют аналогии среди посуды сапаллинской культуры сапаллинского и джаркутанского этапов (Аскарлов 1977: рис. 32, тип X, 1, 1а), Дашлы 3 (Francfort 1989: 356, fig. 38, 45, Type VIII, 3–4).

VI. Сосуды со сливом представлены одним экземпляром из погребения 2 раскопа 4. Форма открытая, со сферо-

коническим туловом и подкосом в нижней части. Размеры: Дуст.=29,5 см; Н=24,5 см; Ддна=8,8 см. Венчик срезан и загнут внутрь, на плечиках — короткий носик трубчатой формы (D=2,6 см). Следы красного ангоба видны с внутренней и внешней стороны сосуда (рис. 51, 1).

Наиболее близкие параллели этой форме посуды встречены в Сапаллитепе (Аскарлов 1973: 72, рис. 33, 3, тип VIII), керамическом комплексе Келлели Маргианы (Удеумуратов 1993: 70, рис. 29, 38) и Алтын-депе (периода Алтын 1) (Кирчо 2005: 370, рис. 14, 28, 29).

VII. Горшковидные сосуды

Различается несколько вариантов:

1. Сосуды сфероконической формы с подкосом в нижней части и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 51, 4, 5). Размеры: 1) Дуст.=11 см, Н=29 см, Ддна=7 см; 2) Дуст.=8,5 см, Н=20 см, Ддна=7 см; 3) Дуст.=11 см; Н=29 см; Ддна=11 см. Наибольший диаметр тулова почти равен высоте сосуда.

Сосуды этого варианта имеют широкий круг аналогий в посуде Сапаллитепе (Аскарлов 1973: 159, табл. 19, 8), Дашлы 1 и 3 (Сарианиди 1976: 28, рис. 17, 4; 30, рис. 19, 6; 56, рис. 33, 19; 68, рис. 43,1; Francfort 1989: 359, fig. 41, 18, 19, Type XIV), могильниках Джаркутана — этапа Джаркутан I (Аскарлов, Абдуллаев 1983: 17, тип II 1), керамическом комплексе Келлели в Маргиане (Удеумуратов 1993: 70, рис. 29, 7).

2. Сосуды с шаровидно вытянутым в ширину туловом, сильно отогнутым венчиком и подкосом в нижней части. Диаметр тулова значительно превышает высоту сосуда (рис. 51, 2, 3, 7). Размеры: 1) Дуст.=13 см, Н=22 см; D тул.=31,7 см; Ддна=12 см (рис. 51, 3); 2) Дуст.=8 см, Н=10 см; D тул.=16 см, Ддна=6 см (рис. 51, 2); 3) Дуст.=13 см, Н=23 см, D тул.=33 см, Ддна=9 см (рис. 51, 7).

Эта форма сосуда находит близкие параллели на посуде таких памятников, как Сапаллитепе (Аскарлов 1973: 159, табл. 19, 6), Дашлы 3 (Сарианиди 1976: 68, рис. 43,7; Francfort 1989: 360, fig. 42, 43, Type XIII), Гонур (Sarianidi

2007: 59, fig. 136), могильник Джаркутан этапа Джаркутан I (Аскаров, Абдуллаев 1983: 17, тип V, 1, 2).

3. Горшковидный сосуд грушевидной формы, со срезанным венчиком, загибающимся внутрь. Плечики слегка выделены (рис. 51, 6). Размеры: Дуст. = 9 см; Н = 18,3 см; Д дна = 6,5 см.

Такой тип посуды известен в Дашлы 3 (Сарианиди 1976: 57, рис. 34, 21) и Сапаллитепа (Аскаров 1973: 72, тип VII, 4).

Анализ керамики из земледельческих погребений могильника Гелот позволяет отнести эти материалы к культуре Окса. При этом некоторые формы — кубки (тип 1), кувшины (тип 1–3), сосуды со сливом — сопоставимы с посудой из могильников Сапаллитепа, Дашлы 1, Алтын-депе (слои Намазга V). Другие керамические формы — вазы (тип 1, 2), кубки (тип 2), чаши, горшковидные сосуды (тип 2) — обнаруживают более близкие параллели со второй фазой сапаллинской культуры (Джаркутан I) и Дашлы 3²⁶.

Обратимся к другим материалам погребальных комплексов. Среди сопровождающего инвентаря, кроме керамики, встречаются бронзовые предметы (булавка, зеркало), бусы лазуритовые и одна золотая, фрагмент каменной печати и мраморная антропоморфная фигурка. Все эти предметы найдены в погребении 2 раскопа 6. Одно мраморное пряслице найдено в захоронении 3 раскопа 4.

Предметы из металла и камня

1. Зеркало округлой плоской формы (10,2 × 10,2 см) без ручки найдено около левой кисти погребенной (рис. 37, 6). Оно сильно коррозировано. По классификации К. Каниута зеркало относится к варианту А-2-2 (Kaniuth 2006: 72). Зеркала этой формы распространяются в широком территориальном, хронологическом и культурном диапазоне в пределах III и II тыс. до н. э., в женских погребениях они встречаются в Са-

²⁶ А.-П. Франкфор считает материалы Дашлы 1 более ранними, чем Дашлы 3 и синхронизирует Дашлы 1 с сапаллинским этапом, а Дашлы 3 — с Джаркутан I (Francfort 1989: 368).

паллитета, Джаркутан, Намазга-депе, Алтын-депе, Саразм, Дашлы 3, Гонур, Тигровая Балка и т. д. (Kaniuth 2006: 73).

2. Булавка с крюковидной круглой головкой расчищена рядом с погребением 2 раскопа 6 (рис. 37, 7). Кончик булавки обломан. Длина стержня — 7,7 см, ширина около 4 мм. Она сильно коррозирована. Результаты эмиссионного спектрального анализа позволяют определить химический состав металла булавки (табл. 1)²⁷.

Таблица 1

№	Категория	Лаб. шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Примечание
1	Булавка	83516	0,02	0,06	0,01	-	0,02	0,02	-	1,4	-	-	-	Cu ₂ O

Основа металла, из которого изготовлена булавка — медь с незначительной примесью свинца (1,4%). По классификации К. Каниута, она относится к типу F5 (Kaniuth 2006: 119). Ближайшие аналогии данной булавке имеются в Джаркутане (Širinov 2002: 97 Abb. 58/A, 9) и в Дашлы 1 и 3 (Сарианиди 1977: 83, рис. 42). Ареал распространения булавки этой формы — от долины Инда до юго-западного Ирана. Древнейшие образцы известны в Илгынлы-депе периода Намазга II (Kaniuth 2006: 119).

Еще один фрагмент бронзового предмета был исследован с помощью эмиссионного спектрального анализа (табл. 2)²⁸.

²⁷ Анализ выполнен А.Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), Санкт-Петербург.

²⁸ Анализ выполнен А.Ф. Дубровиным на приборе СТЭ-1 в Государственном научно-исследовательском институте реставрации, Москва.

Таблица 2

Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Fu
основа	0,2	1	-	0,004	0,05	0,04	0,8	0,05	0,04	0,003	0,06

В отличие от первого анализа, в сплав меди кроме свинца (1%) добавлен мышьяк (0,8%). Сплавы меди с мышьяком и свинцом хорошо известны в сапаллинской культуре — Сапаллитепа, Джаркутан (Kaniuth 2006: 107), в Северном Афганистане на дашлинских памятниках (Сарианиди 1977: 71), в Маргиане (Терехова 1990: 184) и в Южной Туркмении — Алтын-депе (Кирчо 2005: 383).

Кроме зеркала, у лобной кости черепа погребенной были расчищены три лазуритовые (рис. 37, 2–4) и одна золотая бусины (рис. 37, 1). Они удлиненные, бочковидной формы. Золотая бусина длиной 6 мм, D_{макс.} — 3 мм, D_{отверстия} = 1 мм. Лазуритовые бусы все одного размера — длиной 8 мм, D_{макс.} = 4 мм, D_{отверстия} = 1 мм.

Наиболее близкие параллели бусам из Гелота — в Сапаллитепа, где была найдена золотая бусина и лазуритовые пронизки (Аскарлов 1977: 74, 75), в Дашлы 3 (Сарианиди 1977: 104). Лазуритовая пронизка биконической формы с золотой оковкой посередине найдена в захоронении периода Гиссар IV на Тепе Гиссар (Schmidt 1937: 135, рис. 79, Pl. XXXII, H2185). Лазуритовые бусы бочонковидной формы периода ранней и средней бронзы имеют широкий круг аналогий в Сузах и Центральной Азии — Шахри-Сохта, Мундигак, Саразм, Алтын-депе (Casanova 1994: 140), Гонур (Sarianidi 2007: 115, fig. 207; 151, fig. 29).

В этом же захоронении рядом с зеркалом был расчищен фрагмент каменной печати или амулета из розового мрамора. Размеры сохранившейся части 1,8×2 см. На печати сохранилось рельефное орнаментальное изображение розетки, скорее всего, четырехлепестковой (рис. 37, 5). Аналоги таких розеток найдены среди металлических печатей в Алтын-депе (Массон 1981, табл. XVI, 8), Шахри-Сохта (Salvatori 2000: 115,

fig. 11, 10 — тип 8) и на амулетах из серпентина в Маргиане (Sarianidi 1986: 222).

Из других находок, найденных в погребениях, примечательно прясло из мраморовидного известняка, находившегося в одном из сосудов в погребении 3 раскопа 4 (рис. 27, 6). Оно биконической формы. Размеры: Н=2 см, D макс.=2 см и D отверстия=0,5 см. Такие каменные пряслица²⁹ часто находят в могилах, иногда они орнаментированы кружочками или насечками: Сапаллитепа (Аскарров 1973: 95, рис. 47, 14), Дашлы 3 (Сарианиди 1977: 105, рис. 54, 5), Сумбар I (Хлопин 1983: 221, табл. LXII, 1–14), Алтын-депе в слое поздней Намазга V (Кирчо 2005: 388, рис. 21, 58–62), в Гонуре (Сарианиди 2001[^] 159, рис. 6, 9).

Одной из самых интересных находок из земледельческих погребений Гелота является каменная фигурка человека, найденная в женском погребении 2 раскопа 6 (рис. 38; рис. 39)³⁰. Фигурка очень плотно прилегала к пяточной кости правой ноги костяка, не исключено, что перед захоронением она предварительно была привязана к стопе умершей. Статуэтка изображает фигуру мужчины. Высота — 13,2 см, ширина в плечах — 8,2 см. Нижняя часть статуэтки вырезана в форме усеченного конуса. Срез — овальной формы (8×5,7 см), он является основанием, на котором стоит скульптура. Голова фигуры округлой формы (4×4 см) с выделенным прямым носом, подбородком и «улыбающимися» губами. Рот показан небольшим углублением, и уголки губ как бы растянуты в улыбке. Глаза большие, миндалевидной формы. Пластически проработаны брови и глазное яблоко. Переход от головы к плечам плавный, шея короткая, плечи широкие. Руки сложены на поясе, большие пальцы слегка подняты вверх и соприкасаются между собой. Другие пальцы сжаты в кулак.

---

²⁹ Часто их называют бусы-пряслица.

³⁰ Спектральный анализ Центральной лаборатории Управления геологии г. Душанбе показал, что статуэтка изготовлена из мягкого белого камня — ангидрита (разновидность гипса). Этот камень встречается в неогеновых породах Афгано-Таджикской депрессии. Вес фигурки — 555 г.

Прекрасно моделированы уши и прическа. Лоб и уши не закрыты волосами. Ушная раковина и мочка эллипсовидной формы. Волосы прямые, прочерчены тонкими углубленными линиями. На концах они собраны в косу и свернуты валиком на затылке в пучок. Судя по изображению рук, фигурка изображает мужчину в молитвенной позе.

Находка статуэтки из земледельческого погребения в Гелоте, в отличие от керамического материала, не находит прямых аналогий в бактрийско-маргианских комплексах. По стилю исполнения эту фигуру можно сопоставить с месопотамской пластикой раннединастического времени — широкие плечи, широко расставленные руки, изображение лица с «улыбающимися губами» и большими глазами миндалевидной формы. Для сравнения могут быть приведены статуэтки, которые изображают фигуры в молитвенной позе — руки всегда сложены на груди или на поясе, смиренная поза выражает мольбу к богу. Многие фигурки с надписями (имя бога или жертвователя). Их находят среди храмовых предметов, в алтарях, под полом, в фундаментах святилища (Braun-Holzinger 1997: 1). Возможно, что после смерти жертвователя фигурка почиталась как изображение предков (Braun-Holzinger 1997: 19). Более ранние находки этих статуэток происходят из области Дияла, более поздние — из Мари. Статуэтка из Гелота по общей манере исполнения лица, рук может быть сравнима со скульптурой из Мари (Braun-Holzinger 1997: Tf. 24 a, d; Tf. 30, a, b).

Особое внимание привлекает поза рук гелотской фигуры — пальцы сжаты в кулак, большие пальцы рук слегка подняты вверх и соприкасаются между собой. Подобное изображение рук мы находим в Месопотамии — в Уруке, где статуэтка изображает мужскую фигуру со сложенными в кулак руками, большие пальцы которых отогнуты вверх (Basmachi 1975–1976: № 24).

Жесты рук, разные позиции ладони и пальцев имели определенную символику. А. Оппенхейм пишет, что в месопотамской религиозной практике молитвы сопровождалась определенным ритуалом, тщательно расписанным для жре-

ца и молящихся. Этот ритуал регламентировал движения и жестикуляцию, а также характер приношения, его время и место (Оппенгейм 1990: 139).

Жест руки, сжатой в кулак, с выпрямленным большим пальцем, часто изображается на навершиях булавок, найденных в погребениях. В Месопотамии известна только одна такая бронзовая булавка в царском некрополе Ура (Woolley 1934: 147, 527, табл. 189; Winkelmann 1998: 9, Abb. 4, 3). Булавки с изображением руки в различных позициях ладони и пальцев хорошо известны по бактрийско-маргианским погребальным комплексам: серебряные и костяные — в Гонуре (Sarianidi 1996: fig. 3, 1–2; Сарияниди 2001: 73, рис. 38), бронзовые — из разграбленных могил в Афганистане (Sarianidi 1986: 194, табл. 70), в Сапаллитепа (Аскарков 1977: 76, табл. 40, 5; Kaniuth 2006: 112, рис. 168–173), в Джаркутане (Аскарков, Абдуллаев 1983: 104, табл. 34,6; Širinov, Baratov 1997: 72, Abb. 4, 2).

На наш взгляд, жесты пальцев рук, изображенных на статуэтках и на навершиях булавок, связаны между собой и свидетельствуют об определенном ритуале, который предпринимался в погребальной практике для жрецов и молящихся.

Статуэтка из Гелота, кроме вышеупомянутых параллелей с месопотамской скульптурой, имеет определенное сходство в бактрийской и маргианской пластике. Это тонкая моделировка глаз, ушной раковины и прически. В Гонуре было найдено серебряное навершие булавки (Сарияниди 1995: 78, рис. 3). Оно изображает женщину, сидящую в кресле и одетую в каунакес. Лицо ее отлично от гелотской фигурки, но бесспорно сходство в изображении больших миндалевидных глаз, ушных раковин эллипсоидной формы и прически. Волосы прочерчены тонкими углубленными линиями, уложены валиком на затылке. Такая прическа характерна для бактрийских составных статуэток (Pottier 1984: Pl. XVI, 303). Интересны черты лица и прически фигурки, изображенной на печати из Северного Афганистана. Это богиня, сидящая на льве. Глаза большие, миндалевидные. Уголки губ растянуты в улыбке, волосы собраны в пучок (Winkelman 2004: 71;

190, fig. 5). С. Винкельман проводит аналогии с цилиндрическими печатями Некрополя А Шахдада и датирует их раннединастическим периодом до начала Аккадского времени.

Другая линия параллелей статуэтки из Гелота может быть проведена с Восточным Ираном, где в Шахдаде на Некрополе А были найдены глиняные статуи в молитвенной позе. Они довольно больших размеров, от 45 до 97 см (Nakemi, Sajjadi 1989: 147), и некоторые имеют портретное сходство с умершими. Характерны скульптуры, вылепленные под влиянием месопотамской пластики — широкие плечи, широко расставленные руки, сложенные на груди или на поясе. Именно эти элементы в изображении торса статуй сближают гелотскую статуэтку с изображениями из Шахдада (Nakemi 1997: № 1479, 3432, 3520).

Подводя итоги описанию статуэтки из Гелота, мы склоняемся к мнению, что она была изготовлена в Бактрии мастерами из местного камня (ангидрат) под влиянием месопотамских эталонов.

3. Погребальные комплексы вахшской культуры в Гелоте. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения, сопроводительный инвентарь (керамика, металлические и каменные изделия)

Исследования вахшских захоронений на могильниках Гелота в бассейне реки Кызылсу позволяют сделать некоторые выводы о конструкции погребальных сооружений и обряде захоронения. Могильники, как правило, располагаются на лессовых склонах холмов. Размеры древних кладбищ небольшие. На древней поверхности погребения никак не отмечены. Захоронения не перекрывают друг друга и находятся на расстоянии от двух до шести метров одно от другого. Выделяется два типа конструкции могил: простая яма и яма с подбоем или катакомбой. Для могил с подбойно-катакомбной конструкцией с древнего горизонта холма вертикально или под углом прокапывалась входная яма, затем в стенке дромоса

в сторону повышения склона делался подбой для погребальной камеры. Вход в камеру в некоторых случаях закрывался кусками глины.

Обряд захоронения — труположение, следов кремации не обнаружено. Погребенный находится в могиле в сильно скорченном положении (пятки ног касаются таза). Определенной ориентировки скелета в могиле не наблюдается, часто он обращен головой в сторону повышения склона — на север и северо-запад. В мужских захоронениях скелет лежит на правом боку, в женских — на левом. Руки находятся перед лицом, на груди или на поясе. Встречаются парные захоронения и могилы с расчлененными скелетами: в погребение кладется череп, длинные кости рук и ног. По определениям антропологов, возраст погребенных от 5–6 лет до 50 лет. В могилах встречаются кости барана или диких животных — оленя. Погребальный инвентарь довольно стандартный. В погребении находилось от одного до четырех сосудов, каменные жезлы³¹, бусы из пасты, сердолика и лазурита, гальки-краскостерки; в редких случаях ножи и изделия из кости.

Керамика

Посуда из захоронений вахшской культуры представлена лепными и гончарными сосудами³². Некоторые лепные сосуды подправлены на кругу. Глина гончарных керамических изделий коричневого или красноватого цвета, практически без примесей, хорошего обжига. В тесте лепной керамики прослеживаются примеси шамота, дресвы и ракушки (для кухонной посуды). На некоторых сосудах имеются следы красного и белого ангоба, внешняя поверхность орнаментирована с помощью лощения узором «елочки».

Гончарные сосуды изготовлены на кругу быстрого вращения. Представлены следующие формы и типы:

---

³¹ Последние происходят из разрушенных погребений.

³² В погребениях вахшской культуры в Гелоте найдено всего 14 лепных и 11 гончарных сосудов.

I. Кубки:

- 1) кубок тюльпановидной формы на дисковидном сплошном поддоне (рис. 52, 1–3);
- 2) кубок с биконической формой тулова, отгибающимся наружу острым венчиком. Плечики тулова располагаются в нижней части сосуда (рис. 52, 4).

II. Миски и блюда:

- 1) миска на кольцевом поддоне (рис. 52, 8);
- 2) миски глубокие, с широким устьем, с выделенными плечиками и слегка отогнутым (рис. 52, 9) или прямым венчиком (рис. 52, 10);
- 3) миска глубокая, со слегка загибающимся внутрь венчиком и конической нижней частью (рис. 52, 11);
- 4) блюдо с широким устьем и слегка отогнутым венчиком (рис. 52, 12).

III. Горшковидные сосуды шаровидной формы, со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 52, 5) или с дисковидным поддоном (рис. 52, 6).

Лепная столовая керамика представлена следующими формами и типами сосудов:

I. Кубки:

1. Тюльпановидной формы на кольцевом поддоне. Имеют различия в форме венчика — прямой или отогнутый наружу (рис. 53, 1–5);
2. Шаровидной формы, со срезанным венчиком и на низком сплошном поддоне (рис. 53, 6).

II. Кувшины. Круглодонный кувшин с высоким выделенным горлом, отогнутым наружу венчиком и сферическим туловом (рис. 53, 9).

III. Миски:

- 1) миска глубокая, с широким устьем, сильно загибающимся внутрь венчиком и конической нижней частью (рис. 53, 12).

Сосуд в древности ремонтировался, на стенках миски имеется шесть просверленных отверстий;

2) миска глубокая круглодонная, с широким устьем, сильно загибающимся внутрь венчиком (рис. 53, 11).

IV. Горшковидные сосуды:

1) шаровидной формы, со слегка отгибающимися краями венчика и слегка выделенным дном (рис. 53, 7, 8);

2) грушевидной формы и срезанным венчиком (рис. 53, 10);

3) шаровидной формы с ручками-налепами на плечиках (рис. 53, 14).

Среди лепной кухонной посуды различаются следующие формы: кубковидный сосуд с дисковидным дном (рис. 54, 1), круглодонные горшки шаровидной формы и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 54, 2, 3), горшок с дисковидным основанием (рис. 54, 4) и миска конической формы (рис. 39, 5).

Аналогии гончарной и лепной керамике Гелота известны из памятников вахшской и бешкентской культуры. «Кубки» тюльпановидной или яйцевидной формы — одна из основных форм керамики этих культур. Для гончарных сосудов этой формы характерен поддон дисковидный сплошной, для лепных — кольцевой. В Раннем Тулхарском могильнике все сосуды (лепные) происходят из захоронений в катакомбах и ямах с прямоугольной оградкой (Мандельштам 1968: 156, табл. XV, 5–7). Некоторые параллели этой форме находим среди лепной посуды могильника Тигровая Балка (Пьянкова 1989: 235, рис. 55, 1, 3). Ближайшие аналогии круговым сосудам из Гелота мы обнаруживаем на памятниках вахшской культуры в бассейне р. Кызылсу — могильнике Обкух (Пьянкова 2003: 227, рис. 15, 7, 8). Два гончарных сосуда яйцевидной формы известны в Северном Афганистане из земледельческих погребений в Дашлы 17 и Дашлы 18 (Сарианиди 1977: 69, рис. 31, 8, 9).

Для гончарного «кубка» биконической формы из Гелота имеются аналогии среди сосудов из катакомбных захоронений Тулхарского могильника (Мандельштам 1968: 156, т. XV, 2), Тигровой Балки (Пьянкова 1989: 239, рис. 59, 6, 7), Обкуха (Пьянкова 2003: 226, рис. 14, 5, 7), Гулистана (Виноградова, Пьянкова, Гётцельт 2003: 107, рис. 4, 2).

У круглодонного кувшина и лепного горшка с ручками-налепами нет прямых параллелей на памятниках бешкентской и вахшской культуры. Налепные ручки на плечиках сосудов встречаются на земледельческом поселении Кангурттут в бассейне р. Кызылсу (Виноградова, Ранов, Филимонова 2008: 308, рис. 12, 34).

Для плоскодонных форм глубоких мисок из Гелота известны аналогии на памятниках степных и земледельческих культур эпохи поздней бронзы (Пьянкова 1989: 233, рис. 51, 5, 8; Пьянкова 2003: 224, рис. 12, 7, 8, 10; Виноградова 2004: 184, табл. II).

Горшки шаровидной формы на сплошном низком поддоне или без поддона были найдены на поселении вахшской культуры Ташгузор (Виноградова 2004: 177, рис. 53, 1), в Обкухе (Пьянкова 2003: 227, рис. 15, 7), в Раннем Тулхарском могильнике (Kaniuth, Teufer 2001: 95, Abb. 4,15). Круглодонные кухонные горшки также часто встречаются в могильниках вахшской и бешкентской культур: в погребениях со спуском Раннего Тулхарского могильника (Мандельштам 1968: 152, табл. XI, 1), в Макониморе (P'jankova et al. 2009: 109, Abb. 15, 3), в Тигровой Балке (Пьянкова 1989: 230, рис. 48, 1–4, 7, 8). Интересно, что на могильнике Гелот в погребальном инвентаре не встречаются цилиндрические банки, одна из самых характерных форм посуды вахшской культуры.

Металлические, каменные и костяные изделия. Случайные находки.

Около разграбленного погребения 6 раскопа 4 была найден предмет из бронзы длиной 3 см (рис. 30, 6). По форме это булавка или шило. Подобные находки из бронзы, в отличие от инвентаря земледельческих памятников (Kaniuth 2006: 103–105), довольно редко встречаются в вахшской культуре. Единичные предметы такого типа известны в Раннем Тулхарском могильнике (Мандельштам 1968: 149, табл. VIII, 6) и на поселении Ташгузор (Виноградова 2004: 177, рис. 53, 12).

Из бронзовых предметов в погребении 1 раскопа 8 найден двулезвийный нож с лопатковидным лезвием длиной 115 мм и шириной 32 мм (рис. 48, 1). Черешок ножа обломан. Сходный по форме лезвия нож найден в зоне строительства Большого Чуйского канала в Киргизии (Кузьмина 1966: 38, 133, табл. VII, 2). Нож с лопатковидным лезвием найден при строительных работах около Нурека, но он отличается от гелотского наличием продольного ребра (Пьянкова 1989: 250, рис. 81). Определенная схожесть также имеется с ножами, найденными в могильнике Тигровая Балка и около кишлака Вахшувар в Южном Узбекистане, которые, в свою очередь, типологически близки ножу из могильника Ранний Тулхар (Кутимов 2008: 174).

В этом же погребении 1 раскопа 8 было найдены два костяных предмета — стрела и полая трубочка (рис. 48, 3, 4). Форма стрелы — конусовидно-вытянутая, со срезанным на клин черешком. Длина — 4,5 см, ширина черешка в основании стрелы — 0,6 см. Подобные четыре стрелы были найдены в погребальном инвентаре кургана № 24 могильника Маконимор (P'jankova et al. 2009: 114, Abb. 20, 1–4). Костяная трубочка (длина 10,5 см, диаметр 2,5 см) обрезана с двух концов ножом и заполирована. Не исключено, что это костяная рукоятка для ножа.

В погребальном инвентаре представлены многочисленные находки бус из бисера, золота, агата, сердолика, лазурита, бирюзы и пасты. В погребении 4 раскопа 4 у шейных позвонков погребенной здесь женщины были найдены бусы из сердолика (24 шт.) и пасты (36 шт.). Бусы из сердолика — вытянутой бочковидной формы, длиной 7–10 мм, D макс. 3–5 мм. Одна крупная бусина представляет собой кубик формы 10×10 мм с поперечным отверстием (рис. 28, 3). Пастовые бусы — короткой цилиндрической формы, длиной 3–5 мм, D макс. 4–6 мм. Здесь также еще одна бусина больших размеров прямоугольной формы 0,6×0,8 мм (рис. 28, 4). Большие бусины, очевидно, служили разделителями в центре ожерелья. В погребении 9 раскопа 6 были также найдены бусы коротко-цилиндрической формы с костяными разделителями (рис. 45, 8). Ближайшие аналогии бусам бочковидной формы известны в Раннем Тулхарском могильнике (Мандельштам 1968: таб. XX, 1, 2).

Огромное количество бус было собрано и расчищено на месте погребения 1 раскопа 8:

1. Золотая бусина цилиндрической формы (длина — 4 мм, диаметр — 2 мм) (рис. 48, 6).

2. Бусы из белого полупрозрачного агата поперечно-полосчатой структуры. Полосы варьируются по цвету: они светло-коричневые, желтые, голубые, черные (73 шт.). Бусины — удлинненно-вытянутой бочковидной формы и различаются только размерами. Длина бусин варьируется от 7 до 20 мм и диаметр от 5 до 7 мм; диаметр отверстия от 1,5 до 2 мм (рис. 48, 5).

3. Бусы из бирюзы светло-зеленого цвета (1400 шт.). Они цилиндрической формы. Длина бусин — от 2 до 4 мм, диаметр — 2 мм (рис. 48, 5).

4. Бисер из камня или смолы ярко-красного цвета — 140 шт. (размеры — 2×1 мм).

Все отверстия бус проделаны цилиндрическим сверлением. Их диаметр составляет от одного до двух миллиметров. Каждая бусина тщательно заполирована. Найденные в Гелоте бусы из агата или бирюзы имеют широкий круг аналогий на памятниках земледельческих и степных культур Средней Азии. Большое количество бус и бисера в погребальном инвентаре вахшских могил Гелота и Дарнайчи косвенно свидетельствует об изготовлении их местным населением или о тесных культурно-торговых контактах с земледельческим населением этого региона.

Из случайных находок вахшской культуры в Гелоте следует упомянуть каменные стрелы (рис. 55), найденные при земляных работах местными жителями в районе земляного карьера напротив сельского кладбища Тошмазор. В этом месте были предприняты раскопки и заложен раскоп 9³³ (рис. 17, 7), однако каких-либо археологических объектов не обнаружено. Особый интерес представляют стрелы, изготовленные из полупрозрачного кремня светло-коричневого цвета. Три наконечника стрелы листовидной формы следующих размеров: 5,8×1,8 (длина и ширина); 6,5×1,5 и 6×1,5 см (рис. 55, 3–5). Обе поверхности стрелы обработаны с помощью длинной ретуши, направленной с боковых сторон к центру³⁴. По кромкам дополнительно нанесена мелкая ретушь, образующая невысокие зубчики. Последним этапом обработки являлась легкая полировка обеих поверхностей. Следов крепления наконечника к древку не обнаружено. Четыре другие стрелы с черешком и наконечником подтреугольной формы (рис. 55, 1, 2, 6, 7). Размеры вместе с черешком следующие: 5,8×1,8; 7×2; 3×1,3; 3,7×2 см. Эти стрелы также обработаны длинной и мелкой ретушью. У кремневых наконечников стрел листовидной формы или с выделенным черешком есть аналогии

---

³³ Координаты объекта: GPS N37°56'48.35"C, E69°42'55.06".

³⁴ Трасологический анализ каменных предметов проведен Н.Н. Скакум (ИИМК РАН, Санкт-Петербург).

в погребальном инвентаре могильников Тигровая Балка (Пьянкова 1989: 242, рис. 65, 66), Ранний Тулхар (Мандельштам 1968: 150, табл. IX, 1–3) и Макони-Мор (P'jankova and al. 2009: 114, Abb. 20, 6).

По керамическому материалу вахшские погребения могильника Гелот могут быть сопоставлены с некрополем Макони-Мор, где была найдена ваза, типичная для керамики джаркутанского этапа сапаллинской культуры (Виноградова 2004: 89, 92). В Гелоте не встречаются керамика с валиком и сосуды баночной формы, характерные для поздней группы памятников вахшской культуры — могильника Тигровая Балка, поселения Ташгузор.

4. Могильники Дарнайчи. Общие сведения о раскопках, описание раскопов, стратиграфия

В 2010–2013 гг. археологические исследования проводились в окрестностях кишлака Дарнайчи (рис. 17, 8–13). Кишлак Дарнайчи находится на второй пойменной террасе р. Яхсу, примыкая с северо-восточной стороны к кишлаку Гелот и сливаясь с ним. Фактически кишлаки Гелот и Дарнайчи составляют один населенный пункт, разделенный на две административные части. Археологические раскопки проводились на лессовых холмах вдоль шоссе-ной дороги Восе–Ховалинг. В течение 2010–2013 гг. здесь были заложены шесть раскопов — №№ 1, 2 (состоит из 3 частей — раскоп 2/1, 2/2, 2/3), 3, 4, 5, 6 (рис. 56). Склон холма, на котором были обнаружены погребения эпохи бронзы, использовался и в более позднее время. Здесь, наряду с погребениями бронзового века, были обнаружены захоронения средневекового времени.

Раскоп 1³⁵ (14 x 7 м) находится на краю оврага с южной стороны старого кладбища Дарнайчи (рис. 17, 8; рис. 56). В овраге после схода селевых потоков местными жителями были

---

³⁵ Координаты объекта: GPS N37°57'29.73", E69°43'29.01".

найжены керамические сосуды земледельческого и вахшского типа (рис. 60). Исследования на раскопе 1 проводились в 2010 г. В границах раскопа открыто пять захоронений средневекового времени (погребения 1–4, 6)³⁶ и одно захоронение (погребение 5) эпохи бронзы с материалами земледельческого типа (рис. 57). На раскопе прослеживается следующая стратиграфия залегания почв: гумусный слой составляет около 0,5 м, затем идут лессовые почвы с карбонатными конкрециями толщиной 1 м и далее — чистый лесс (рис. 58).

Погребение 5 — обнаружено на глубине трех метров от современной поверхности (рис. 59). Оно перекрывается толстым слоем (0,7 м) темной глины. Границы погребальной камеры точно не определяются. Примерные размеры — 2×1,4 м. На дне могилы расчищен гончарный сосуд, на стенках которого прочерчен орнамент в виде креста (рис. 59, 2). В одном метре от сосуда найдена бронзовая миниатюрная бляшка выпуклой формы (рис. 59, 1). Большая глубина залегания могилы и намывные слои темной глины свидетельствуют о том, что почва в этом месте подвергалась изменениям и погребение было разрушено селевыми потоками.

Раскоп 2³⁷ расположен в 75 м к северо-западу от раскопа 1, на склоне лессового холма (рис. 17, 9; рис. 56). Исследования на раскопе 2 начались в 2010 г. и продолжались до 2013 г. Раскопки велись участками: к первому участку, заложённому в 2010 г., ежегодно прирезались или закладывались рядом новые участки в северо-восточном и юго-западном направлениях. В итоге, раскоп 2 фактически состоит из трех частей, расположенных рядом: раскоп 2/1 (рис. 61), раскоп 2/2 (рис. 62) и раскоп 2/3 (рис. 63). За все годы раскопок здесь было обнаружено в общей сложности 33 захоронения, из которых 12 погребений относятся к эпохе бронзы (погр. № 1–3, 5, 8, 9,

---

³⁶ См. Приложение 3.

³⁷ Координаты объекта: GPS N37°57'30.53", E69°43'25.60".

12, 20, 21, 27, 30, 32) и 23 погребения — к средневековому времени. Из погребений бронзового века одно погребение (№ 5) относится к земледельческой культуре, остальные — к вахшской. На раскопе 2 прослеживается следующая стратиграфия залегания почв: современный гумусный слой составляет около 10 см, древний гумусный горизонт — 30–40 см, затем идут лессовые почвы с карбонатными конкрециями толщиной 0,7 м и далее чистый лесс.

Погребение 1 — катакомбного типа, открыто в слое чистого лесса на глубине 1,9 м от современной поверхности (рис. 64). Расчищена погребальная камера размером 1,7×1,8 м, высота свода — около 0,6 м. Входная яма не выявлена, она могла находиться с южной стороны камеры в месте понижения склона. В северо-восточной части могильной ямы лежал скелет на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на северо-восток, руки — перед лицом. В могиле расчищено три круглодонных сосуда: горшок около ног, горшок и миска за спиной. Вся посуда — лепная, но с подправкой на кругу. Внешняя поверхность сосудов орнаментирована способом лощения узором «елочки» (рис. 64, 1–3). По антропологическому определению, скелет принадлежал женщине в возрасте 50 лет.

Погребение 2 — катакомбного типа, открыто на глубине 1,7 м (рис. 65). Погребальная камера вырыта в северной части дромоса в сторону повышения склона. Она овально-продолговатой формы, размером 1,2×1,5 м, высота свода около 0,6 м. В восточной части камеры расчищен костяк на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на северо-запад. Руки лежат перед лицом. В западном углу камеры стояли три сосуда — миска и два круглодонных горшка. Посуда лепная, с поправкой на кругу. Внешняя поверхность сосудов орнаментирована при помощи техники лощения узором «елочки» (рис. 65, 1–3). Около шейных позвонков найдено

шесть бусин из лазурита (рис. 65, 4). По антропологическому определению, костяк принадлежал мужчине 18–20 лет.

Погребение 3 — предположительно подбойного типа, открыто на глубине 2–2,1 м от современной поверхности (рис. 66). Контуры погребальной камеры были прослежены в нижней части (1,9×1,3 м). В могиле находился скелет в скорченном положении, на левом боку, с разворотом на спину. Ноги сильно согнуты в коленях и поджаты к телу. Правая рука в полусогнутом положении лежит в области живота, левая рука — на земле. Головой костяк ориентирован на север. С правой стороны черепа в области шейных позвонков расчищены 22 каменные бусины из лазурита и пасты (рис. 66, 2). В северо-восточном углу погребения найден лепной шаровидный сосуд с плоским дном (рис. 66, 1). По всей его внешней поверхности лощением нанесен «елочный» орнамент. Пол, по определению антропологов, предположительно женский, возраст — около 35–40 лет.

Погребение 5 находилось на глубине 1,83 м от современной дневной поверхности. Конструкция — катакомбная (рис. 67). Входная яма глубиной 0,8 м со ступенькой высотой 0,4 м. Погребальная камера округлой формы диаметром около 1,90 м выкопана в сторону повышения склона. Заполнение могилы составлял переотложенный лесс красноватого оттенка. На дне погребальной камеры лежал костяк очень плохой сохранности. Сохранились только отдельные крупные кости рук и ног, частично череп. Костяк лежал на правом боку, головой на северо-запад, в скорченном положении; ноги сильно поджаты к телу. Кисти рук расположены перед лицом. По антропологическому заключению, здесь похоронен мужчина 20–39 лет³⁸. Около рук погребенного расчищено четыре сосуда: гончарный кувшин с красным ангобом и орнаментом в виде креста, выполненным темно-красной краской, гончар-

---

³⁸ Антропологические определения костей из погребений 5, 12, 20 и 21 проведены в лаборатории Немецкого археологического Института (Берлин).

ная глубокая чаша биконической формы, гончарный кубок на ножке (ножка отломана) и лепная круглодонная миска с поправкой на кругу (рис. 67, 1–4).

Погребение 8 сверху частично перекрыто средневековым захоронением № 7. Могила находилась на глубине 1,9 м от современной поверхности (рис. 68). Дромос не зафиксирован, предположительная реконструкция погребенной ямы — подбой или катакомба. Погребальная камера округлой формы с максимальным диаметром 1,95 м. На дне могилы лежал костяк плохой сохранности, сохранились отдельные кости рук и ног, частично череп. Скелет лежал на левом боку, головой на северо-запад, в скорченном положении, ноги сильно поджаты к тазу. Руки вытянуты вдоль тела. В результате антропологических исследований костяк определен как женский возрастом 20–25 лет. Перед покойником в погребении стояли три лепных сосуда: блюдо с округленным дном, белым ангобом и орнаментом «елочкой», круглодонный горшок с белым ангобом, также украшенный орнаментом «елочкой», и чаша на поддоне с белым ангобом (рис. 68, 1–3).

Погребение 9 открыто на глубине 0,7 м от современной поверхности (рис. 69). Конструкция погребения — ямная, границы погребения точно не зафиксированы. Костяка нет. На дне могильной ямы обнаружены два керамических сосуда: лепное блюдо, покрытое красноватым ангобом и с елочным орнаментом, и гончарный кубок на поддоне с подобным же орнаментом. Следы черной краски сохранились на внешней поверхности кубка (рис. 69, 1–2).

Погребение 12 обнаружено на глубине 1,6 м от современной поверхности, частично разрушено более поздним захоронением средневекового времени (рис. 70). Конструкция погребения — предположительно катакомбная. Погребальная камера округлой формы (1,25 × 1 м). Входная яма не прослеживалась. На дне погребальной камеры лежал костяк на правом боку, головой на северо-запад, в скорченном положе-

нии; ноги прижаты к тазу. Руки вытянуты вдоль тела. Инвентаря нет.

Погребение 20 вскрыто на небольшой глубине — 0,65 м от современной поверхности (рис. 71). Столь неглубокое залегание объясняется тем, что в этом месте лессового холма верхние слои земли были подрезаны при прокладке полевой дороги в 80-е годы XX века. Конструкция захоронения неизвестна, контуры погребальной камеры прослеживаются только в нижней части могилы. Здесь находился костяк очень плохой сохранности, сохранились только фрагменты черепа и некоторые кости рук и ног. По положению черепа в могиле возможно заключить, что умерший лежал на левом боку, головой на северо-запад. Около рук стояло три лепных сосуда: один — грушевидной формы с красным ангобом и лощением «елочкой» по всей поверхности сосуда, круглодонный горшок шаровидной формы с красным ангобом, круглодонный кухонный сосуд — глубокая чаша (рис. 71, 1–3). По определению антропологов, пол определяется как женский, возраст 20–39 лет.

Погребение 21 раскопано на глубине 1,5 м от современной поверхности (рис. 72). Контуры погребальной камеры были прослежены в нижней части. В могиле расчищен костяк очень плохой сохранности — часть черепа, отдельные кости рук и ног. Скелет лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Перед лицом стояло два сосуда с темно-красным ангобом по всей поверхности — кувшин, лепной, круглодонный, с горлом и венчиком, подправленными на кругу, с орнаментом «елочкой» с помощью техники лощения, и гончарная глубокая чаша (рис. 72, 1, 2). Антропологи определяют пол погребенного как женский, возрастом около 50–59 лет.

Погребение 27 находилось на глубине 2 м от современной поверхности (рис. 73). Конструкция погребения — подбой с входной ямой. Погребальная камера — продолговато-оваль-

ной формы, размером 2×1,2 м. Подбой выкопан в сторону повышения склона. Заполнение могилы и входной ямы — леск красноватого оттенка. На дне погребальной камеры лежал скелет на правом боку, головой на северо-запад, в скорченном положении; ноги сильно поджаты к тазу. Кисти рук расположены перед лицом. Череп плохо сохранился. Пол — мужской, возраст 30–40 лет. Костяк находился в северо-восточной части могилы, в противоположной, юго-западной, её части перед лицом погребенного стояли керамические сосуды. На одном из них, лепном блюде, лежали кости животного — баранья лопатка и ребра. Вся керамика покрыта красным ангобом, способом техники лощения вся поверхность сосуда вместе с дном украшена «елочным» орнаментом. В могиле имеются следующие формы керамики: гончарный горшковидный сосуд (рис. 73, 1), круглодонные лепные — кувшин (рис. 73, 2), блюдо (рис. 73, 3) и горшковидный сосуд (рис. 73, 5), а также и гончарный кубок на лепном поддоне (рис. 73, 4).

Погребение 30 открыто на довольно большой глубине — 2,7 м от современной поверхности (рис. 74). Конструкция погребения — катакомба или подбой. Погребальная камера — округло-продолговатой формы, размером 1,9×1,5 м. Входная яма частично осталась в борту раскопа. На дне погребальной камеры лежал костяк на левом боку, головой на север, в слабо скорченном положении — ноги слегка согнуты в коленях. Руки согнуты в локтях, кисти рук — перед лицом. Пол: женский, возраст — 30 лет. Перед лицом погребенной стояли два сосуда: гончарная глубокая чаша с белым ангобом и лепная кухонная миска (рис. 74, 1, 2). За затылочной частью черепа были обнаружены отдельные фрагменты костей животного и около блюда на дне погребальной камеры — лопатка барана.

Погребение 32 открыто на глубине 1,9 м от современной поверхности (рис. 75). Входная яма не прослеживается. Вход в камеру был предположительно с юго-восточной стороны.

Камера размером 1,4×1 м овально вытянутой формы. Скелет лежал на правом боку, головой на юго-запад. Нижняя часть костяка потревожена. На месте груди лежала галька. Около рук расчищены два сосуда — миска и нижняя часть горшко-видного сосуда (рис. 75, 1, 2).

Рядом с раскопом 2, ниже по склону холма, были заложены еще три раскопа — раскопы 3, 4 и 5, однако захоронений эпохи бронзы там выявлено не было.

Раскоп 3³⁹ (12×4 м) заложен в 50 м к юго-востоку от раскопа 2/1, в 10 м вверх от шоссеной дороги (рис. 17, 11; рис. 56). Раскопки здесь велись до глубины трех метров. Культурный слой средневекового времени зафиксирован с глубины 1,6 до 2,2 м. В раскопе расчищены выкладки из галечных камней, обломки кирпичей, немногочисленные фрагменты керамики, зернотерки. Погребений эпохи бронзы не обнаружено. Исследования на раскопе 3 свидетельствуют о мощных накоплениях лесса в нижней и средней части холма в позднее средневековье и новое время. Обычно толщина карбонатного горизонта составляет 100–160 см (сероватый слой с содержанием карбонатных конкреций). На раскопе 3 он составляет около 2,5 м.

Раскоп 4⁴⁰ (6×4 м) заложен в 15 м к юго-востоку от раскопа 2/1 (рис. 17, 10; рис. 56). В верхних слоях встречаются мелкие фрагменты керамики вахшской культуры. Раскоп прокопан до глубины трех метров, погребений не обнаружено.

Раскоп 5⁴¹ (9×4 м) заложен в 30 м к юго-востоку от раскопа 2/2. Здесь были открыты только погребения средневекового времени⁴².

---

³⁹ Координаты объекта: GPS N37°57'30.25", E69°43'26.17".

⁴⁰ Координаты объекта: GPS N37°57'29.97", E69°43'27.41".

⁴¹ Координаты объекта: GPS N37°57'30.99", E69°43'27.84".

⁴² См. Приложение 3.

Раскоп 6⁴³ (6×4 м) разбит на расстоянии около 50 м к юго-западу от раскопа 2/3 (рис. 76). Здесь на глубине 1 м от дневной поверхности открыта входная яма (0,9×1 м) округлой формы. В верхней части входной ямы расчищен фрагмент венчика гончарного сосуда с белым ангобом. В северо-восточной части дромоса на глубине 1,55 м от дневной поверхности обнаружен подбой для погребальной камеры. Камера размером 1,5×1 м, удлинненно-овальной формы. Скелет лежал на правом боку, в сильно потревоженном состоянии. Около груди найдена лазуритовая бусина.

5. Погребальные комплексы земледельческой культуры в Дарнайчи. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения, сопроводительный инвентарь (керамика, металлические и каменные изделия)

Из захоронений земледельческой культуры в Дарнайчи было открыто только два погребения — погребение 5 на раскопе 1 и погребение 5 на раскопе 2, где было возможно проследить конструкцию погребения. Это катакомба — с входной ямой и ступенькой. В могиле скелет лежит в скорченной позе на правом боку (мужские захоронения), головой на северо-запад. Погребальный инвентарь ставится около рук погребенного.

Из сопровождающего инвентаря в погребении 5 раскопа 1 найдены только один гончарный горшковидный сосуд и бронзовая миниатюрная бляшка (рис. 59, 1, 2). Сосуд — сфероколической формы с подкосом в нижней части и сильно отогнутым наружу венчиком. Наибольший диаметр тулова почти равен высоте сосуда (H=31,5 см; D max.=34 см). Вся поверхность покрыта белым ангобом, на плечиках прочерчен рисунок в виде креста. Сосуды этого варианта имеют широкий круг аналогий среди посуды таких древнеземледельческих

---

⁴³ Координаты объекта: GPS N37°57'28.37", E69°43'23.72".

памятников, как Сапаллитепа (Аскарлов 1973: 159, табл. 19, 8), Дашлы 1 и 3 (Сарианиди 1976: 28 рис. 17, 4; 19, 6; 33, 19; 43, 1; Francfort 1989: 359, fig. 41, 18, 19, Type XIV), Джаркутан (Аскарлов, Абдуллаев 1983: 17, тип II, 1), керамического комплекса Келлели в Маргиане (Удеумуратов 1993: 70, рис. 29, 7). Изображение креста на керамических сосудах характерно для памятников времени поздней Намазга V — ранней Намазга VI: Алтын-депе, слои 0–2 (Удеумуратов 1993: 52, рис. 19, 7–13), Сапаллитепа (Аскарлов 1973: 169, табл. 31, 16–19), Дашлы 1 и 3 (Сарианиди 1976: 77, рис. 48; Francfort 1989: 359, fig. 41, 39, 42, Type XIV).

Еще один предмет из этого же погребения — миниатюрная металлическая бляшка круглодонной формы диаметром 2,4×2,4 см и глубиной 0,5 см. Она сделана из тонкого листа бронзы. Эта миниатюрная форма очень характерна для погребального инвентаря сапаллинской культуры на ее поздних этапах — молалинский и бустанский (Виноградова 2004: 132, рис. 10, 1–12; Аскарлов 1977: 230, табл. XVII, 10–14; Ионесов 1990: 262–263, рис. 57, 58; Kaniuth 2006: 146, № 458, 461, 462, 464). Первые votивные миниатюрные предметы появляются на кузалинском этапе сапаллинской культуры (Ионесов 1990: 261, рис. 56).

В погребении 5 раскопа 2 из погребального инвентаря было найдено четыре сосуда. Три из них — гончарные: кувшин с орнаментом в виде креста, выполненного темно-красной краской, глубокая чаша биконической формы и кубок на ножке (ножка отломана), четвертый сосуд — лепная круглодонная миска, поправленная на кругу (рис. 67, 1–4).

Гончарная керамика изготовлена на круге быстрого вращения из плотного теста с примесью шамота, обжиг плохой. Поверхность почти всей посуды с внешней и внутренней стороны (чаши) покрыта темно-красным ангобом. Все формы посуды, за исключением круглодонной миски, имеют прямые аналогии в керамике погребения 2 раскопа 6 в Гелоте:

1. Кубок биконической формы на ножке (ножка отломана), с отогнутым венчиком. Четко выражено ребро подкоса тулова. Размеры: $D=9$ см; $H=13$ см (рис. 67, 4)⁴⁴. Подобные формы кубков характерны для Сапалли (Аскарлов 1977: 65, рис. 32, тип IV, 1а), Дашлы 1 (Francfort 1989: 355, рис. 37, 18, Type III, 2).

2. Графин с узким высоким горлом, отогнутым наружу венчиком и сферическим туловом ($D=7$ см; $H=13,8$ см; $d=6$ см) (рис. 67, 1). Аналогии этой форме сосуда имеют место в Алтын-депе периода поздней Намазга V (Кирчо 2005: 373, рис. 16, 31).

3. Глубокая чаша биконической формы со слегка отогнутым наружу венчиком ($D=7$ см; $H=7,8$ см; $d=3,4$ см) (рис. 67, 2). Эта форма посуды часто встречается на памятниках Северного Афганистана — Дашлы 1 и Дашлы 3 (Сарианиди 1976: 33, рис. 22, 21; 68, рис. 43, 16; Francfort 1989: 354, рис. 36, 17, 18).

4. Круглодонная неглубокая миска ($D=18$ см; $H=9$ см) (рис. 67, 3) имеет широкий круг аналогий в анауской культуре времени Намазга VI (Станкевич 1976: рис. 25, 2).

В целом, немногочисленный керамический материал из земледельческих погребений могильника Дарнайчи обнаруживает близкое сходство с посудой из могильников Сапалли-тепа, Джаркутан, Дашлы 1 и 3, Алтын-депе (слои Намазга V).

6. Погребальные комплексы вахшской культуры в Дарнайчи. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения, сопроводительный инвентарь

Обряд захоронения вахшских погребений Дарнайчи в целом не отличается от вахшских погребений Гелота. Конструкция погребального сооружения — катакомба или подбой.

---

⁴⁴ D — диаметр венчика; d — диаметр дна; H — высота.

Умерших укладывали в могилу в сильно скорченном положении, ноги согнуты в коленях. В ориентировке скелетов преобладают северное и северо-западное направления. В мужских захоронениях скелет лежит на правом боку, в женских — на левом. Руки располагаются перед лицом или в районе грудной клетки. В могилу вместе с умершим помещали несколько керамических сосудов, которые ставили около головы или напротив умершего, в противоположной стороне погребальной камеры.

Посуда в вахшских погребениях представлена в основном лепными и несколькими гончарными сосудами. Различаются следующие формы гончарной посуды:

1. Кубки:

а) тюльпановидной формы, на кольцевом поддоне, с отогнутым наружу венчиком (рис. 77-А, 1, 2);

б) биконической формы, со слегка отгибающимся наружу венчиком (рис. 77-А, 4);

2. Чаша на кольцевом поддоне (рис. 77-А, 3).

Лепная керамика представлена в основном круглодонными формами посуды. Все лепные сосуды подправлены на кругу. В тесте лепной керамики прослеживаются примеси шамота. С внешней и иногда внутренней стороны керамика покрыта красным ангобом. На некоторых сосудах видны следы белого ангоба. Вся поверхность сосудов орнаментирована с помощью техники лощения узором «ёлочки». Различаются следующие формы посуды:

1. Кувшины

Круглодонный кувшин со сферическим туловом, высоким выделенным горлом и отогнутым наружу венчиком и сферическим туловом (рис. 77-Б, 10, 11).

2. Миски:

а) глубокая, с широким устьем и сильно загибающимся внутрь венчиком (рис. 77-Б, 16);

б) глубокая, круглодонная, с широким устьем и сильно загибающимся внутрь венчиком (рис. 77-Б, 12–15).

3. Горшки:

а) шаровидные, со слегка отгибающимися краями венчика и слегка выделенным дном (рис. 77-Б, 6);

б) грушевидные, со срезанным венчиком (рис. 77-Б, 9);

в) круглодонные, шаровидной (рис. 77-Б, 1–5, 7) или грушевидной формы (рис. 77-Б, 8), с отогнутым наружу венчиком. Горло сосуда в некоторых случаях выделено (рис. 77-Б, 4).

Среди кухонной лепной посуды встречается только одна форма круглодонного горшка — шаровидная, с загибающимся внутрь венчиком (рис. 77-Б, 17).

Особый интерес представляют многочисленные находки бус и бисера из агата, сердолика, лазурита, бирюзы и пасты, редко из золота. На могильнике Дарнайчи (раскоп 2, погребение 2) около шейных позвонков скелета было расчищено шесть бусин из лазурита (рис. 65, 4). Одна бусина в виде шестигранника (размер каждой из сторон — 9 мм), три — бочковидные (длина — 7 мм, диаметр⁴⁵ — 6 мм) и две — биконической формы (длина — 5 мм, диаметр — 3 мм). Все отверстия бусин выполнены цилиндрическим сверлением, их диаметр составляет от одного до двух миллиметров. Аналоги бусине в форме многогранника найдены в Шахдаде (Накеми 1997: 656, Нб2) и в Саразме, но они изготовлены из сердолика (Раззоков 2008: рис. 33, 1–4).

В погребении 3 раскопа 2 около шейных позвонков было расчищено 22 бусины из лазурита и пасты (рис. 66, 2). Примечательны две бусины из лазурита — каплевидной формы с отверстием (длина 13 и 14 мм) (рис. 66, 2, М-Н). Аналогии им

---

⁴⁵ В тексте указывается максимальный диаметр бусины.

известны по находкам на иранских памятниках в Гиссаре III (Schmidt 1937: Pl. LXIX, H3546) и Шахдаде (Nakemi 1997: 656, Hb13). Бусы из лазурита часто встречаются в погребальном инвентаре земледельческих могильников Бактрии и Маргианы — Гонур (Sarianidi 2007: 120, fig. 227; 123, fig. 240), Сапаллитепе (Аскарлов 1973: 94), Джаркутан (Аскарлов 1977: 221, табл. LVIII), Дашлы 1 (Сарианиди 1977, табл. III, 7). Гораздо реже они представлены на памятниках скотоводческого типа, находки трёх бусин из лазурита известны в Раннем Тулхарском могильнике (Мандельштам 1968, табл. XX,3; XXI, 8, 10).

7. Хронология земледельческих и вахшских погребальных комплексов Гелота и Дарнайчи

Итоги раскопок на могильниках Гелота и Дарнайчи приводят к следующим выводам. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения в Дарнайчи ничем не отличаются от захоронений в Гелоте. Немногочисленный керамический материал из земледельческих погребений Дарнайчи сходен с земледельческой керамикой Гелота. Поскольку в целом археологический материал из земледельческих погребений Гелота и Дарнайчи имеет близкие соответствия в посуде из могильников Сапаллитепе, Джаркутан, Дашлы 1, Дашлы 3 и верхних слоёв Алтын-депе, это позволяет отнести их ко времени Намазга V — ранней Намазга VI.

Вахшская посуда из погребений 2 и 3 раскопа 2 в Дарнайчи (круглодонные сосуды с орнаментом елочкой), редкие формы бус (многогранные и каплевидные бусины) имеют аналогии в материалах могильников Фархор, Гиссар III и Шахдад, в связи с чем хронологически данные погребения относятся ко второй половине III тыс. до н. э.

Датировка погребальных комплексов Гелота и Дарнайчи в пределах второй половины III тыс. до н. э. подтверждается также радиоуглеродными анализами, полученными на костном материале в лаборатории Тюбингенского Университета

в Германии⁴⁶. При этом, согласно данным радиоуглеродного анализа, датировка археологических комплексов вахшского типа хронологически более ранняя, чем земледельческих. В частности, датировка вахшского погребения 2 раскопа 2 в Дарнайчи соответствует 2333–2153 гг. до н. э. (1 sigma calBC) или 2456–2140 гг. до н. э. (2 sigma calBC), вахшское погребение 13 раскопа 6 в Гелоте датируется 2197–2049 гг. до н. э. (1 sigma calBC) или 2230–2036 г. до н. э. (2 sigma calBC). Земледельческое погребение 2 раскопа 6 в Гелоте по радиоуглеродной датировке может быть отнесено к XXI в. до н. э.: 2128–1981 гг. до н. э. (1 sigma calBC) и 2135–1965 гг. до н. э. (2 sigma calBC). Еще одна проба из погребения 3 раскопа 4 показала примерно такую же датировку: 2126–1982 гг. до н. э. (1 sigma calBC) и 2134–1966 гг. до н. э. (2 sigma calBC) (Тойфер и др. 2014: 110–113).

В свете новых радиоуглеродных дат относительная хронология погребений Дарнайчи и Гелота, построенная ранее на типологических связях археологических материалов с культурами соседних регионов (Виноградова и др. 2012: 139–145; Виноградова и др. 2013: 94–96), оказывается более древней. Суммируя результаты традиционных методов с данными радиоуглеродных анализов, датировка погребальных комплексов Гелота и Дарнайчи укладывается в пределах последней четверти III тыс. — начала II тыс. до н. э.

---

⁴⁶ См. Приложение 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ III — II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ до н. э. ФОРМИРОВАНИЕ БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (БМАК)

Подводя итоги своей работы, посвященной публикации материалов погребальных комплексов Фархора, Гелота и Дарнайчи, каждый из авторов считает необходимым сделать собственные выводы относительно основных результатов исследования и их значения в контексте изучения бронзового века Южного Таджикистана.

Н.М. Виноградова. Археологические исследования на могильниках Фархора, Гелота, Дарнайчи позволяют по-новому оценить этнокультурные процессы, происходившие на юге Таджикистана в конце III — начале II тыс. до н. э. Новые материалы из Фархора, Кангурттута 2 свидетельствуют о формировании в конце III тыс. до н. э. в Восточной Бактрии местного варианта бактрийской культуры, тесно связанного с культурной общностью населения Южного Туркменистана (Алтын-депе), Иран (Гиссар ШС, Шахдад — Некрополь А) и Афганистана (разграбленные могильники). В своем исследовании последних лет А.-П. Франкфор предлагает для памятников раннего и начала среднего бронзового века в Восточной Бактрии новое название — культура Пянджа (Francfort 2016: 471). В это время на рассматриваемой территории происходит формирование нового археологического комплекса — культуры Окса⁴⁷. В Юго-Западном Таджикистане

⁴⁷ Для земельных памятников Бактрии и Маргианы этого времени исследователи предлагают различные названия: культура Намазга (Kohl

культура Окса представлена погребальными комплексами земледельческого населения могильников Гелот и Дарнайчи. Анализ предметов погребального инвентаря могильников Гелот и Дарнайчи позволяет сделать вывод о связях древнего населения этих могильников с южными земледельческими племенами юга Средней Азии (Алтын-депе — слои Намазга V, Гонур, Сапалли, Джаркутан), Ирана (некрополь Холоу) и Афганистана (Дашлы 1,3). Характерна широта контактов с регионами от юга Таджикистана до востока Ирана и севера Белуджистана.

П. Амье показал, что во второй половине III — начале II тыс. до н. э. обширная зона Ирана объединилась. Территория исторического Ирана, где давно сложились государственные образования, оказалась окруженной землями «Внешнего Ирана», простиравшимися от юга Персидского залива, юго-востока Кермана до долины Гильменда, юга Туркмении, Афганистана и северо-востока Ирана. П. Амье считал «бактрийскую цивилизацию» одной из принадлежащих «Внешнему Ирану», тем образованием, общность которых сложилась благодаря историческим судьбам и развитию обмена во второй половине III — начале II тыс. до н. э. Высшие присущие ей формы определяют принадлежность этой общности — предметы роскоши, ювелирные изделия, сосуды из хлорита и алебастра, металлическое парадное оружие (Amiet 1986: 152).

Материальная культура памятников Юго-Западного Таджикистана являет собой синтез месопотамо-эламских эталонов с местными бактрийскими традициями. Связи с Эламом и Месопотамией могли поддерживаться через Северный

1981, VII), культура Окса (Francfort 1984: 174; Salvatori 2004: 92), сапаллинская культура (Аскарлов 1977), Бактрийско-Маргианский археологический комплекс — БМАК (Сарианиди 1990: 77). Для памятников Восточной Бактрии среднего и позднего бронзового века мы предлагаем оставить название — культура Окса. Это местная культура на данной территории, которая входит в обширную зону «Внешнего Ирана».

Афганистан и Восточный Иран. Художественные изделия Древней Бактрии, особенно в области торевтики и глиптики, говорят о явном влиянии на них западных, месопотамских эталонов, вероятно, отвечавших культурным запросам местного бактрийского общества. Находка каменной статуэтки в Гелоте еще раз подтверждает мнение П. Амье об определенном воздействии Элама («второго Шумера») на сложение бактрийской цивилизации. «Граница сферы влияния Элама, сначала находившаяся в Восточном Иране, продвинулась до Бактрии» (Amiet 1990: 135).

Вывод П. Амье о влиянии Элама на формирование бактрийского археологического комплекса проливает свет на этническую принадлежность доиндоиранского населения Бактрии. А.-П. Франкфор, анализируя гипотезу В.М. Массона о распространении эламского языка в III тыс. до н. э. вплоть до Сеистана и дравидского — от Туркмении до Инда, допускает эламоязычность бактрийского населения (Frankfor 1989: 412). Этот вывод подтверждается археологическими находками. Таблички протоэламского типа находят не только в недалеких от Суза поселениях (Тали Мальяне, Чога Мише), но и в глубине Ирана — Тали Гхазире, Годин Тепе, Тепе Яхья и Шахр-и-Сохте (Amiet 1986: 114). Знаки на черепке из Гонура позволяют заключить, что в Маргиане, возможно, могли пользоваться линейным письмом, которое применялось в Эламе в конце III тыс. до н. э. (Клочков 1995).

Археологические раскопки могильников Фархор, Гелот и Дарнайчи, результаты разведки в бассейне р. Кызылсу расширили наши знания об ареале распространения вахшской культуры. Значительная часть этих погребений относится к степной вахшской культуре.

В погребальном инвентаре могильника Фархор (погребения 2,4 раскопа 1) впервые встречаются керамические формы, свидетельствующие о самом раннем времени появления на юге Таджикистана вахшской культуры. Самые близкие

аналогии этой посуде имеются в погребальном инвентаре Раннего Тулхарского могильника (бешкентская культура) и некрополя Дарнайчи (погребения 1, 2 раскопа 2). Вахшская посуда из погребений в Дарнайчи (круглодонные сосуды с орнаментом «елочкой»), редкие формы бус (многогранные и каплевидные бусины), аналогии материалам могильников Фархар, Гиссар III и Шахдад позволяют говорить о большей древности вахшских погребений в Дарнайчи по сравнению с захоронениями в Гелоте. Это подтверждается и радиоуглеродной датировкой погребения 2 (раскоп 2) в Дарнайчи — 2333–2153 г.г.до н. э.

Вопрос о генезисе бешкентско-вахшской культуры остается пока не решенным. Археологические материалы некрополей Фархора, Гелота и Дарнайчи позволяют несколько по-новому подойти и к вопросу генезиса бешкентской и вахшской культур. Тот факт, что самые ранние могилы с кремацией (Ранний Тулхарский могильник) относятся к степным культурам (найдена лепная керамика), позволяет заключить, что изначальный компонент в сложении бешкентской культуры был «степной». Этот же компонент прослеживается в некоторых погребальных комплексах могильника Фархар. Особый интерес представляет находка лепного горшка вместе с обломком бронзового ножа и костями барана в погребении 12 могильника Фархар. Наиболее близкие аналогии этому сосуду по форме, составу примесей в тесте встречаются среди посуды группы VI могильника Заманбаба, и в какой-то степени некоторые параллели можно привести с лепной керамикой Раннего Тулхарского могильника (Мандельштам 1968: 151, табл. X, 8 — ямы со спуском).

Могильники вахшской культуры в бассейне р. Кызылсу (Сурхоб) могут быть выделены в особую локально-хронологическую группу. Для лепной посуды из могил Гелота и Дарнайчи характерен орнамент «елочкой», выполненной техникой лощения внешней поверхности сосуда. Подобный

орнамент «елочкой» характерен для керамики земледельческих памятников астрабадской культуры северо-восточного Ирана — Тюренг Тепе III, Шах Тепе II, Гиссар III (Станкевич 1978: 24).

В погребальном инвентаре этих памятников керамика, изготовленная на круге, не только присутствует, но иногда и преобладает над лепной. Например, в могильнике Обкух (соответственно 82 и 18%), причем лепные сосуды часто изготовлены в подражание гончарным «стандартам» (Пьянкова 2003: 211). В рассматриваемом регионе происходит наиболее тесный контакт между земледельческими и степными племенами. Носители вахшской культуры, находясь в непосредственной близости от земледельческого населения, частично воспринимают его материальную культуру и обычаи в погребальном обряде. Это подтверждается и антропологическим материалом.

По заключению Н.А. Дубовой, костные останки индивидуумов, происходящие из погребений Фархора, характеризует общая грацильность и бесспорная европеоидность облика средиземноморского типа. На общем фоне Н.А. Дубова выделяет скелет 1 из погребения 12. По ее мнению, обращает на себя внимание небольшая уплощенность верхней части лица, т.е. общий облик черепа близок расовому типу населения среднеазиатского междуречья.

Среди земледельческих комплексов А.И. Нечвалода выделяет погребение 2 раскопа 6 в Гелоте. Общая грацильность черепа, выраженная долихокrania приводит А.И. Нечвалода к заключению, что данный морфологический комплекс связывает череп из Гелота с гипоморфными долихокраничными европеоидами юга Средней Азии (Гонур, Сапаллитепа, ранний Джаркутан). Черепа носителей вахшской культуры он характеризует как долихокраничные, длинные и узкие. Лицевой скелет, в основном ортогатный, узкий и

невысокий, хорошо профилированный⁴⁸. В целом краниологические материалы из погребений Гелота и Дарнайчи эпохи бронзы А.И. Нечвалода выделяет в так называемый средиземноморский II тип, выделенный Ходжайовым. По его заключению, население Северной Бактрии, как земледельческое, так и скотоводческое, довольно однородное, близкое к популяции Бактрийско-Маргианского комплекса (Ходжайов и др. 2011: 195).

Археологические памятники могильников Фархора, Гелота и Дарнайчи в большей или меньшей степени свидетельствуют о непосредственных контактах земледельческого населения с носителями степных культур. Интересные этнографические наблюдения по этому поводу сделаны Б.Х. Кармышевой (Кармышева 1976). Исследуя состав населения Восточной Бухары, касаясь хозяйственного уклада двух здешних групп населения и процессов их этнического слияния, она отмечает, что в расселении традиционно оседлых земледельцев-таджиков и полукочевых узбеков существовала определенная закономерность. В горах жили сплошь таджики, и лишь местами среди них, вкраплениями, узбеки из прежде пришедших сюда групп, а в широких речных долинах и степях — в основном узбеки. Между этими двумя ландшафтами и двумя этническими зонами лежала область со смешанным населением — исконно оседлыми жителями культурных оазисов и полукочевыми узбеками. Полукочевники были изолированы от других групп населения, они периодически вступали в контакт с жителями культурных оазисов и гор и подселялись к ним на определенных этапах годового хозяйственного цикла (Кармышева 1976: 259). Б.Х. Кармышева на основании исторических и этнографических данных выделяет три причины, обусловившие смешанность этнического состава оседлого населения южных районов Таджикистана

---

⁴⁸ См. Приложение 2, с. 215.

и Узбекистана. К ним относятся миграции населения, постоянное оседание отдельных кочевых и полукочевых племен, а также традиционные экономические связи между различными этническими группами с неодинаковым направлением хозяйства (Кармышева 1976: 262).

В работе Б.Х. Кармышевой приводятся антропологические исследования К. Наджимова в Сурхандарьинской области Узбекистана, пограничной с Гиссарской долиной. К. Наджимов приходит к выводу, что узбеки горных районов (*чагатаи*, или так называемые *ходжа* без родовых делений) по антропологическому типу мало чем отличаются от таджиков Сурхандарьи, а в некоторых районах таджикское и узбекское население так смешалось, что представителей этих этносов нельзя отличить по антропологическому типу (это брахицефальная европеоидная раса Среднеазиатского междуречья) и они двуязычны (Кармышева, 1976: 147–148).

Археологические материалы могильников Фархор, Гелот и Дарнайчи свидетельствуют о тесных контактах земледельческого населения Восточной Бактрии и соседних территорий с носителями степных культур и, возможно, формировании в этой контактной зоне этнокультурных групп со смешанным населением — исконно оседлыми жителями культурных оазисов и полукочевыми племенами.

В свете новых радиоуглеродных дат относительная хронология погребений Дарнайчи и Гелота, построенная ранее на типологических связях керамического материала с культурами соседних регионов, может быть в настоящее время заметно удревнена. По радиоуглеродным датировкам погребальные комплексы Гелота и Дарнайчи относятся к концу III тыс. — началу II тыс. до н. э.

Хронологически могильники Фархор, Гелот и Дарнайчи возможно соотнести с культурами позднего периода аккадской эпохи и III династии Ура в Месопотамии, а также памятниками эламской эпохи в Западном Иране, с Гиссаром III

в Северо-Восточном Иране и Шахдад (III период) в Юго-Восточном Иране. По радиоуглеродным датировкам, это время с 2300 до 1600 г. до н. э. (Франкфор 1997: 60).

Ю.Г. Кутимов. Открытие на территории Южного Таджикистана новых археологических комплексов середины — второй половины III тыс. до н. э. вносит существенные коррективы в общую картину культурно-исторического развития в южных районах Средней Азии в бронзовом веке.

Могильник Фархор, имеющий очевидные связи с археологическими комплексами Северного Афганистана и Ирана, свидетельствует о широком распространении оседло-земледельческого населения в середине — второй половине III тыс. до н. э. По всей видимости, основной центр этой оседло-земледельческой культуры находился в Северном Афганистане, к северу от Балха, где, по сообщению В.И. Сарияниди, в 1960–70 гг. происходили массовые разграбления местными жителями погребальных комплексов бронзового века, в результате чего были уничтожены сотни, а возможно даже и тысячи, древнеземледельческих захоронений (Сарияниди 1984: 91–94). Вероятно, в середине III тыс. до н. э. большая группа данной культуры «разграбленных могильников» эпохи бронзы Северного Афганистана пришла на правый берег Пянджа, в район современного Пархара, где осела и обитала продолжительное время, о чем свидетельствуют материалы могильника Фархор⁴⁹. С территории Пянджа носители «фархорской культуры» постепенно распространялись далее на север. Материалы могильника Кангурттут 2 и ряда захоронений Гелота-Дарнайчи (особенно керамика) тождественны фархорским и свидетельствуют о распространении отдельных групп данного населения во внутренние районы Таджикистана. В контексте формирования и обитания в середине — второй половине III тыс. до н. э. на юге Таджикистана нового цен-

---

⁴⁹ Расстояние между Балхом и Пархаром составляет 230 км.

тра древнеземледельческой культуры весьма интересным представляется вопрос возможных культурных связей фархорского населения с другим крупным центром древнеземледельческой культуры эпохи бронзы — поселением Саразм на севере Таджикистана. Данный вопрос, безусловно, требует дальнейшего накопления фактических материалов и их исследования в будущем.

Весьма интересными являются культурные связи фархорского населения с заманбабинским населением низовий Зеравшана, которые определяются наличием однотипных предметов инвентаря в погребальном обряде Фархора и Заманбабы: керамические «коробочки», бусы крестовидной формы. Заманбабинский компонент прослеживается в погребениях могильника Фархор: в погребении 12, наряду с обломком бронзового ножа и костями барана, обнаружен лепной горшок, близкие аналогии которому имеются в керамике могильника Заманбаба. Проблема происхождения заманбабинской культуры, как и вопросы её датировки, долгое время являлись предметом исследовательских дискуссий. В материальной культуре могильника Заманбаба сочетаются два компонента — степной, имеющий черты ямной культуры степной зоны Евразии на поздних этапах её развития, и земледельческий. В свете новых материалов могильника Фархор, отождествление земледельческого компонента заманбабинской культуры с населением эпохи бронзы Северного Афганистана или Южного Таджикистана, так же как и датировка Заманбабы в пределах середины III тыс. до н. э. (Кутимов 2005), находит своё полное и детальное подтверждение.

Новые материалы бронзового века Южного Таджикистана позволяют иначе посмотреть на проблему сложения Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК). В БМАК входят археологические комплексы Северного Афганистана (Тикар, Фарукабад, Дашлы и др.), сапаллинская культура Южного Узбекистана (Сапалли, Джаркутан и др.)

и памятники Юго-Восточного Туркменистана эпохи Намазга VI (Аучин 1; Гонур 1; Тоголок 1, 21, 24; Тахирбай 3 и др.). Данные археологические комплексы характеризуются чрезвычайно близким сходством различных признаков материальной культуры, что позволило объединить их в одну культурно-хронологическую группу памятников и видеть в древнем населении эпохи поздней бронзы Южного Узбекистана, Северного Афганистана и Юго-Восточного Туркменистана носителей родственных культурных традиций. Проблема происхождения БМАК, в свою очередь, тесно переплетается с проблемой преемственности археологических комплексов типа Намазга V и Намазга VI.

Проблема происхождения археологических культур, входящих в БМАК, имеет несколько различных аспектов.

Большинством исследователей появление бактрийско-маргианского круга культур связывается с миграционными передвижениями древнеземледельческого населения с территории Южного Туркменистана в эпоху поздней Намазга V — ранней Намазга VI. В ходе своей миграции это население первоначально осваивает территорию древней дельты Мургаба (Массон 1959: 23; Массон 1966: 174–176; Массон 1981: 131; Масимов 1979-а: 126; Хлопина 1978: 16; Хлопин 1988: 65, 67, 68), а затем часть мургабских племён, продвигаясь дальше на восток, достигает территории современного Южного Узбекистана и Северного Афганистана, в результате чего здесь формируется приамударьинский очаг древней цивилизации и складываются археологические комплексы типа Сапалли и Дашлы (Аскарлов 1973: 118; Аскарлов 1977: 112; Аскарлов, Абдуллаев 1983: 55). При этом предполагается, что данные племена сначала обживают оазисы Северного Афганистана и только затем продвигаются дальше на север, заселяя южные районы Узбекистана (Аскарлов 1989: 160).

В.И. Сарияниди, анализируя археологические материалы различных памятников Средней Азии и прилегающих к ней

территорий, делает вывод о том, что в эпоху поздней бронзы существовала особая культурная общность, весьма близкая по материальному облику комплексам типа Намазга V южной Туркмении, но генетически все же не связанная с ними. В число памятников данной культурной общности В.И. Сарияниди включает археологические памятники различных территорий: Южного Узбекистана (комплексы культуры Сапалли); Северного Афганистана (комплексы типа Дашлы 3, 17, 19 и др.); Юго-Восточного Туркменистана (комплексы Мургабского оазиса: Аучин 1; Гонур 1; Тоголок 1, 21, 24; Тахирбай 3 и др.); Южного Туркменистана (комплексы типа Намазга VI — Анау III: «вышка» Намазга-депе, Теккем-депе, Елькен-депе, Улуг-депе, верхние слои Алтын-депе, могильник Янги — Кала и др.); Северо-Восточного Ирана (комплексы типа Гиссар III); Восточного Ирана (Шахдад и, возможно, Тепе-Яхья); а также памятники Юго-Западного и Западного Пакистана (комплексы Белуджистана: могильники Южный Мергар VIII и поселение Сибири, погребение в г. Кветта, могильники Хураб, Мехи и др.) По мнению В.И. Сарияниди, все эти памятники характеризуются наличием большого числа сходных признаков материальной культуры, что свидетельствует о расселении по данной территории генетически родственных племён в эпоху Намазга VI. Таким образом, бактрийско-маргианский круг памятников представляет собой северо-восточный ареал расселения этой культурной общности. Возможной исконной территорией обитания, откуда вышло данное население, В.И. Сарияниди называет Восточный Иран (комплексы типа Шахдад) (Сарияниди 1974: 69; Сарияниди 1977: 106, 143; Сарияниди 1990: 74–89). Близкой точки зрения придерживается также Т. Ширинов, который считает, что сложение бактрийско-маргианского археологического комплекса является результатом организованной миграции древнеземледельческих племён с территории Южного Тур-

кменистана, Северо-Восточного и Восточного Ирана в эпоху ранней Намазга VI (Ширинов 1993: 18, 19).

В.А. Алёкшин, опираясь на результаты сравнительного анализа погребального обряда памятников юга Средней Азии эпохи Намазга V и Намазга VI, пришёл к выводу, что в формировании бактрийско-маргианского круга культур приняли участие носители заманбабинской культуры, мигрировавшие с территории нижнего Зеравшана. При этом направление движения шло не с запада на восток, как предполагают это остальные исследователи, а, наоборот, с востока на запад. Первоначально под воздействием культурного влияния заманбабинцев формируется сапаллинская общность Южного Узбекистана, а затем происходит экспансия носителей культуры Сапалли на запад, что приводит к сложению мургабских комплексов. По мнению В.А. Алёкшина, область расселения данных племён в этом направлении не ограничилась дельтой Мургаба, отдельные их группы этих племён проникают ещё дальше на запад, в подгорную полосу Копет-Дага, где оказывают воздействие на формирование погребального обряда местного населения, в том числе сумбарской культуры Юго-Западного Туркменистана (Алёкшин 1980: 28–30; Алёкшин 1986: 99, 100).

Гипотеза автохтонного развития бактрийских и маргианских культур и сложения БМАК была предложена Б.Н. Удеумурадовым. Исследователь считает, что формирование БМАК происходило на основе местных, предшествующих им культурных традиций более раннего времени. В качестве местного субстрата, на основе которого произошло развитие мургабских комплексов эпохи Намазга VI, исследователь видит выходцев с территории Южного Туркменистана, появившихся в дельте Мургаба ещё в период энеолита — ранней бронзы, памятники которых в настоящее время ещё не открыты. Комплексами, предшествующими появлению бактрийских памятников времени Намазга VI, Б.Н. Удеу-

мурадов считает нижние слои поселения Гирдай-Тепе дав-летабадской группы памятников Северного Афганистана (Удеумурадов 1993: 127).

Несмотря на сложности определения факторов формирования и путей распространения БМАК, представляется очевидным, что сложение комплексов БМАК происходило в результате широкомасштабных перемещений различных групп древнеземледельческого населения, близких по образу жизни, типу хозяйствования и материальной культуре, по огромной территории Южного Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Северного Афганистана и Северо-Восточного Ирана. Открытие в Южном Таджикистане нового крупного древнеземледельческого центра середины — второй половины III тыс. до н. э. позволяет, во-первых, отметить, что на данной территории Средней Азии уже в середине — второй половине III тыс. до н. э. происходили активные миграционные процессы; во-вторых, считать рассматриваемую территорию одним из возможных культурных очагов, оказавших влияние на формирование БМАК.

Археологические раскопки могильников Фархор, Гелот и Дарнайчи дают возможность рассмотреть вопрос об истоках формирования вахшской (или бешкентско-вахшской) культуры эпохи бронзы на территории Таджикистана.

Исследователь Раннего Тулхарского могильника А.М. Мандельштам, выделив бешкентскую культуру, отметил существенное отличие погребального обряда могильника Ранний Тулхар от других памятников эпохи бронзы Средней Азии. Исследователь оставил вопрос о происхождении бешкентской культуры открытым, хотя допускал, что в формировании бешкентской общности могли принять участие две группы населения: потомки заманбабинцев, которые принесли с собой катакомбный обряд погребения, и племена андроновской культуры, благодаря которым население бешкентской культуры познакомилось с культом огня. Учитывая

возможные связи со степными племенами, А.М. Мандельштам этнически причислил носителей бешкентских традиций к индоиранцам (Мандельштам 1968: 130–141; Мандельштам 1972: 14). Исследователь сначала отнёс ямы со спуском Раннего Тулхарского могильника к XIII–IX вв. до н. э., а катакомбные погребения к IX–VIII вв. до н. э. (Мандельштам 1968: 93, 94), но впоследствии передатировал весь могильник серединой — второй половиной II тыс. до н. э. (Мандельштам 1972: 10).

Происхождение вахшской культуры первоначально связывалось с расселением оседло-земледельческих племён культуры Намазга VI с территории Южного Туркменистана (Литвинский 1964: 158). В дальнейшем происхождение вахшских комплексов было генетически связано с земледельческими культурами Северного Афганистана, при этом не отрицалось возможное участие в сложении вахшской культуры степного населения (Пьянкова 1982-а: 10; Пьянкова 1989: 89–92).

Опираясь на результаты сопоставления бешкентских и вахшских комплексов, Л.Т. Пьянкова сделала заключение об их генетической близости, хотя истоки их формирования следует искать в различных культурах: бешкентских — в сапаллинской культуре Южного Узбекистана, а вахшских — в древнеземледельческой культуре Северного Афганистана. Л.Т. Пьянкова синхронизировала бешкентские и вахшские комплексы и датировала могильники Ранний Тулхар и Тигровая Балка одним временем — XI–X вв. до н. э. (Пьянкова 1982-а: 10–12; Пьянкова 1982: 56; Пьянкова 1989: 92–100). Возникновение вахшской и бешкентской культур в синхронное время, по мнению Л.Т. Пьянковой, следует связывать с процессом выделения скотоводческих племён из среды земледельцев Северного Афганистана и Южного Узбекистана, формирование которых было ускорено постоянными контактами со степным населением, частично участвовав-

шим в сложении скотоводческих культур древней Бактрии (Пьянкова 1989: 99, 100; P'yankova 1994: 368–369). Аналогичного мнения придерживался и исследователь североафганских памятников В.И. Сарияниди (Сарияниди 1977: 147). А.А. Аскарлов связал происхождение бешкентцев и вахшцев с расселением племён сапаллинской культуры на молалинском этапе её развития, которые стали основой для формирования бешкентской и вахшской культур (Аскарлов 1977: 115; Аскарлов 1981: 108, 109).

В.А. Алёкшин связывает появление катакомбного обряда погребения на территории Юго-Западного Таджикистана с проникновением сюда катакомбных племён из степной зоны Евразии (или родственных им заманбабинцев), которые участвовали в формировании бешкентско-вахшских комплексов. Исходя из этого, В.А. Алёкшин придерживается более ранней датировки данных памятников — вторая четверть II тыс. до н. э. (Алёкшин 1986: 100; Алёкшин 1989: 154). По мнению Е.Е. Кузьминой, в сложении бешкентской культуры приняло участие заманбабинское население, мигрировавшее сюда из низовий Заравшана (Кузьмина 1972: 134, 135; Кузьмина 1994: 229).

Новые материалы вахшского типа из раскопок в Гелоте-Дарнайчи и Фархоре, датировка которых определяется в пределах второй половины — конца III тыс. до н. э., в том числе методами радиоуглеродного датирования, значительно удревняют начальные этапы появления археологических комплексов скотоводческого типа на территории Таджикистана. В погребальном инвентаре могильника Фархор (погребения 2 и 4 раскопа 1) встречаются керамические формы (круглодонные горшки с елочным орнаментом), свидетельствующие о весьма раннем появлении на юге Таджикистана круглодонной посуды, которая является одним из основных признаков скотоводческой культуры эпохи бронзы Таджикистана. Точные аналогии данным формам присутствуют в по-

гребениях Дарнайчи (погребения 1 и 2 раскопа 2), датировка которых, по данным радиоуглеродного анализа, относится к последней четверти III тыс. до н. э. (2333–2153 г.г. до н. э.).

Как уже отмечалось, вопрос о происхождении бешкентско-вахшской культуры представляет определенные сложности. Учитывая археологические материалы некрополей Фархора, Гелота и Дарнайчи, представляется возможным: во-первых, согласиться с точкой зрения Б.А. Литвинского и Л.Т. Пьянковой о формировании вахшских комплексов Таджикистана в контексте перехода оседлого населения к скотоводческому типу хозяйствования; во-вторых, относить начало данного процесса к концу III тыс. до н. э.

Появление племен, ведущих скотоводческий образ жизни в горных районах Таджикистана, связано с выделением части населения и их переходу к мобильному типу хозяйствования из оседлой среды древнеземледельческих оазисов Южного Таджикистана, Северного Афганистана и Южного Узбекистана. Судя по материалам Гелота-Дарнайчи и Фархора, данный процесс начался уже в последней четверти III тыс. до н. э., когда фархорское население, в ходе освоения и распространения во внутренних районах Таджикистана, постепенно переходило к мобильному образу жизни и хозяйствования. В течение II тыс. до н. э. группы мобильного населения выделялись из среды БМАК, дашлинской и сапаллинской культур. Переход оседлых племен к подвижному образу хозяйствования был связан с развитием отгонного скотоводства в условиях горного рельефа Таджикистана, благоприятного для передвижного скотоводческого типа хозяйствования. Скотоводство имело значительный вес в экономике оседлых племён. На поселениях сапаллинской культуры найдено большое количество костей домашних животных, судя по которым, в скотоводческом хозяйстве сапаллинцев основное внимание уделялось разведению мелкого рогатого скота (55%), на втором месте — крупного рогатого скота

(36,4%) (Аскарлов 1973: 130). Приоритет скотоводства в укладе хозяйственной деятельности населения сапаллинской общности свидетельствует об их достаточно высокой мобильности (Алэкшин 1975: 51).

Одной из ключевых особенностей «бешкентско-вахшской культуры» бронзового века Таджикистана является её культурная многокомпонентность. В основе формирования и существования населения скотоводческого типа лежат тесные генетические и культурные связи с населением различных оседло-земледельческих оазисов эпохи бронзы Северного Афганистана, Южного Таджикистана и Южного Узбекистана. В эпоху поздней бронзы скотоводческое население Таджикистана подвергалось значительному культурному влиянию со стороны степных андроновских племен, появление которых на территории Таджикистана происходит, судя по материалам погребения Зардча-Халифа, начиная уже с первой четверти II тыс. до н. э. Признаки влияния степного компонента на местное бешкентско-вахшское население фиксируются в погребальных комплексах могильников Ранний Тулхар и Тигровая Балка (Кутимов 2008: 170–175). Новые археологические материалы, обнаруженные в 2014 г. в окрестностях могильника Тандырыул в западной части Гиссарской долины, выявили свидетельства прямых культурных контактов вахшского населения с носителями культуры лепной расписной керамики типа Яз I (Кутимов 2017: 122, 123).

С учетом вновь открывшихся обстоятельств относительно археологических комплексов скотоводческого типа бронзового века Таджикистана, необходимо признать, что под термином «бешкентско-вахшская культура» следует понимать широко датируемый хронологически и многокомпонентный по происхождению культурно-исторический феномен, образовавшийся в эпоху бронзы на территории Таджикистана в результате активного взаимодействия различных групп населения и их культурной трансформации. Таким образом, во-

просы культурных связей различных групп населения, форм их взаимодействия и взаимовлияния в эпоху бронзы на территории Таджикистана являются в настоящее время наиболее актуальным направлением для будущих исследований.

В эпоху бронзы территория современного Таджикистана активно осваивалась различными по образу жизни, характеру хозяйственной деятельности и уровню развития материальной культуры племенами оседло-земледельческого и скотоводческого типа. Наибольшее число археологических комплексов бронзового века Таджикистана относится к памятникам древнеземледельческой культуры, появление которых здесь связано с миграционным распространением населения в IV–II тыс. до н. э. из различных древнеземледельческих центров Средней Азии, Афганистана и Ирана. Древнеземледельческие племена впервые появились на территории Таджикистана в последней четверти IV тыс. до н. э. в результате экспансии населения с территории Южного Туркменистана, связанной с поиском и освоением горнорудных регионов Средней Азии и развитием металлургического и металлообрабатывающего производства (поселение Саразм в долине р. Зеравшан). В середине III тыс. до н. э. на юге Таджикистана, на правом берегу р. Пяндж, формируется новый центр обитания древнеземледельческого населения, представленный материалами могильника Фархор, появление которого связано с приходом большой группы древнеземледельческих племен с территории Северного Афганистана и Северо-Восточного Ирана. Постепенное распространение носителей «фархорской культуры» во второй половине — конце III тыс. до н. э. с юга на север и освоение ими внутренних районов Таджикистана фиксируется археологическими комплексами долины р. Яхсу (могильники Кангуртут 2, Гелот и Дарнайчи). В эпоху поздней бронзы на территорию Таджикистана приходят древнеземледельческие племена сапаллинской культуры, основная территория обитания которых находилась в низовьях р. Сурхандарья на юге Узбекистана. В первой половине — середине II тыс. до н. э. сапаллинские племена активно осваивали различные регионы Таджики-

стана, переселяясь на значительные расстояния по горным долинам и основывая оседло-земледельческие поселения. В настоящее время в Таджикистане известно несколько памятников древнеземледельческой сапаллинской культуры эпохи поздней бронзы: поселение и могильник Кангуртут, поселение Тегузак, поселение Дахана, поселение Сариджар, Нурекские могильники, могильник Тандырйул. Одновременно с миграциями древнеземледельческого населения, в эпоху поздней бронзы на территорию Таджикистана из степной зоны Евразии приходят группы андроновских племен фёдоровского типа. Во II тыс. до н. э. степные племена андроновской общности активно осваивали глубинные районы Средней Азии. На территории Таджикистана известно несколько археологических комплексов (могильники Дашти-Кози, Кумсай, Туюн), материалы которых отражают не только процесс освоения данной территории степными племенами фёдоровского типа в середине II тыс. до н. э., но и их тесное взаимодействие с обитавшим здесь древнеземледельческим населением. Своеобразная культурная группа скотоводческого населения, обитавшего на территории Таджикистана в эпоху поздней бронзы, представлена памятниками «бешкентско-вахшской культуры». Возникновение «бешкентско-вахшской культуры» связано с процессом выделения отдельных групп племён из среды древних земледельцев Северного Афганистана и Южного Узбекистана, которые в географических условиях Таджикистана перешли к скотоводческому образу жизни. Памятники бешкентско-вахшского типа на территории Таджикистана представлены в основном погребальными комплексами (могильники Гелот, Дарнайчи, Бешкент I, Вахш I, Джаркуль, Маконимор, Обкух, Ойкуль, Ранний Тулхар, Тигровая Балка и др.). Отсутствие стационарных поселенческих комплексов свидетельствует о мобильном образе жизни и скотоводческом типе хозяйствования бешкентско-вахшских племен. По традиционной шкале хронологии, вахшская культура датируется в пределах середины — второй половины II тыс. до н. э., однако результаты радиоуглеродного анализа вахшских комплексов Гелота-Дарнайчи

долины р. Яхсу позволяют относить начальные этапы формирования местной скотоводческой культуры на территории Таджикистана к рубежу III–II тыс. до н. э. Заключительный период бронзового века на территории Средней Азии связан с распространением так называемой «общности культур лепной расписной керамики», куда входят археологические комплексы типа Яз I Южного Туркменистана, комплексы типа Кучук, Чуст и Бургулюк в Узбекистане, а также Тилля-тепе в Северном Афганистане. На территории Таджикистана археологические комплексы типа Яз I немногочисленны. Единственное известное поселение этой культурной группы Карим-Берды расположено в бассейне р. Кызылсу на юге Таджикистана, отдельные находки керамики типа Яз I были найдены на древнеземледельческих поселениях Кангурттут, Тегузак и Сариджар.

Археологические культуры бронзового века Таджикистана имеют ряд специфичных особенностей, обусловленных различными факторами. Во-первых, происхождение данных культур носит нелокальный характер, все они появились на территории Таджикистана в результате широкомасштабных миграционных передвижений разнообразных культурных групп населения из различных регионов Евразии, пришедших сюда и обитавших здесь в условиях значительного удаления или даже в отрыве от своей основной территории обитания. Во-вторых, в процессе своей жизнедеятельности на территории Таджикистана данные группы населения вступали друг с другом в активное культурное, социальное и хозяйственное взаимодействие. Особенно заметным процесс культурных контактов находит отражение в материалах позднего бронзового века. Данные факторы, безусловно, оказывали существенное влияние на характер культурного развития населения эпохи бронзы Таджикистана.

Таким образом, несмотря на сложности и особенности обитания в географических условиях горного рельефа, в бронзовом веке территория Таджикистана являлась одной из самых активных зон культурных контактов в Средней Азии.

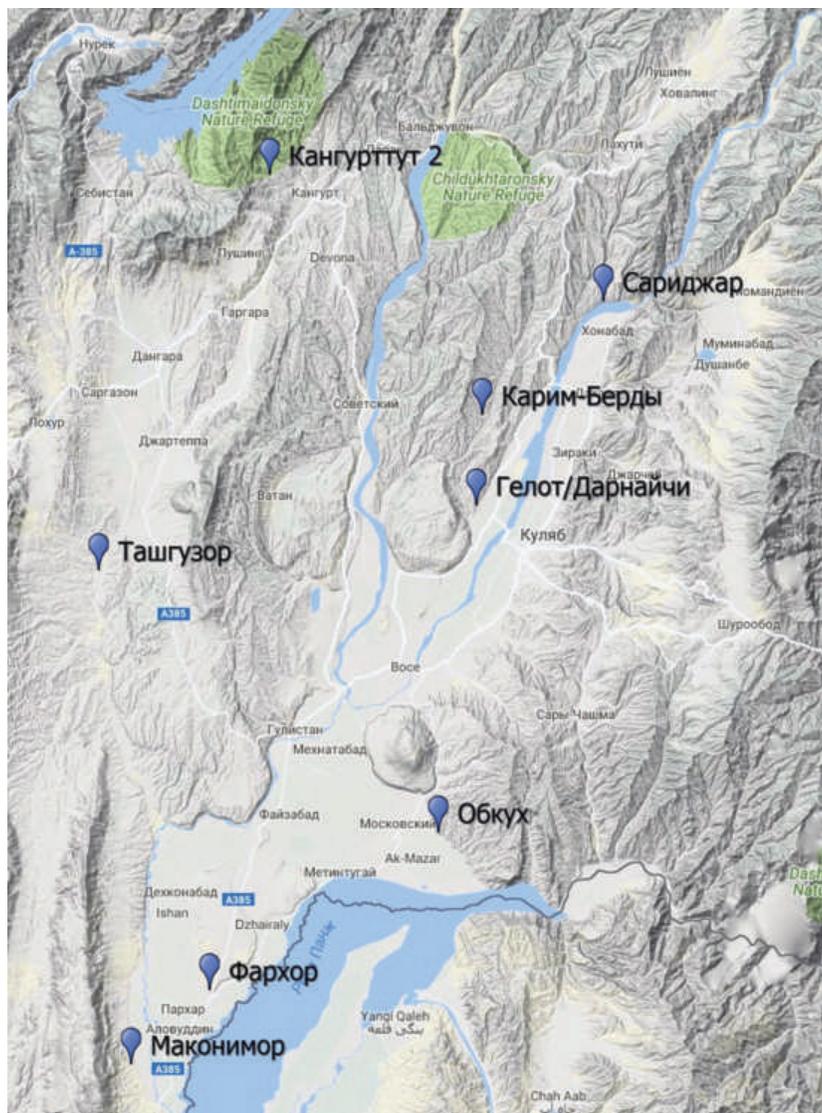

Рис. 1. Карта основных памятников эпохи бронзы Кулябо-Пархарского региона Таджикистана.

Иллюстрации

Рис. 2. Фархор. Случайные находки: 1 — каменная гиря из мрамора, 2 — каменный «жезл» из песчаника, 3 — каменный сосуд из оникса

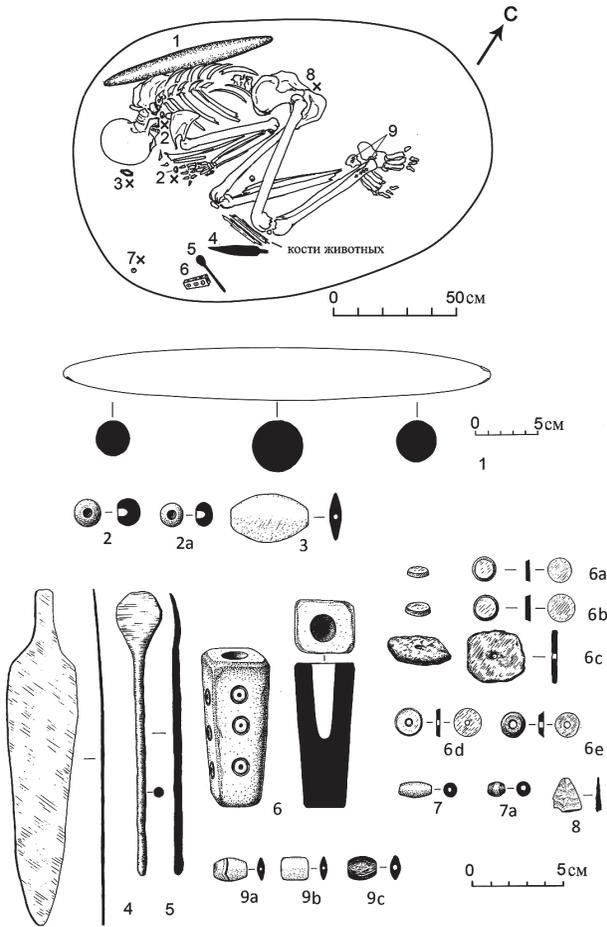

Рис. 3. Фархор. Раскоп 6А, погребение 19. Вверху — план захоронения, внизу — погребальный инвентарь: 1 — каменный жезл из песчаника; 2, 2а — каменные наперстки из известняка; 3 — пронизка из агата; 4 — бронзовый нож; 5 — косметическая лопаточка из бронзы; 6 — каменный «светильник» из гипса; 6 а, б, с — крышечки для «светильника»; 7, 7а — бусины; 8 — кремневый наконечник стрелы; 9а, 9с — бусины из агата; 9б — бусина из бирюзы.

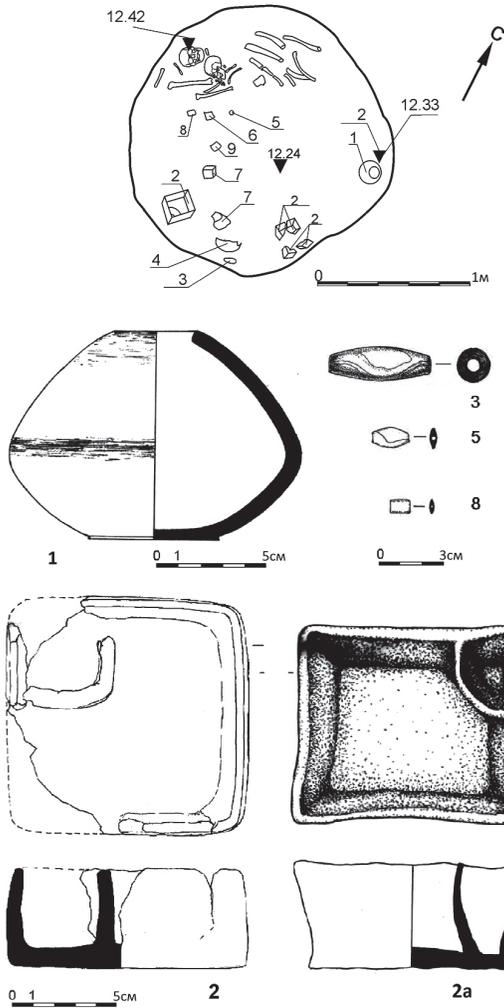

Рис. 4. Фархор. Раскоп 6, погребение 33. Вверху — план захоронения, внизу — погребальный инвентарь: 1 — гончарный сосуд с росписью черной краской; 2, 2а — керамические коробочки с внутренней перегородкой; 3, 4, 5 — каменные бусины.

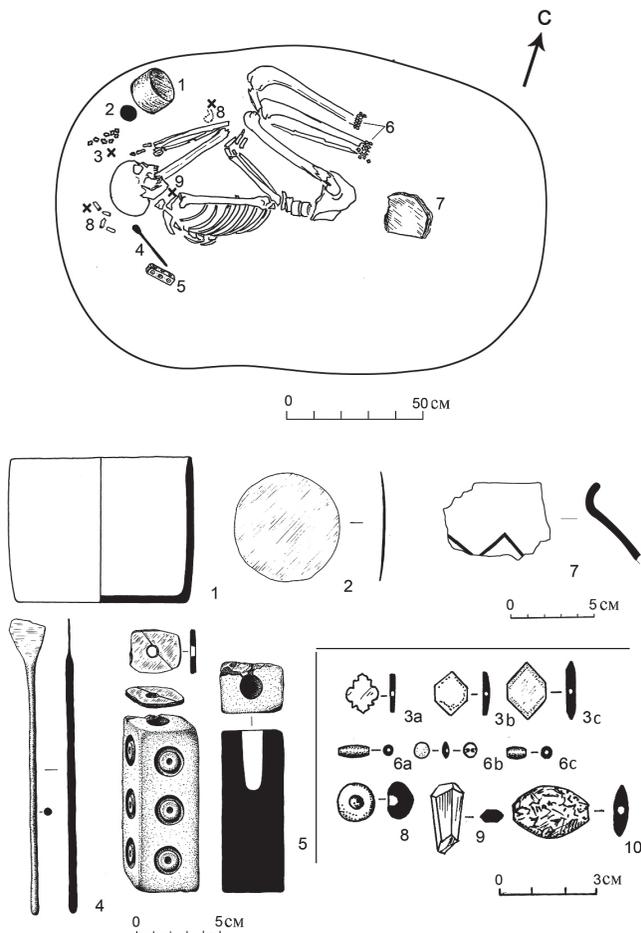

Рис. 5. Фархор. Раскоп 6А, погребение 18. Вверху — план захоронения, внизу — погребальный инвентарь: 1 — гончарный сосуд; 2 — бронзовое зеркало; 3 а, б, с — бусы из алебастра; 4 — косметическая лопаточка из бронзы; 5 — каменный флакон с крышечкой; 6а — бусина из агата; 6б — бусина из бирюзы; 6с — бусина из золота; 7 — венчик лепного сосуда с углубленным орнаментом; 8 — каменное навершие из гипса, 9 — обломок горного хрусталя; 10 — подвеска из известняка.

Иллюстрации

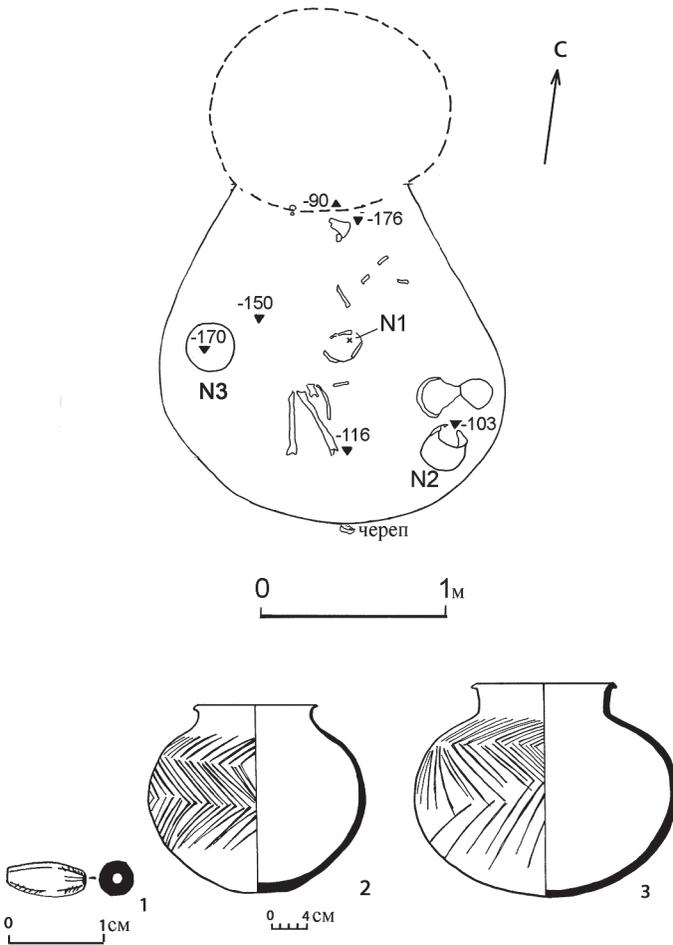

Рис. 6. Фархор. Раскоп 1, погребение 4. Вверху — план захоронения, внизу — погребальный инвентарь: 1 — лазуритовая пронизка; 2, 3 — лепные глиняные сосуды с лоценым елочным орнаментом.

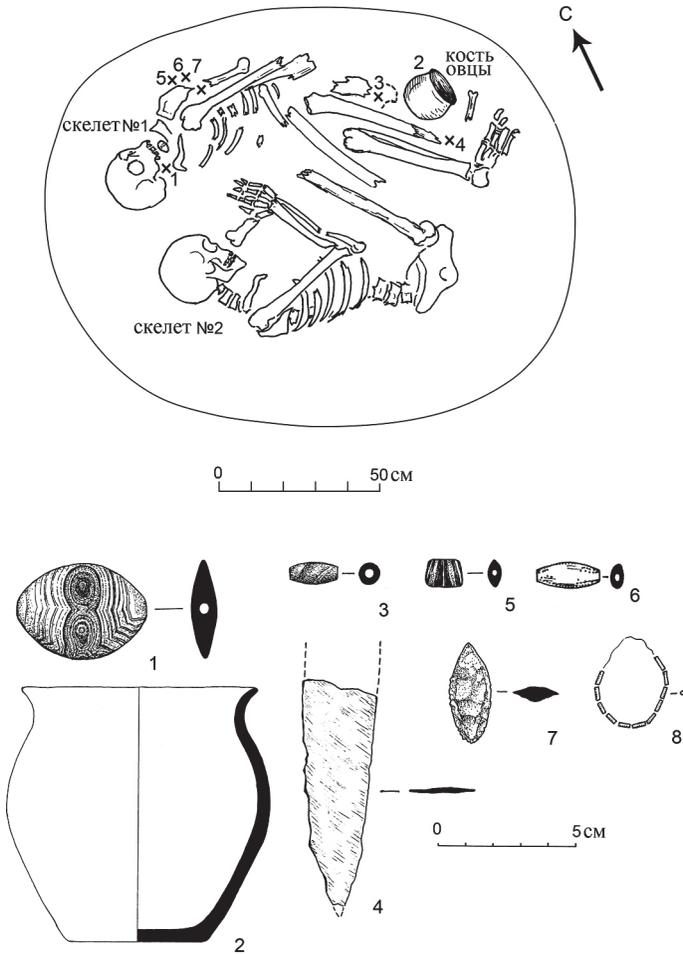

Рис. 7. Фархор. Раскоп 5, погребение 12. Вверху — план захоронения, внизу — погребальный инвентарь: 1 — агатовая подвеска; 2 — лепной горшок; 3, 5, 6, 8 — бусы из агата, песчаника и алебастра; 4 — обломок бронзового ножа; 7 — стрела из кремня.

Рис. 8. Фархор. Раскоп 6А, погребение 32. Погребальный инвентарь: 1, 2 — гончарные сосуды; 3 — серебряный сосуд; 4 — косметическая лопаточка из серебра; 5 — каменный сосуд из оникса; 6 — бронзовый нож; 7 — каменный сосуд из оникса; 8 — серебряный сосудик; 9–14 — бусы из агата.

Фархор 2015. Раскоп 6А. Погребение - 32

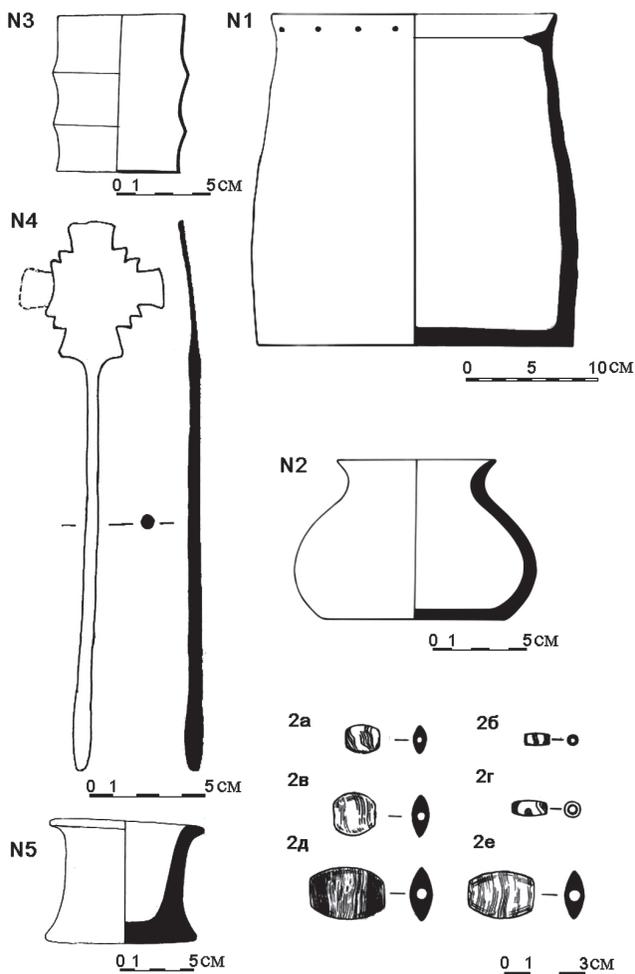

Рис. 9. Фархор. Раскоп 6А, погребение 32. Погребальный инвентарь: 1, 2 — гончарные сосуды; 3 — серебряный сосуд; 4 — косметическая лопаточка из серебра; 5 — каменный сосуд из оникса; 2а–2е — бусы из агата.

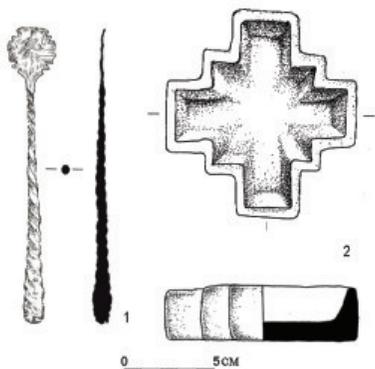
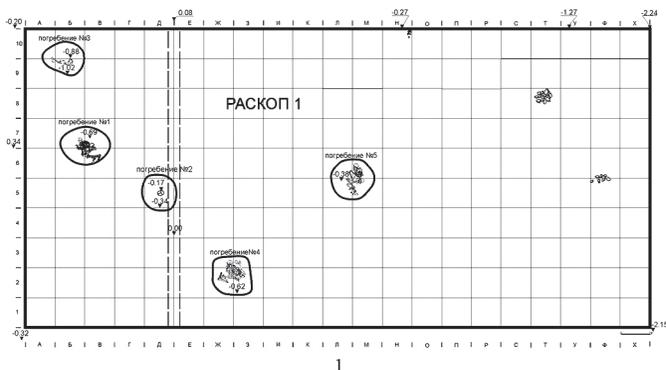

Рис. 10. Фарфор. 1 — Раскоп 6, погребение 29. Бронзовая косметическая лопаточка; 2 — Раскоп 6А, погребение 32. Каменный сосуд.

Кангуртут 2 - 2016. Некрополь
Сводный план раскопа №1

Стратиграфия северной стены с проекцией погребений раскопа 1

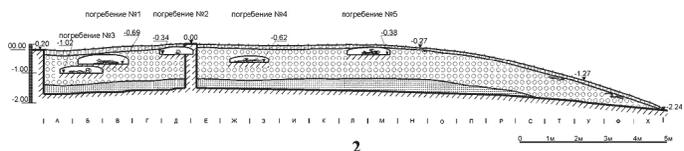
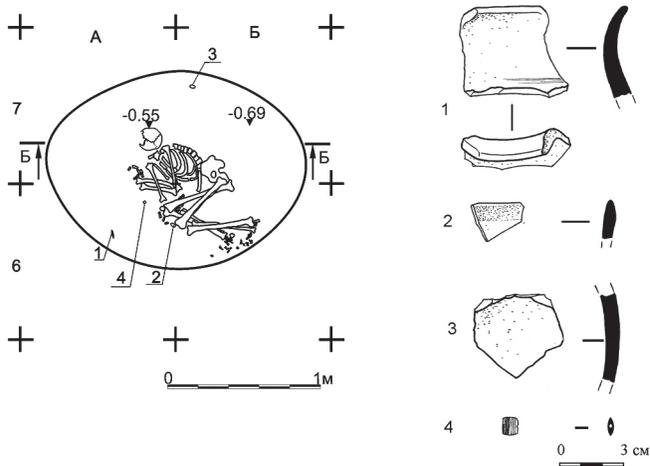

Рис. 11. Кангуртут 2. 1 — сводный план раскопа 1; 2 — разрез северной стенки раскопа 1 с проекциями погребений.

Кангуртут 2 - 2015. Некрополь
Раскоп №1 Погребение №1 План

Стратиграфия северной стены
с проекцией разрезов А-А,Б-Б погребений №1, №3

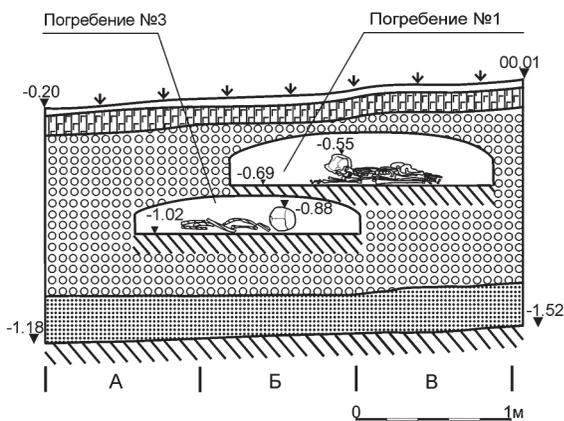
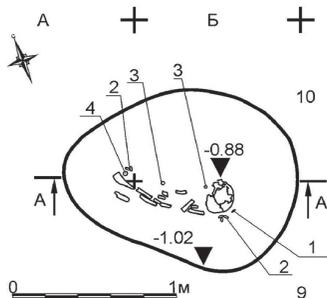

Рис. 12. Кангуртут 2. Раскоп 1, погребение 1. Вверху — план захоронения, внизу — разрез погребений 1, 3. Погребальный инвентарь: 1-3 — керамика; 4 — бусина из агата.

Кангуртут 2 - 2015. Некрополь
Раскоп №1 Погребение №3 План

Раскоп №1 Погребение №3 Разрез А-А

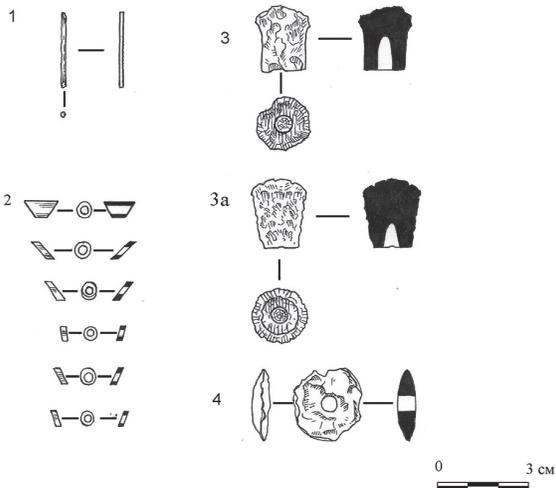
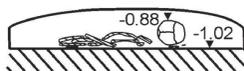

Рис. 13. Кангуртут 2. Раскоп 1, погребение 3. Вверху — план и разрез захоронения. Погребальный инвентарь: 1 — металлический стержень из бронзы; 2 — бусины; 3, 3а, — каменные навершия из известняка; 4 — каменное пряслице из известняка.

Кангурттут 2 - 2016. Некрополь
 Раскоп №1 Погребение №4 План

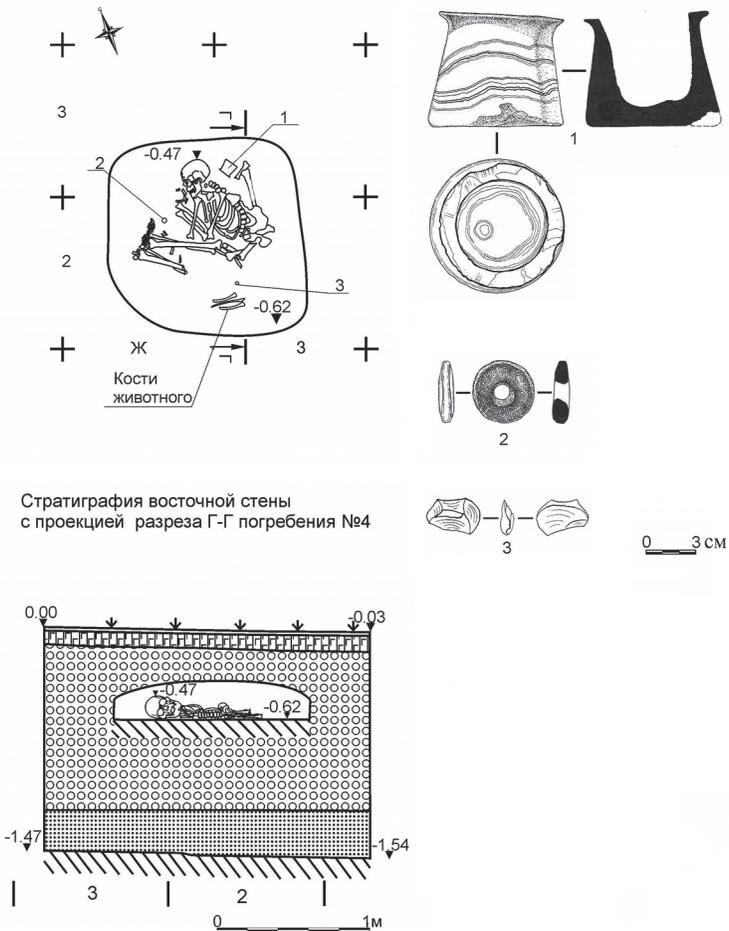

Рис. 14. Кангурттут 2. Раскоп 1, погребение 4. Вверху и внизу — план и разрез захоронения. Погребальный инвентарь: 1 — каменный сосуд из оникса; 2 — каменные пряслице из известняка; 3 — каменный скребок.

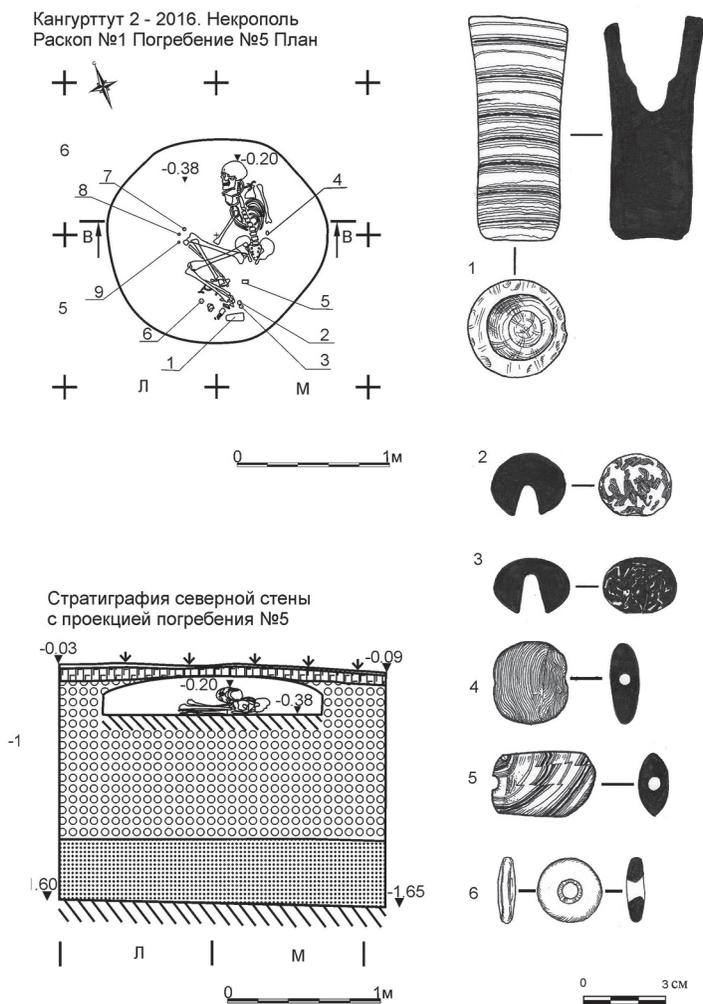

Рис. 15. Кангурттут 2. Раскоп 1, погребение 5. Вверху и внизу — план и разрез захоронения. Погребальный инвентарь: 1 — каменный сосуд из оникса; 2, 3 — каменные навершия из известняка; 4 — каменная навершия; 5 — каменная подвеска из известняка; 6 — каменное пряслице из известняка.

Рис. 16. Кангурттут 2. Раскоп 1. Каменные сосуды из оникса: 1 — погребение 4; 2 — погребение 5.

Рис. 17 — Спутниковый снимок окрестностей кишлаков Гелот и Дарнайчи с указанием местоположения раскопов: 1 — Гелот. Поселение. Раскоп 1. Год раскопок: 2007; 2 — Гелот. Некрополь. Раскоп 1. Год раскопок: 2007; 3 — Гелот. Некрополь. Раскоп 2. Год раскопок: 2007; 4 — Гелот. Некрополь. Раскоп 3. Год раскопок: 2007; 5 — Гелот. Некрополь. Раскопы 4, 5, 6, 7. Годы раскопок: 2007–2010, 2013; 6 — Гелот. Некрополь. Раскоп 8. Годы раскопок: 2010, 2011, 2013; 7 — Гелот. Некрополь. Раскоп 9. Год раскопок: 2011; 8 — Дарнайчи. Раскоп 1. Год раскопок: 2010; 9 — Дарнайчи. Раскоп 2. Годы раскопок: 2010, 2012, 2013; 10 — Дарнайчи. Раскоп 3. Год раскопок: 2010; 11 — Дарнайчи. Раскоп 4. Год раскопок: 2012; 12 — Дарнайчи. Раскоп 5. Год раскопок: 2012; 13 — Дарнайчи. Раскоп 6. Год раскопок: 2013.

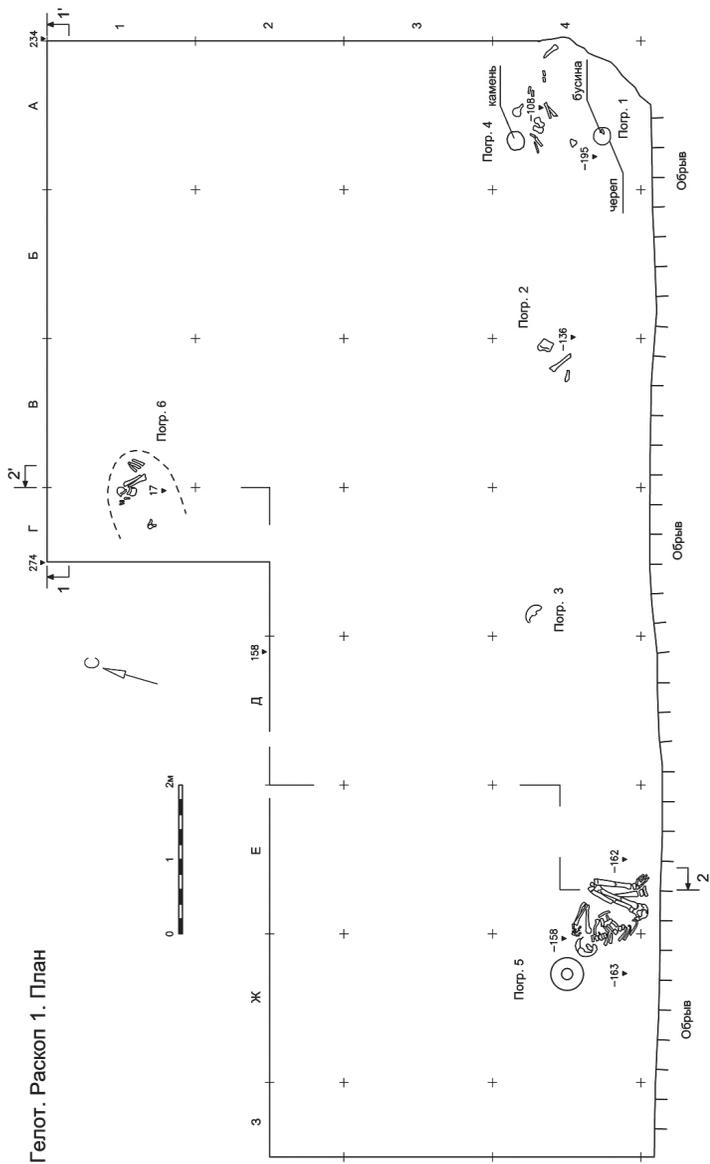

Рис. 18. Гелот. Некрополь. Раскол 1. План раскопа.

Гелот. Раскоп 1. Разрезы

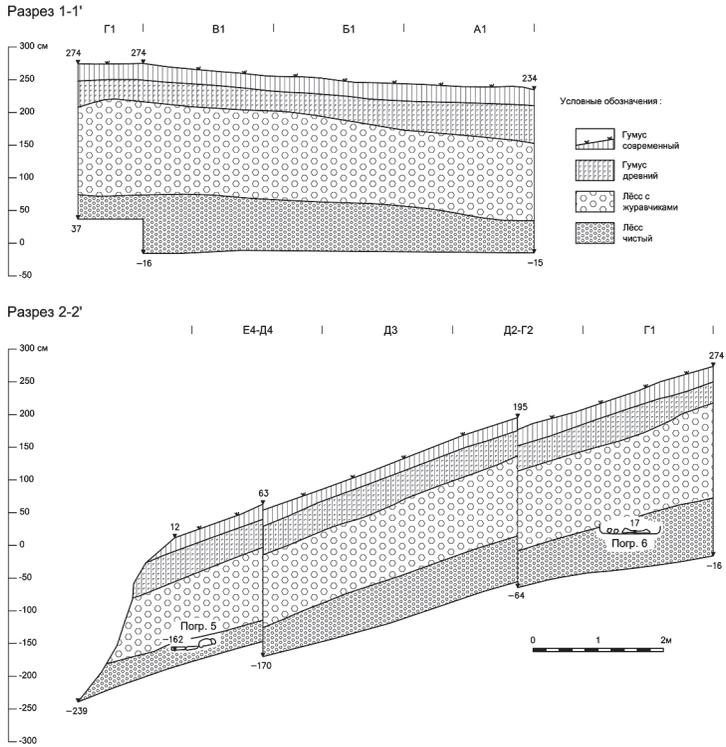

Рис. 19. Гелот. Некрополь. Раскоп 1. Стратиграфические разрезы.

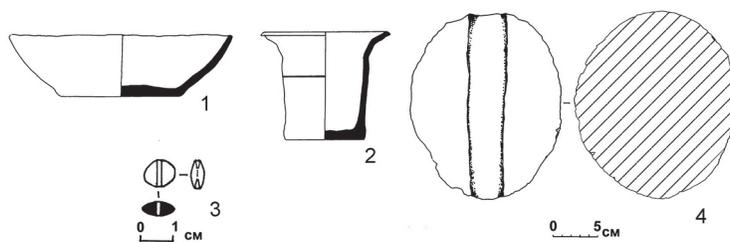

Рис. 20. Гелот. Некрополь. Раскоп 1. Погребальный инвентарь: 1 — погребение 5, керамика; 2 — погребение 2, керамика; 3 — погребение 1, бусина из бирюзы; 4 — погребение 4, камень из известняка.

Гелот. Раскоп 4. Погребения 1, 2
План и разрезы

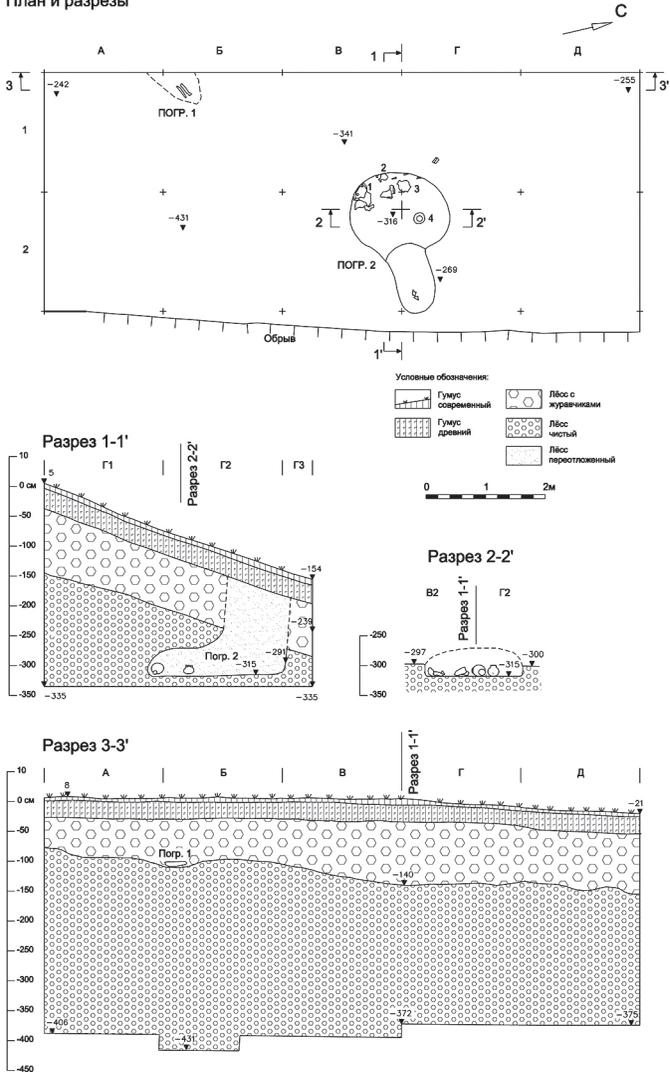
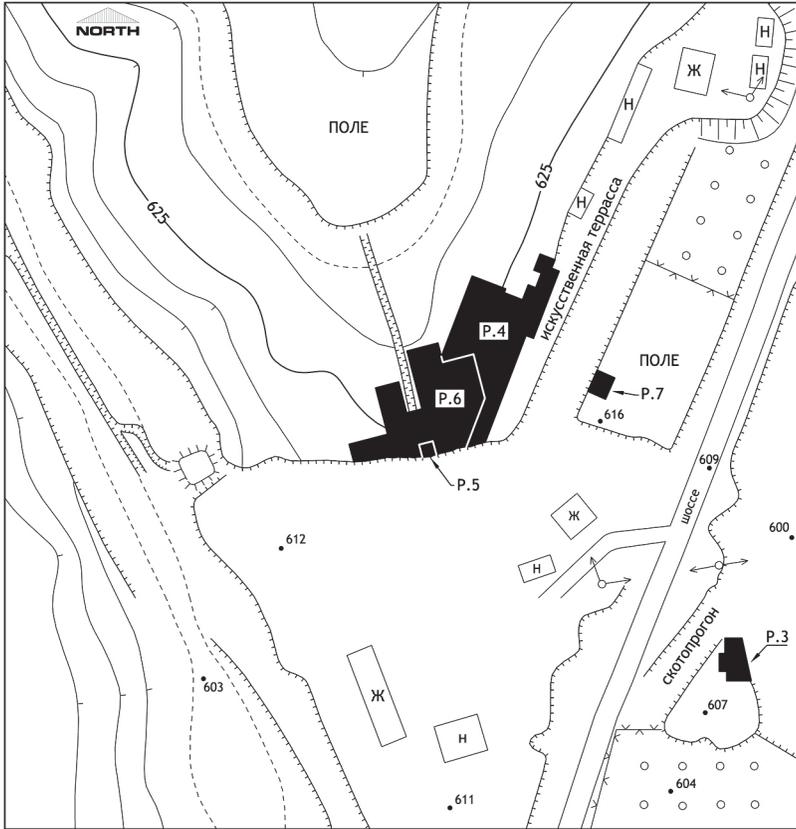

Рис. 21. Гелот. Некрополь. Раскоп 2. План раскопа (1) и разрез (2).
Находки: 3, 4 — фрагменты керамики.

Гелот. Раскопы 3, 4, 5, 6, 7.
Топографическая съемка 2007-2013 гг.
Горизонтали проведены через 5 м
Система высот - Балтийская

0 50 м

Рис. 23. Гелот. Раскопы 3, 4, 5, 6, 7. Топографический план.

Гелот. Раскоп 4. Погребения 1, 2
План и разрезы

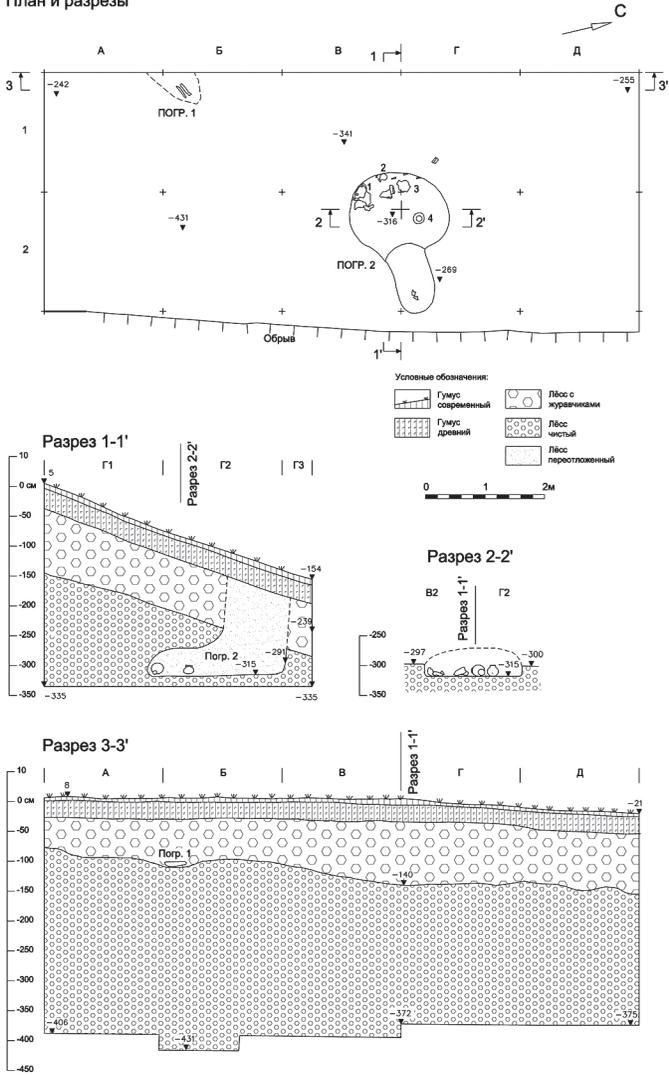
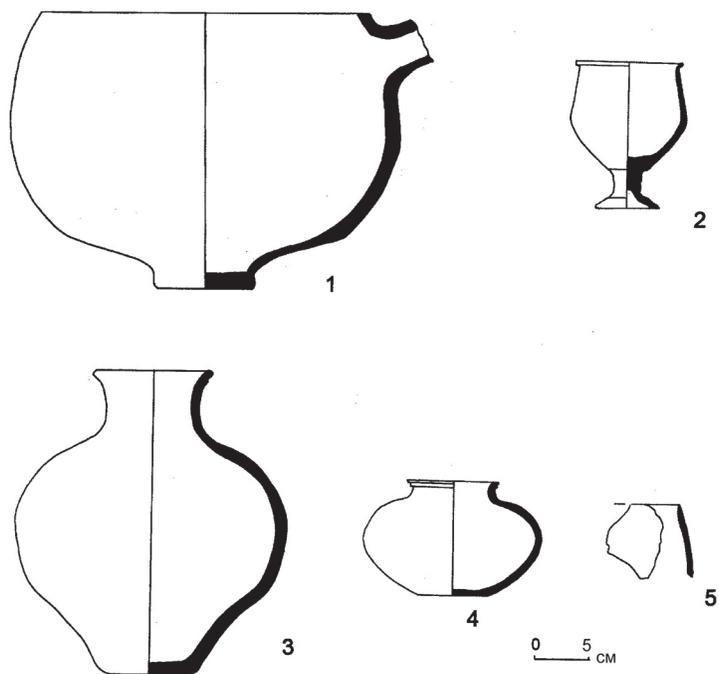

Рис. 25. Гелот. Некрополь. Раскоп 4, погребения 1, 2. План и разрезы.

*Рис. 26. Гелот. Некрополь. Раскоп 4, погребение 2.
Погребальный инвентарь: 1–5 — керамика.*

Гелот. Раскоп 4. Погребение 3
План и разрез

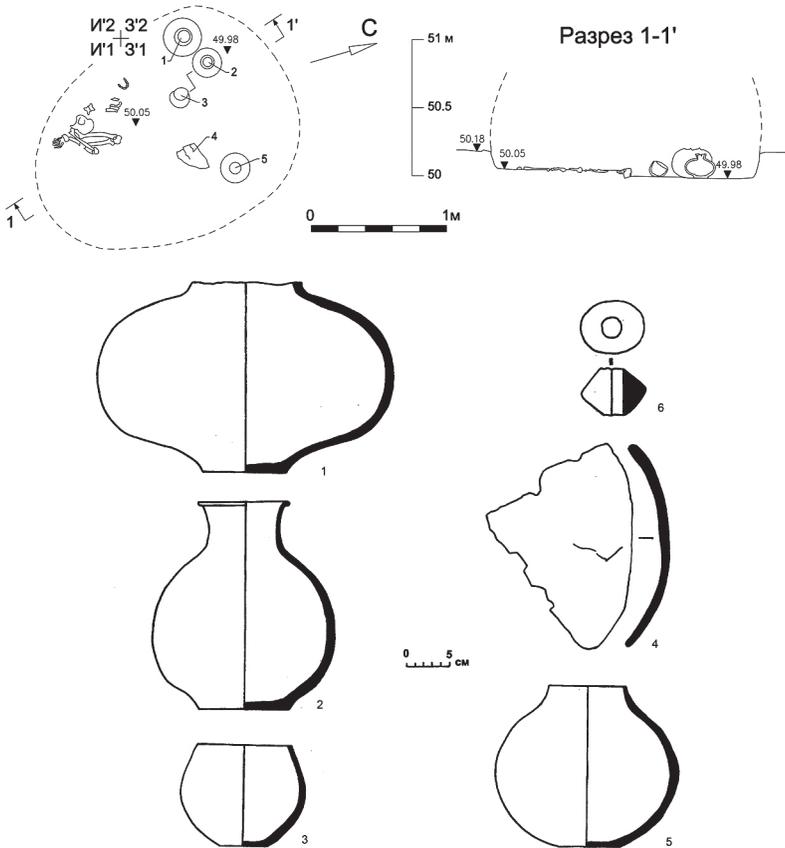

Рис. 27. Гелот. Некрополь. Раскоп 4, погребение 3. План погребения и разрез. Погребальный инвентарь: 1–5 — керамика; 6 — каменное пряслице.

Гелот. Раскоп 4. Погребение 4
План и разрез

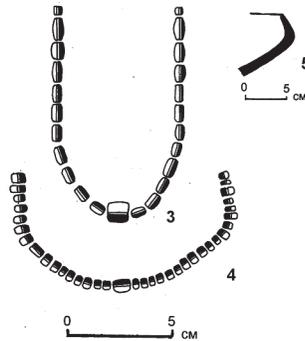
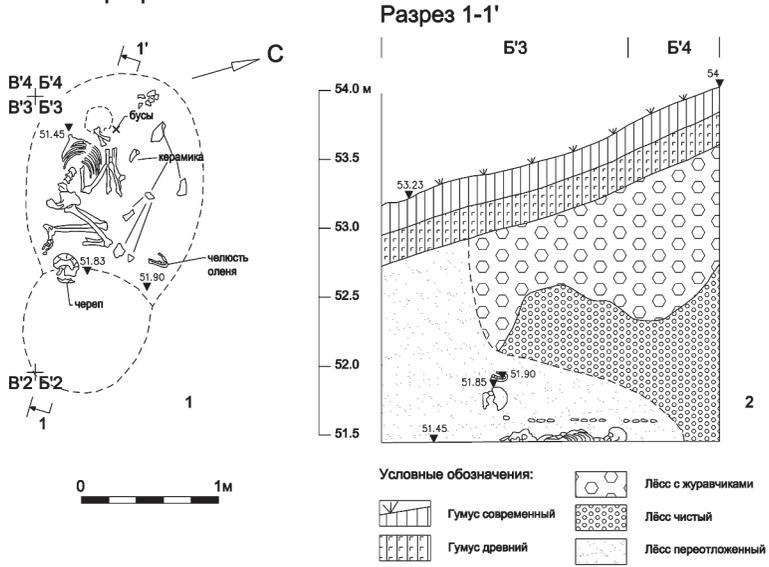

Рис. 28. Гелот. Некрополь. Раскоп 4, погребение 4. План погребения (1) и разрез (2). Погребальный инвентарь: 3 — бусы из сердолика; 4 — бусы из пасти; 5 — фрагмент керамики.

Гелот. Раскоп 4. Погребение 5
План и профильный вид с ЮЗ

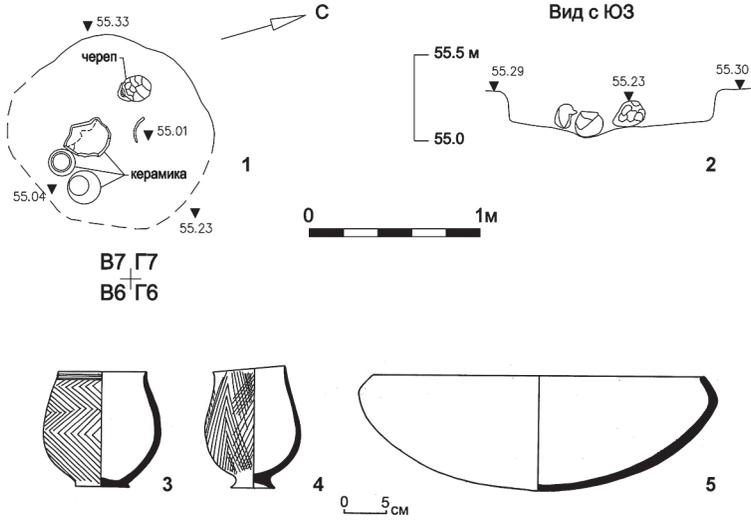

Рис. 29. Гелот. Некрополь. Раскоп 4, погребение 5. План погребения (1) и профильный вид (2). Погребальный инвентарь: 3–5 — керамика.

Гелот. Раскоп 4. Погребение 6
План и разрез

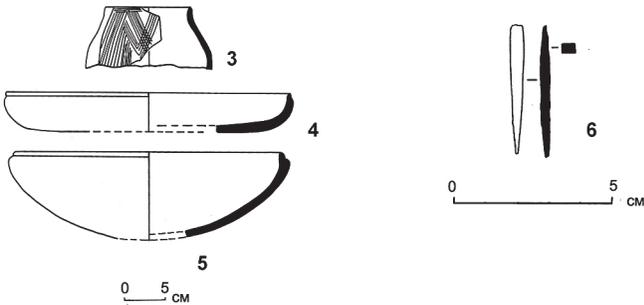
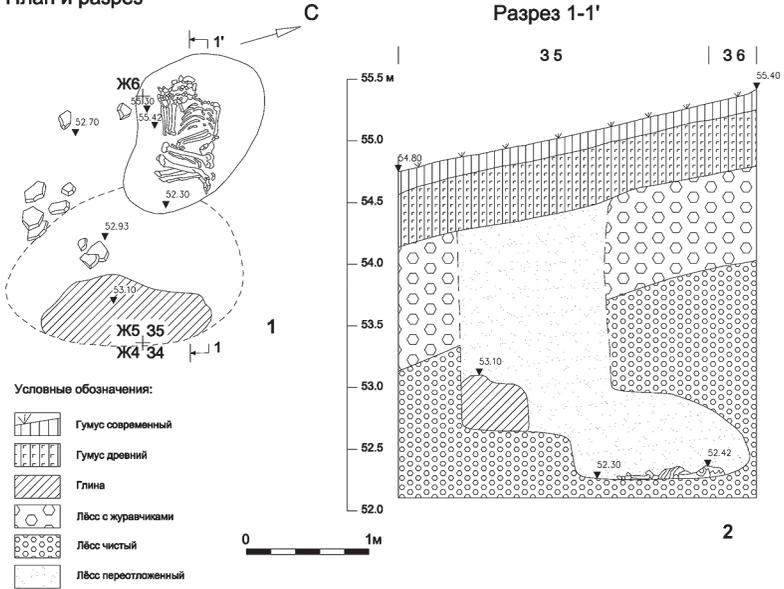
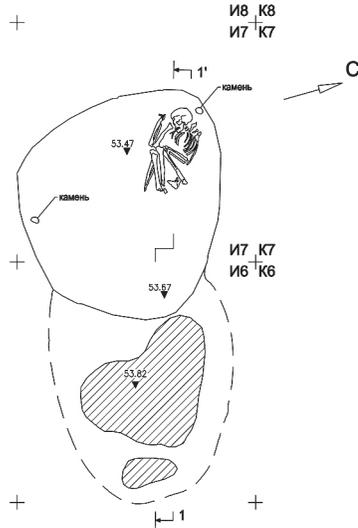

Рис. 30. Гелот. Некрополь. Раскоп 4, погребение 6. План погребения (1) и разрез (2). Погребальный инвентарь: 3–5 — керамика; 6 — бронзовое шило.

Гелот. Раскоп 4. Погребение 7
План и разрез

Разрез 1-1'

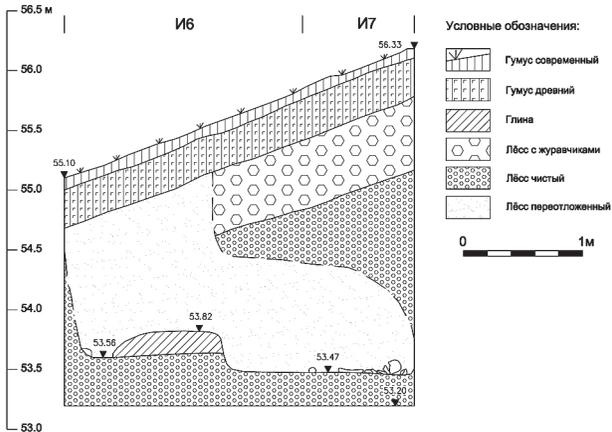

Рис. 31. Гелот. Некрополь. Раскоп 4, погребение 7.
План погребения и разрез.

Гелот. Раскоп 4. Погребение 8

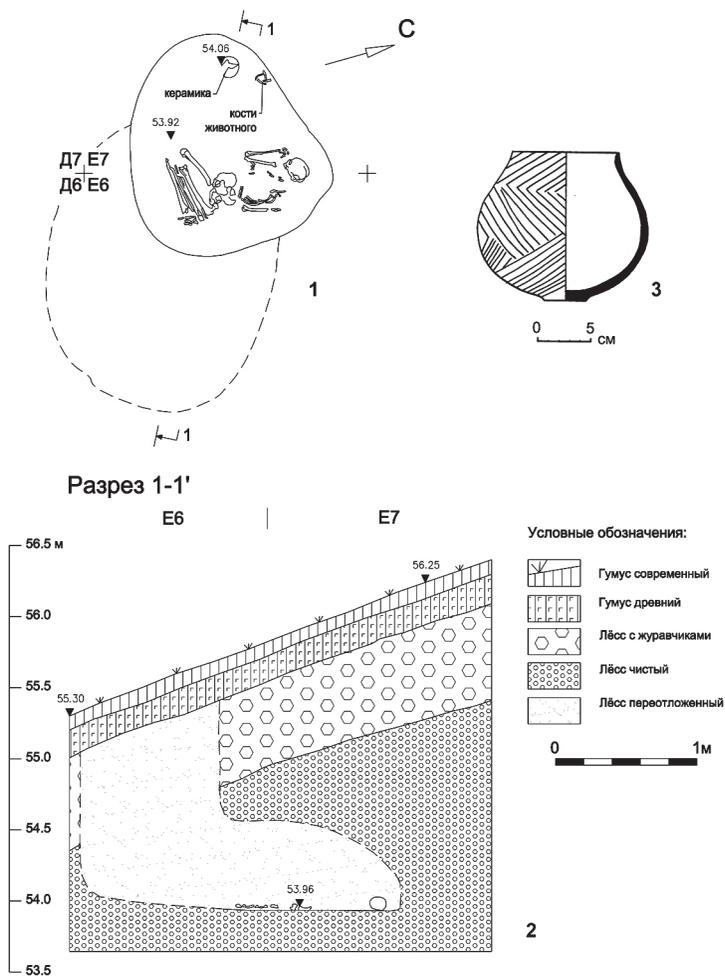

Рис. 32. Гелот. Некрополь. Раскоп 4, погребение 8. План погребения (1) и разрез (2). Погребальный инвентарь: 3 — керамика.

Гелот. Раскоп 6. Погребения 1, 2. План

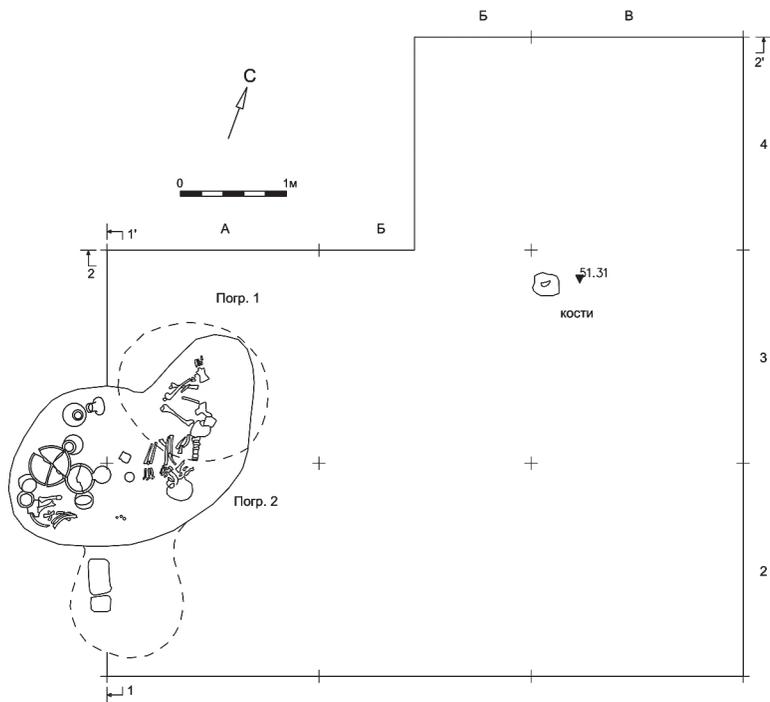
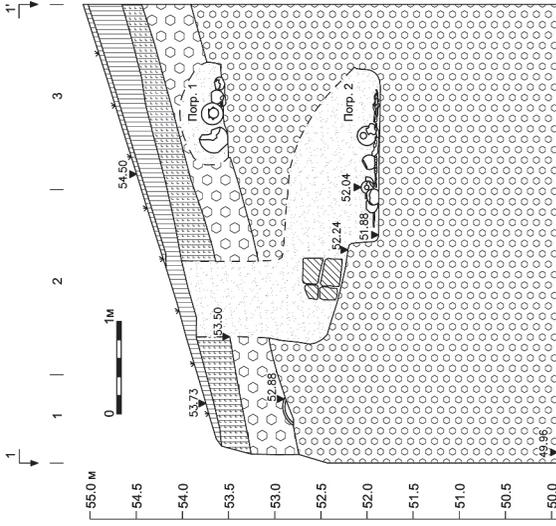

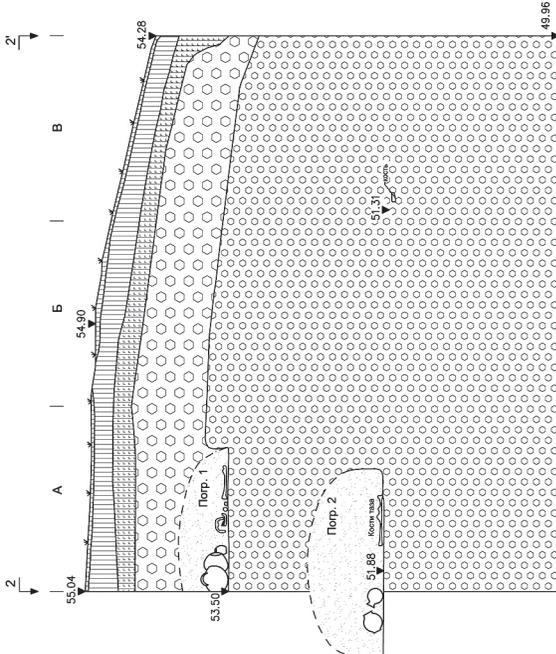
Рис. 33. Гелот. Некрополь. Раскоп 6, погребения 1, 2.
План участка раскопа.

Гелот. Раскол 6. Погребения 1, 2. Разрезы с проекциями погребений

Разрез 1-1' с проекцией погребения 1

Разрез 2-2' с проекцией погребений 1 и 2.

Условные обозначения:

- Гумус современный
- Гумус древний
- Глина
- Лёс с жаровниками
- Лёс чистый
- Лёс перелотженный

Рис. 34. Гелот. Некрополь. Раскол 6, погребения 1, 2. Стратиграфические разрезы с проекциями погребений.

Гелот. Раскоп 6. Погребение 1
План и разрез

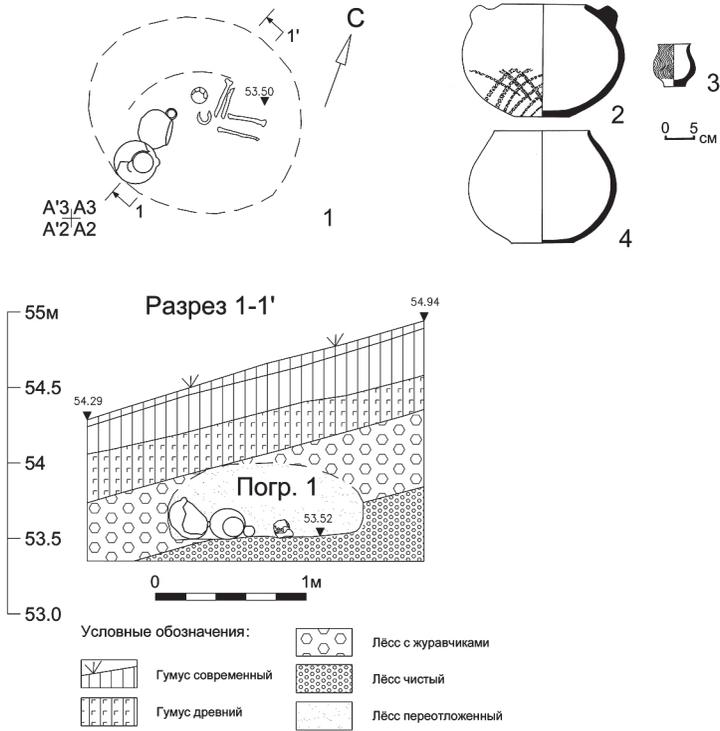

Рис. 35. Гелот. Некрополь. Раскоп 6, погребение 1. План погребения и разрез (1). Погребальный инвентарь: 2-4 — керамика.

Гелот. Раскоп 6. Погребение 2
План и разрезы

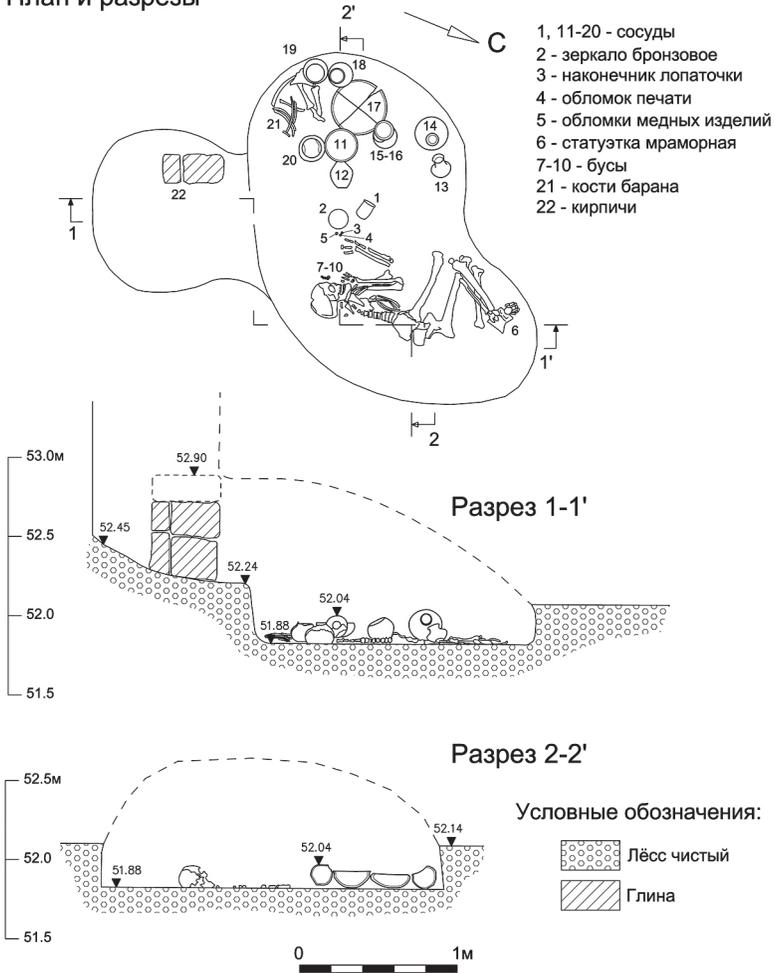

Рис. 36. Гелот. Некрополь. Раскоп 6, погребение 2.
План погребения и разрезы.

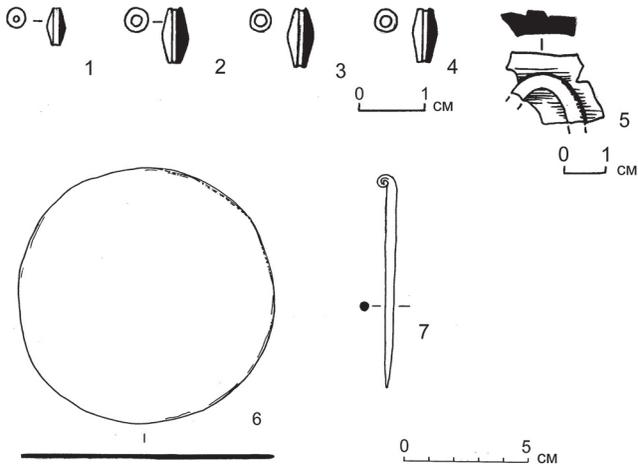

Рис. 37. Гелот. Некрополь. Раскоп 6, погребение 2. Погребальный инвентарь: 1 — бусина золотая; 2-4 — бусины лазуритовые; 5 — фрагмент каменной печати; 6 — бронзовое зеркало; 7 — бронзовая булавка.

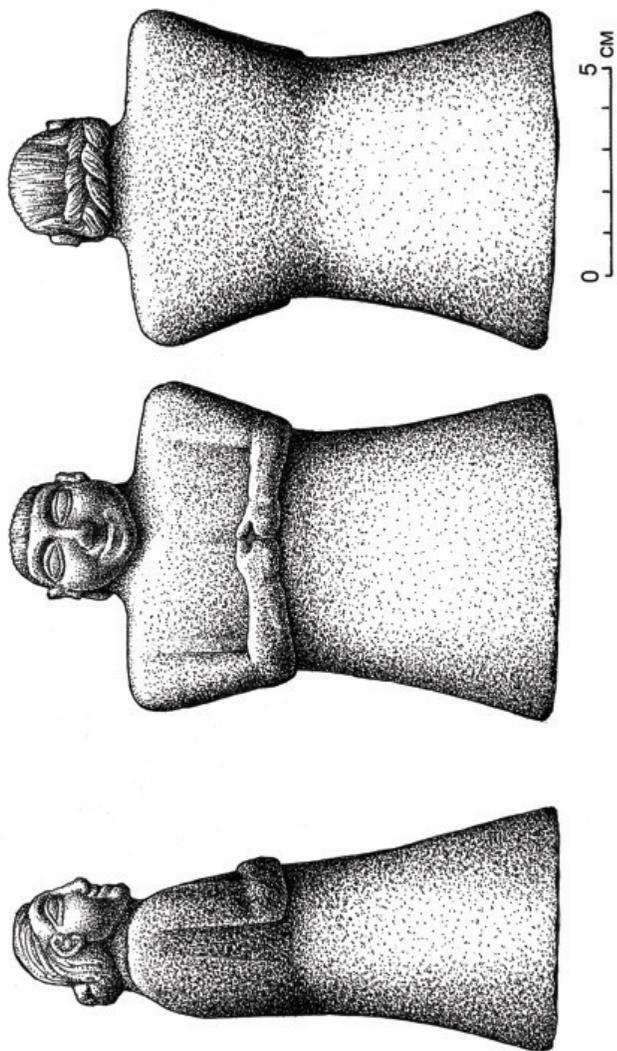

Рис. 38. Гелот. Некрополь. Раскол 6, погребение 2. Каменная статуэтка.

*Рис. 39. Гелот. Некрополь. Раскоп 6, погребение 2.
Каменная статуэтка (фото).*

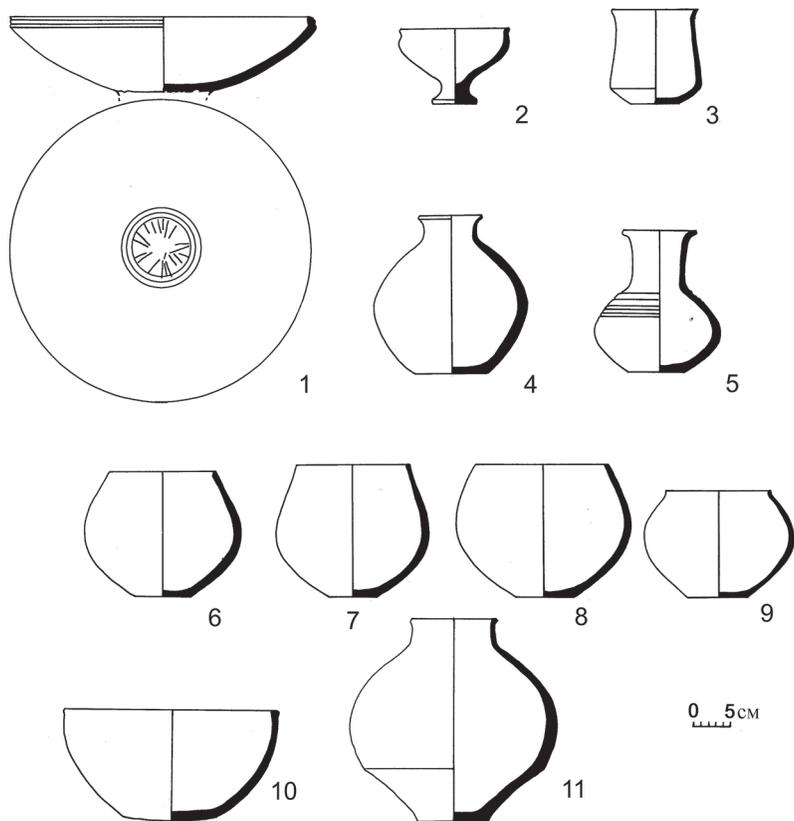
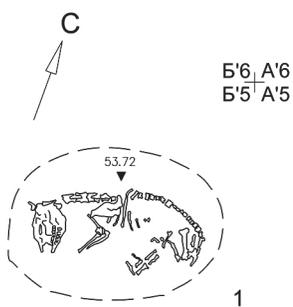

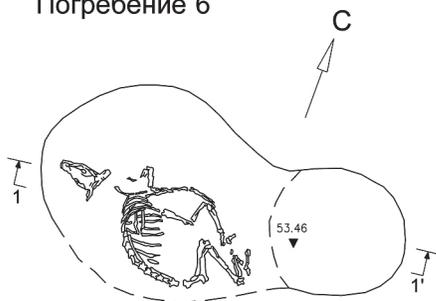
Рис. 40. Гелот. Некрополь. Раскоп 6, погребение 2.
Погребальный инвентарь: 1-11 — керамика.

Гелот. Раскоп 6. Погребения животных

Погребение 5

Погребение 6

Разрез 1-1'

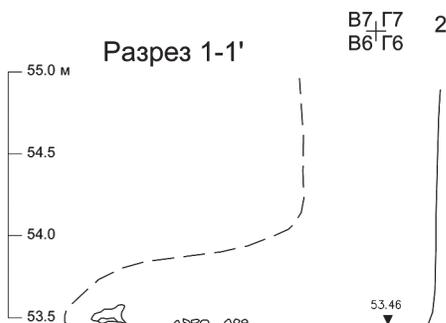

Рис. 41. Гелот. Некрополь. Раскоп 6. Погребения животных:
1 — погребение 5; 2 — погребение 6.

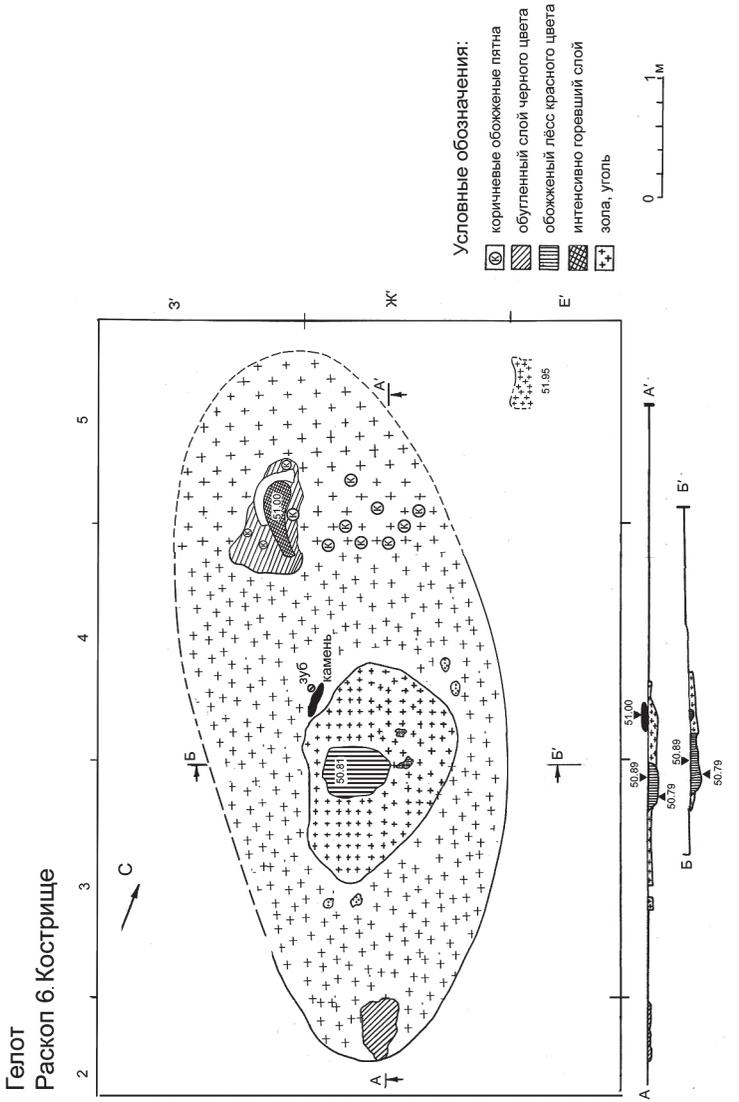

Рис. 42. Гелот. Некрополь. Раскоп 6. Кострище.

Гелот. Раскоп 6. Погребение 3

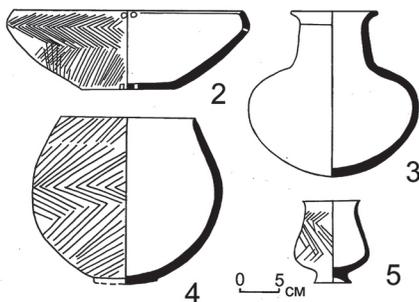
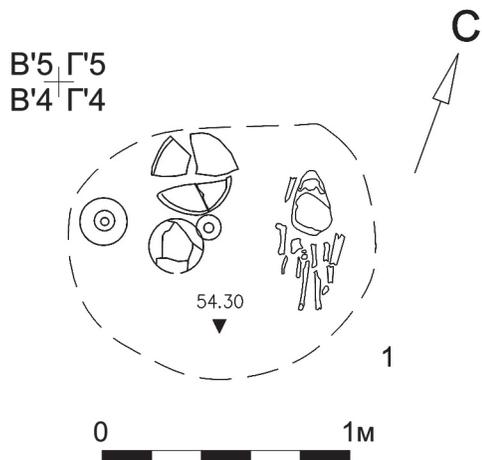

Рис. 43. Гелот. Некрополь. Раскоп 6, погребение 3. План погребения (1).
Погребальный инвентарь: 2–5 — керамика.

Гелот. Раскоп 6. Погребение 8

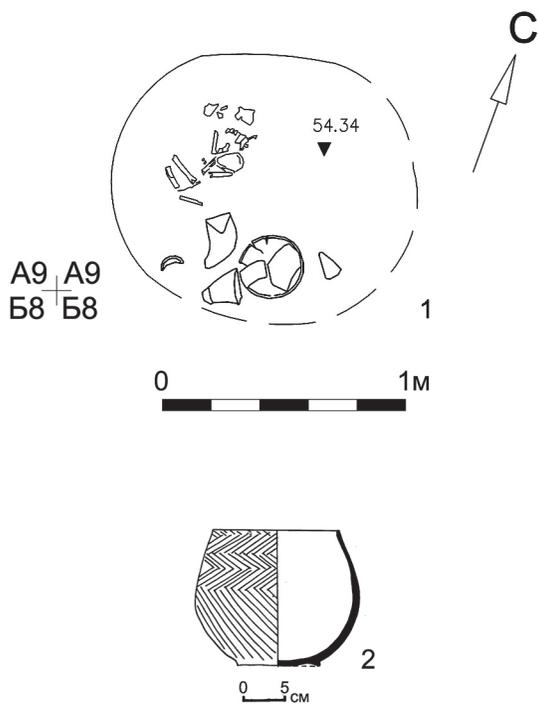

Рис. 44. Гелот. Некрополь. Раскоп 6, погребение 8. План погребения (1).
Погребальный инвентарь: 2 — керамика.

Гелот. Раскоп 6. Погребение 9

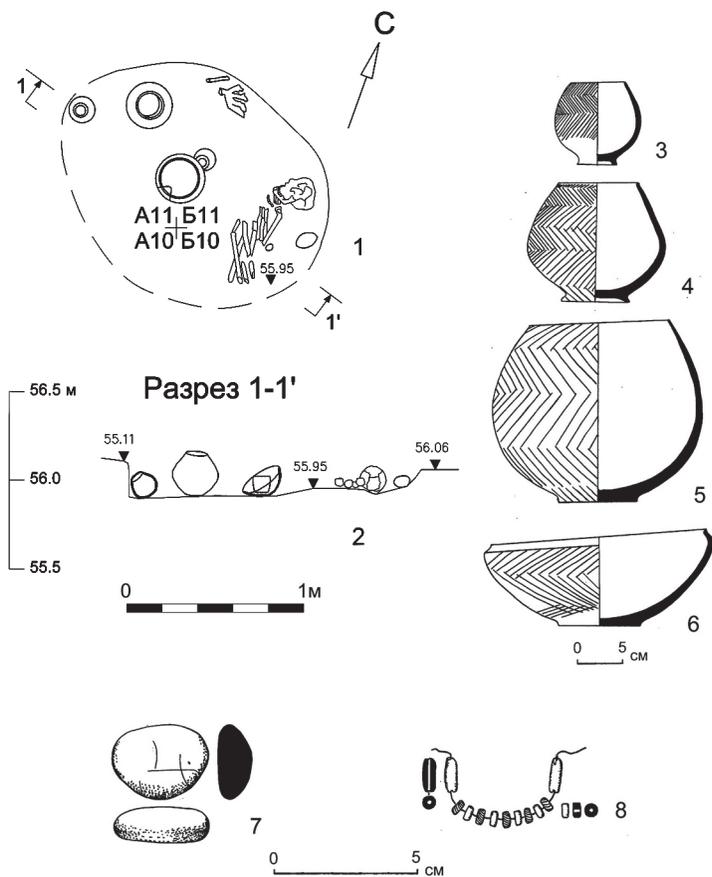

Рис. 45. Гелот. Некрополь. Раскоп 6, погребение 9. План погребения (1) и разрез (2). Погребальный инвентарь: 3–6 — керамика; 7 — камень; 8 — бусины (кость, бирюза, паства).

Гелот. Раскоп 6. Погребение 13

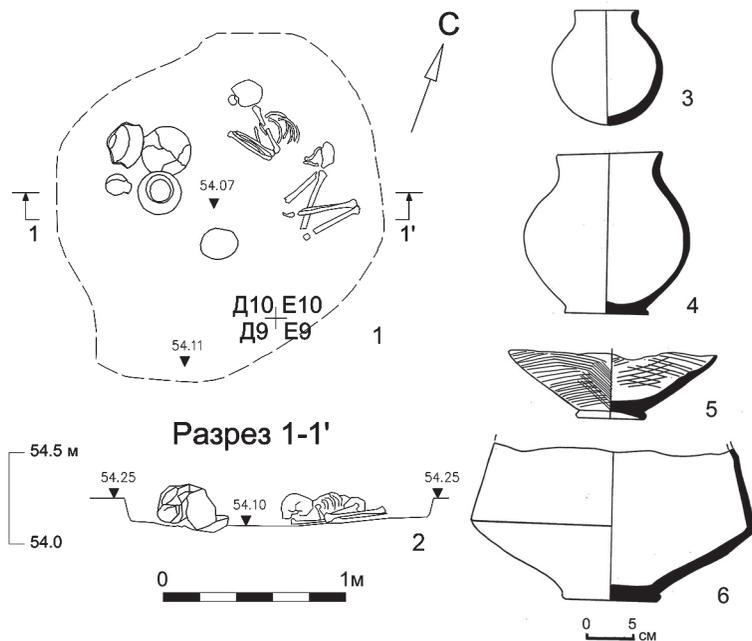

Рис. 46. Гелот. Некрополь. Раскоп 6, погребение 13.
 План погребения (1) и разрез (2). Погребальный инвентарь:
 3–6 — керамика.

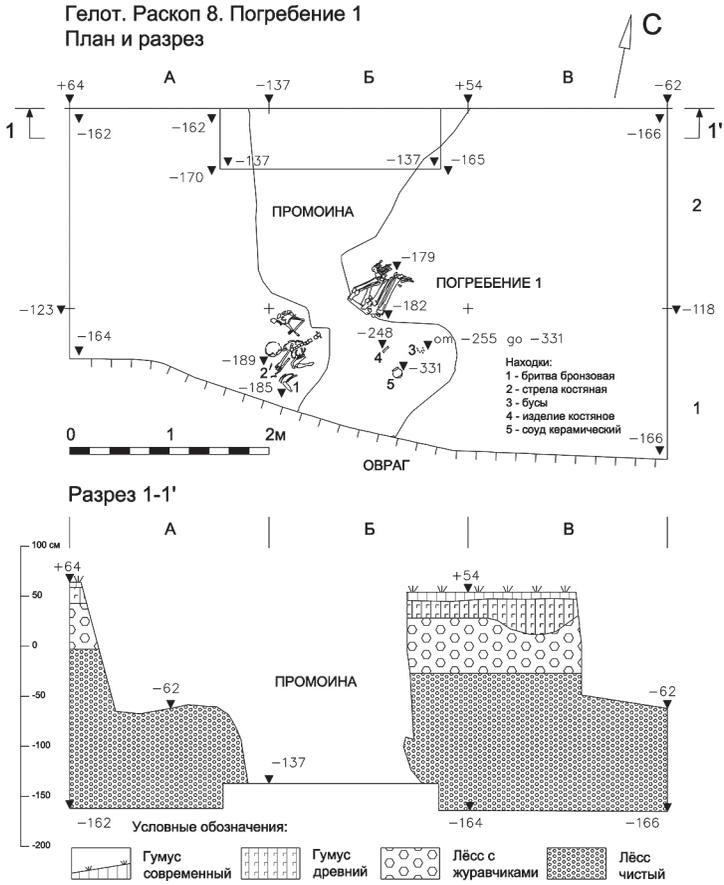

Рис. 47. Гелот. Некрополь. Раскоп 8. План раскопа и разрез.

Гелот
Раскоп 8 погребение 1

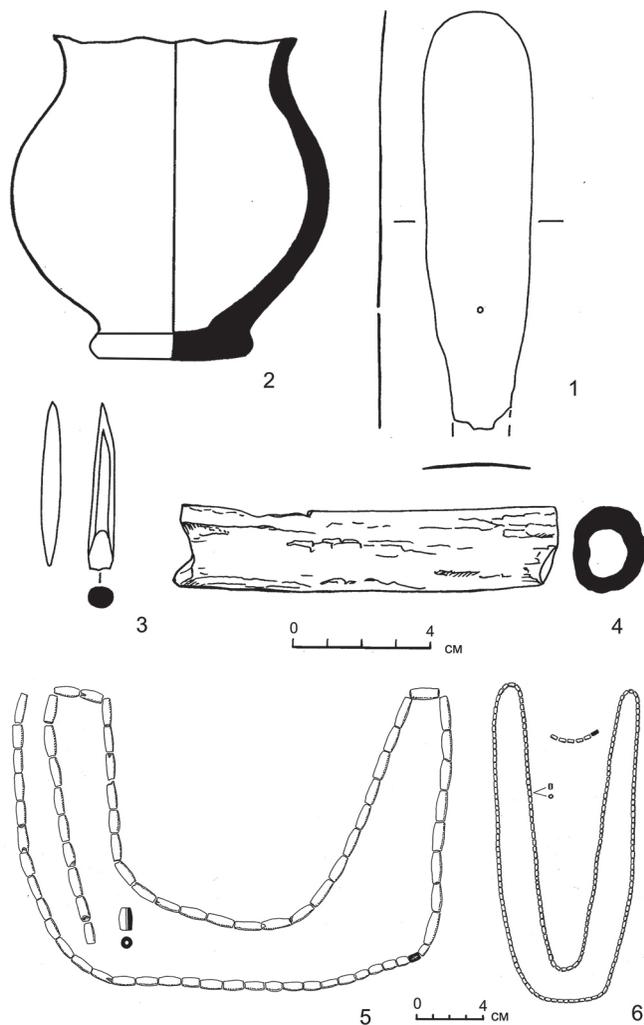

Рис. 48. Гелот. Некрополь. Раскоп 8, погребение 1. Погребальный инвентарь: 1 — бронзовый нож; 2 — керамика; 3 — костяная стрела; 4 — костяная трубочка; 5, 6 — бусины (паста, агат, золото).

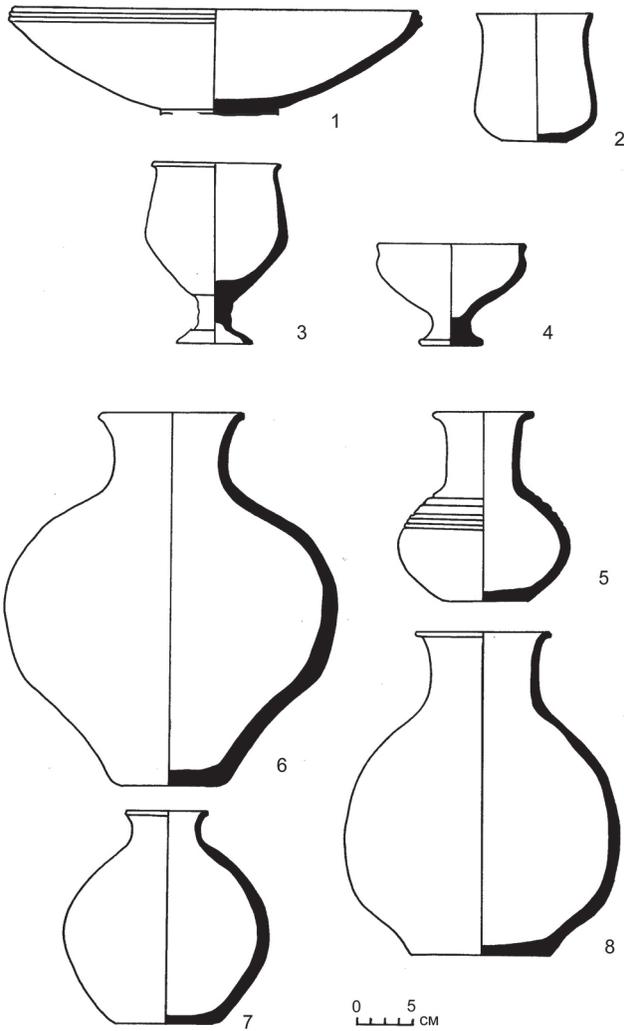

Рис. 49. Гелот. Некрополь. Раскопы 4, 5, 6.
Земледельческая керамика.

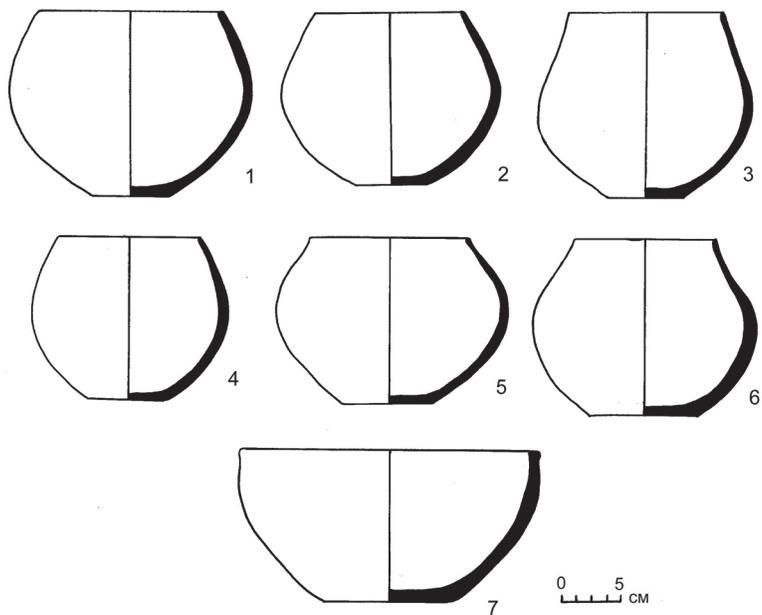
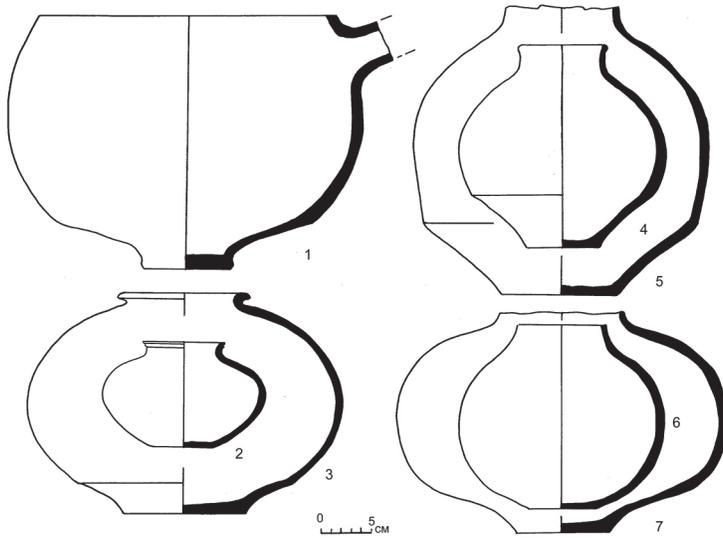

Рис. 50. Гелот. Некрополь. Раскопы 4, 5, 6.
Земледельческая керамика.

*Рис. 51. Гелот. Некрополь. Раскопы 4, 5, 6.
Земледельческая керамика.*

Гончарная керамика

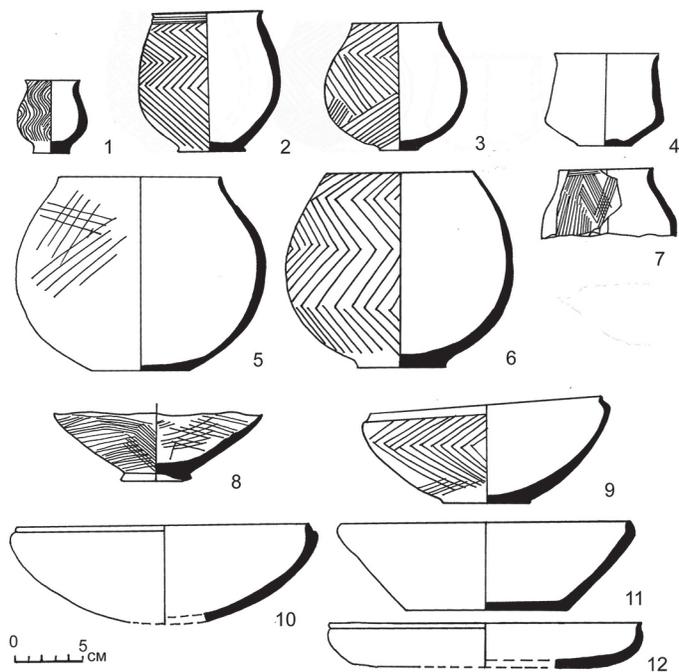

Рис. 52. Гелот. Некрополь. Раскопы 4, 5, 6.
Гончарная столовая вахиская керамика.

Лепная керамика

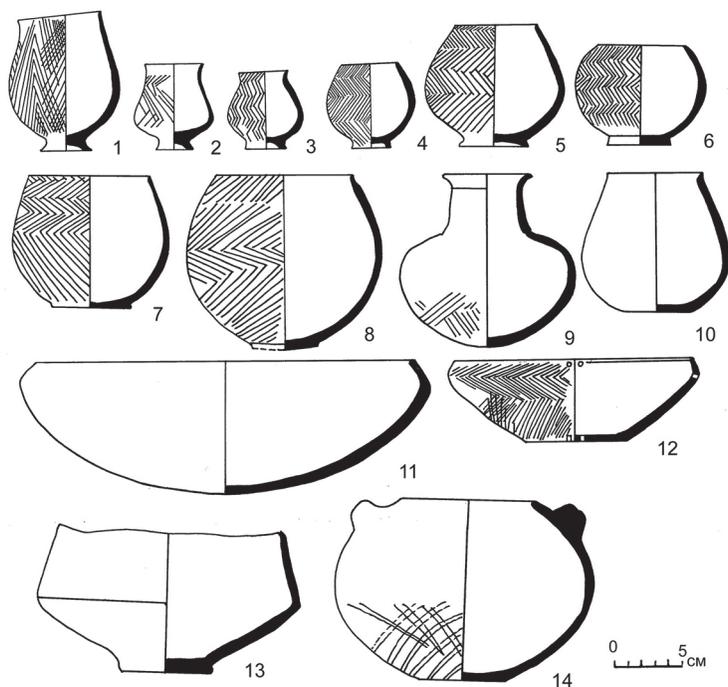
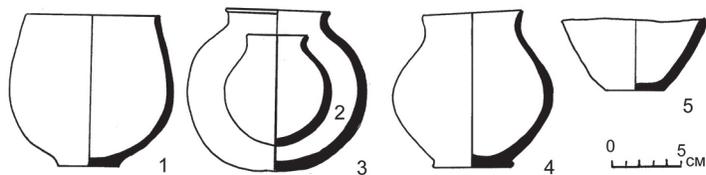

Рис. 53. Гелот. Некрополь. Раскопы 4, 5, 6.
Лепная столовая вахиская керамика.

Кухонная керамика

*Рис. 54. Гелот. Некрополь. Раскопы 4, 5, 6.
Лепная кухонная вахиская керамика.*

Иллюстрации

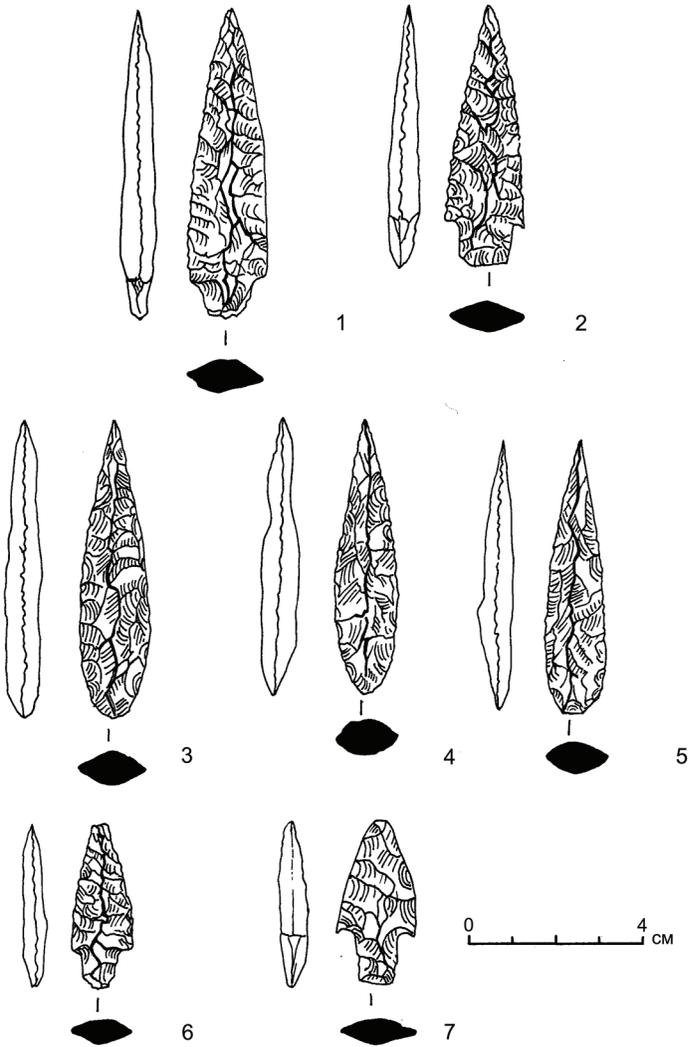

Рис. 55. Гелот. Каменные стрелы. Случайные находки.

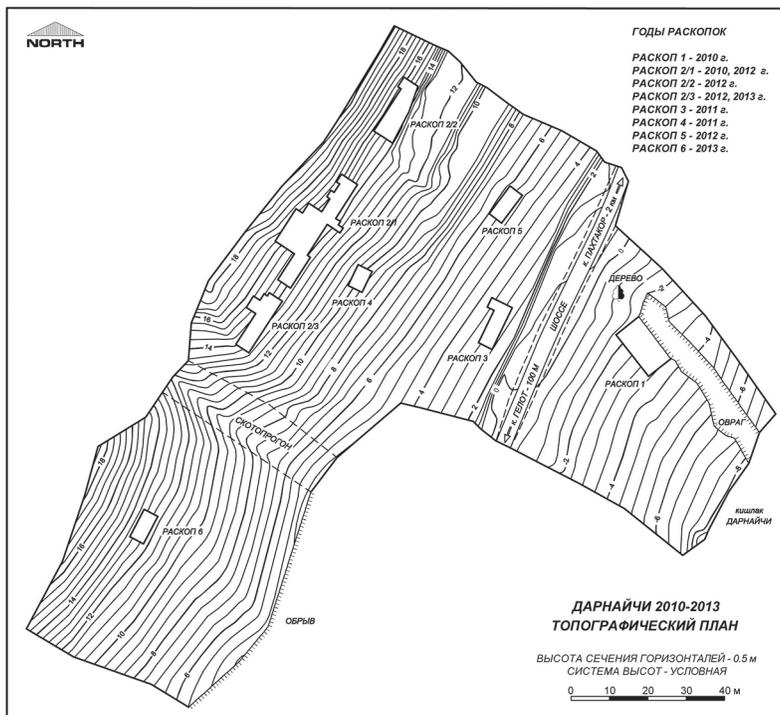

Рис. 56. Дарнайчи. Раскопы 1–6.
 Топографический план.

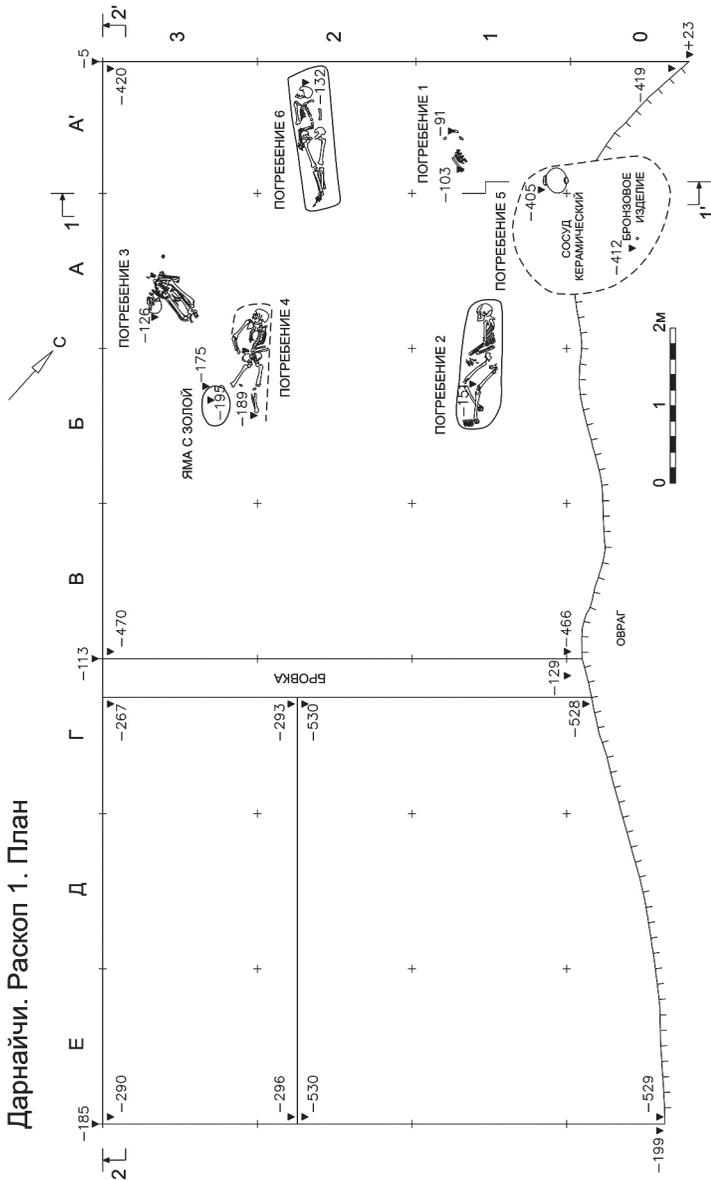

Рис. 57. Дарнайчи. Раскоп 1. План раскопа.

Дарнайчи. Раскоп 1. Стратиграфические разрезы

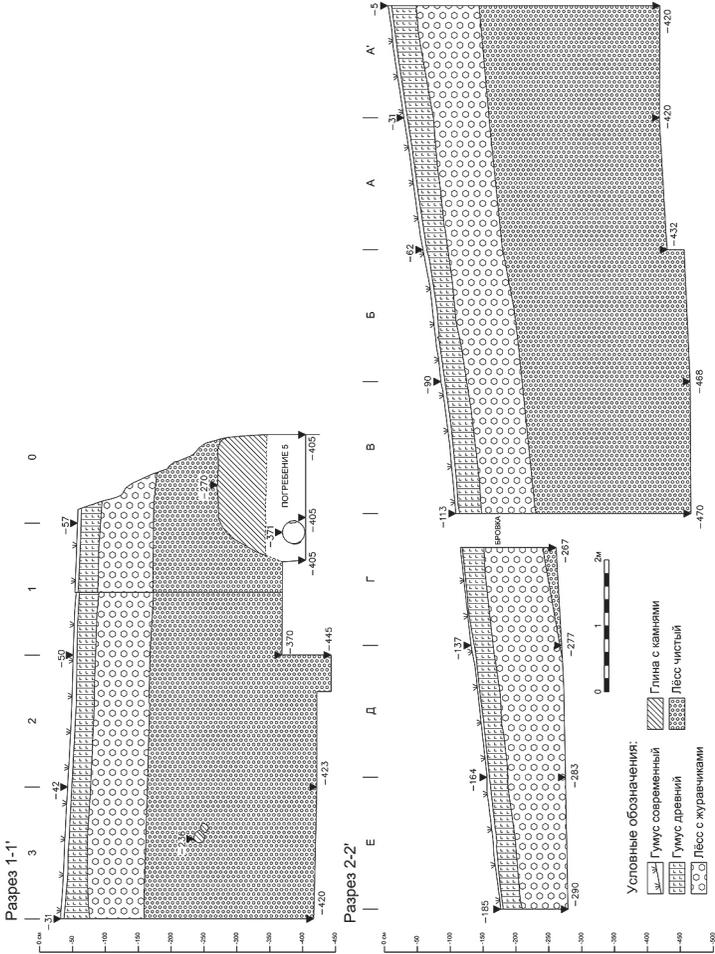
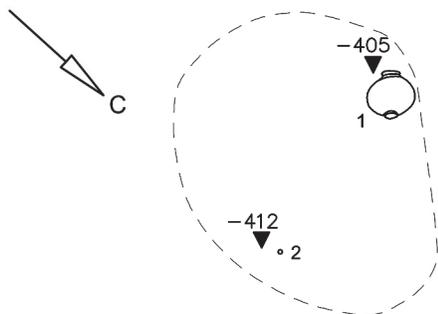

Рис. 58. Дарнайчи. Раскоп 1. Стратиграфические разрезы.

Дарнайчи
Раскоп 1 погребение 5

НАХОДКИ:
1 - СОСУД КЕРАМИЧЕСКИЙ
2 - ИЗДЕЛИЕ БРОНЗОВОЕ

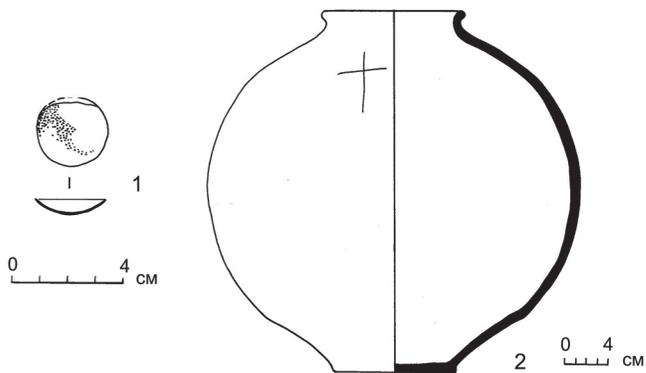

Рис. 59. Дарнайчи. Раскоп 1, погребение 1. План. Погребальный инвентарь: 1 — бронзовая бляшка; 2 — керамика.

Дарнайчи
п/м

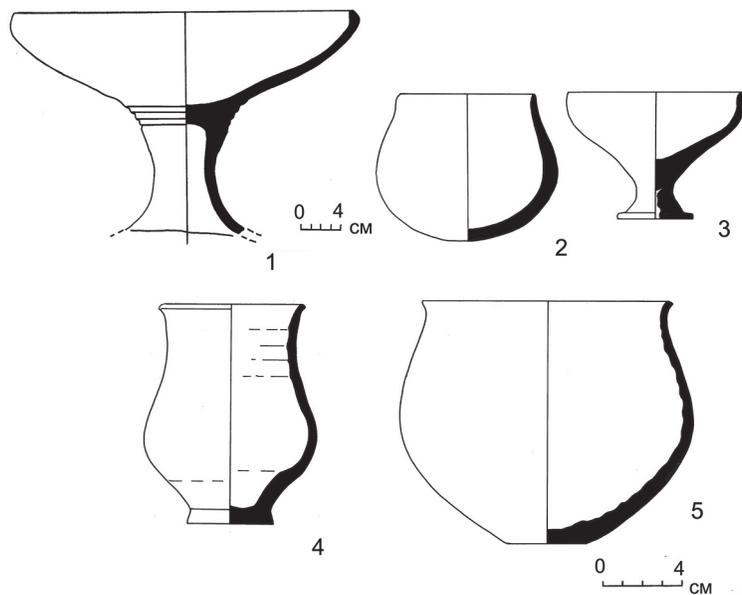

Рис. 60. Дарнайчи. Раскоп 1. Подземный материал: 1–5 — керамика.

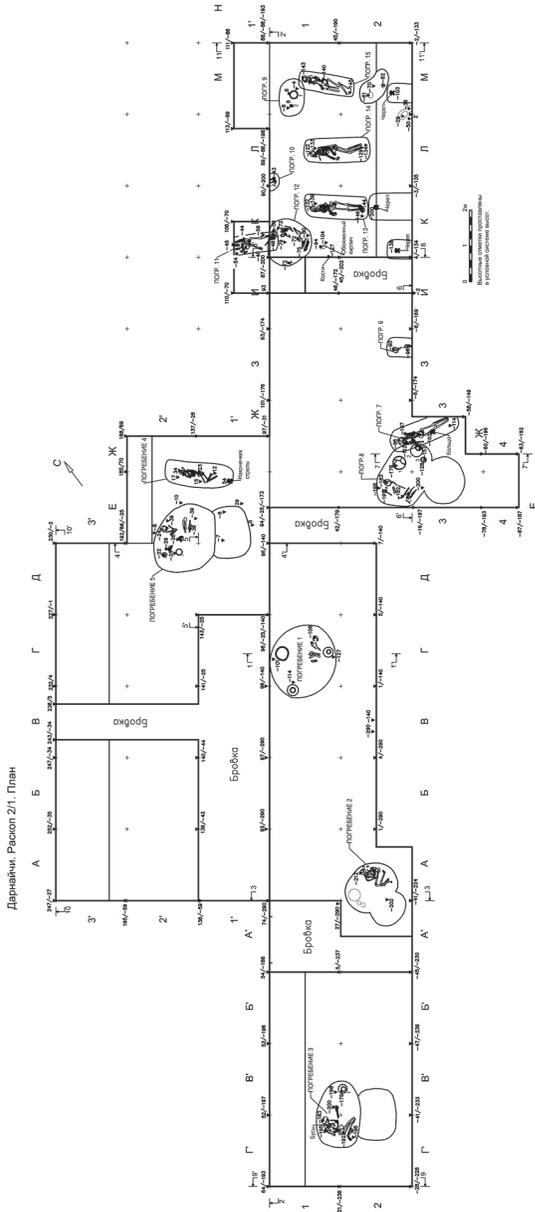

Рис. 61. Дарнайчи. Раскоп 2/1. План раскопа.

Дарнайчи. Раскоп 2/3. План

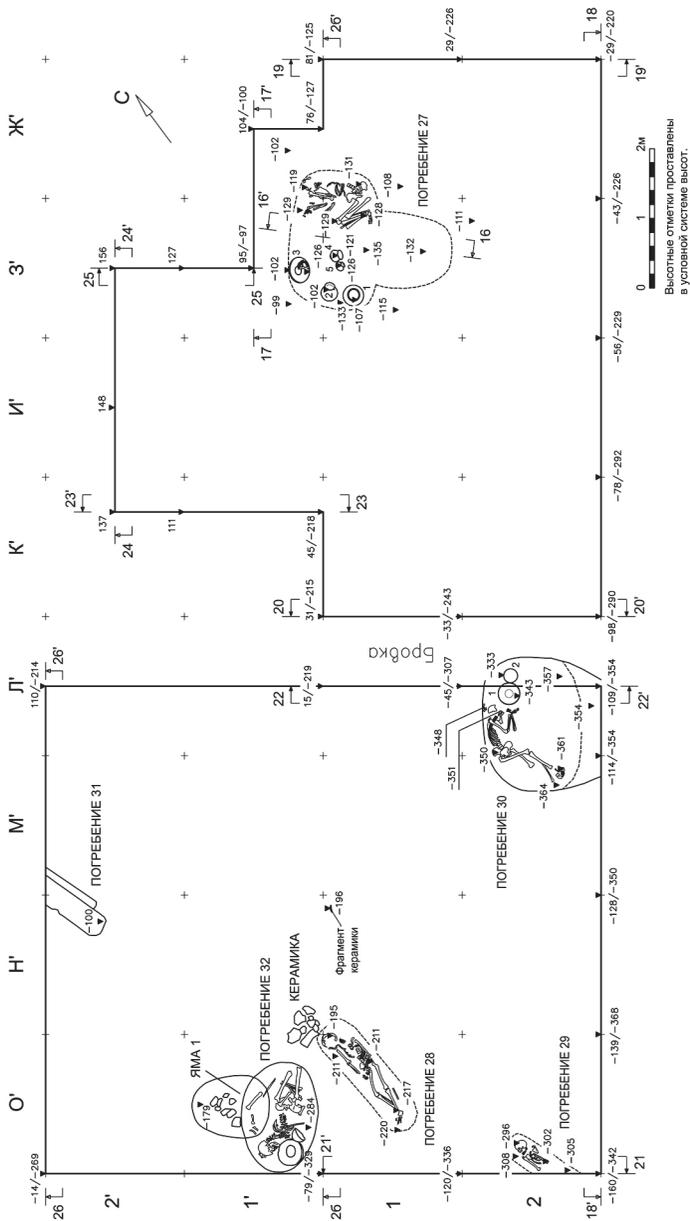

Рис. 63. Дарнайчи. Раскоп 2/3. План раскопа.

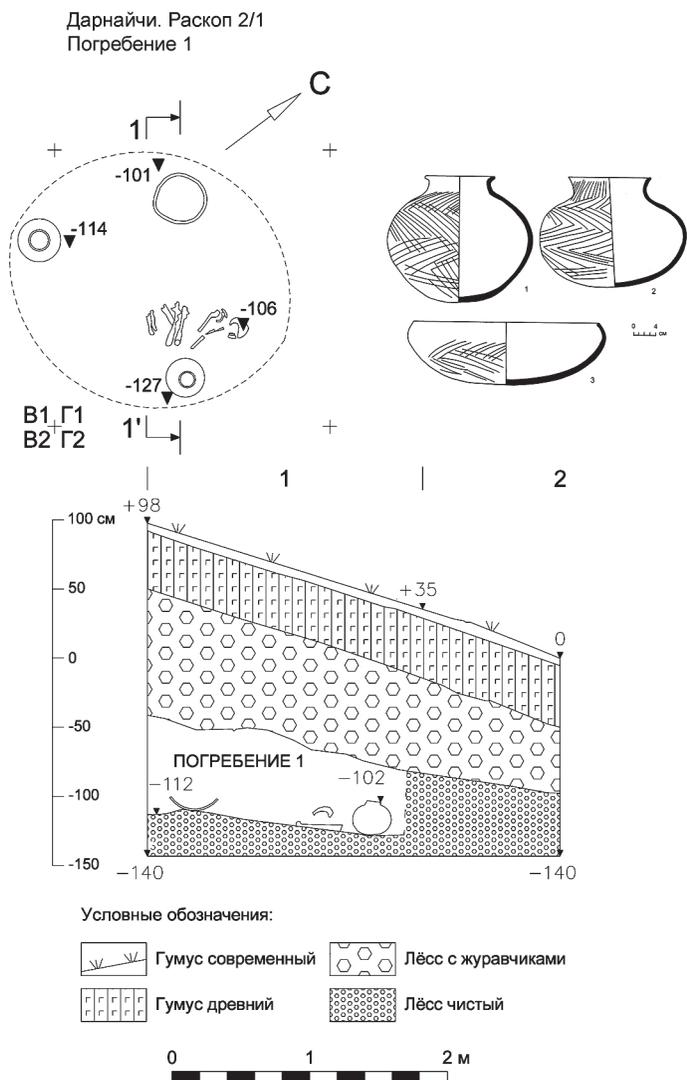

Рис. 64. Дарнайчи. Раскоп 2/1, погребение 1. План и разрез.
Погребальный инвентарь: 1–3 — керамика.

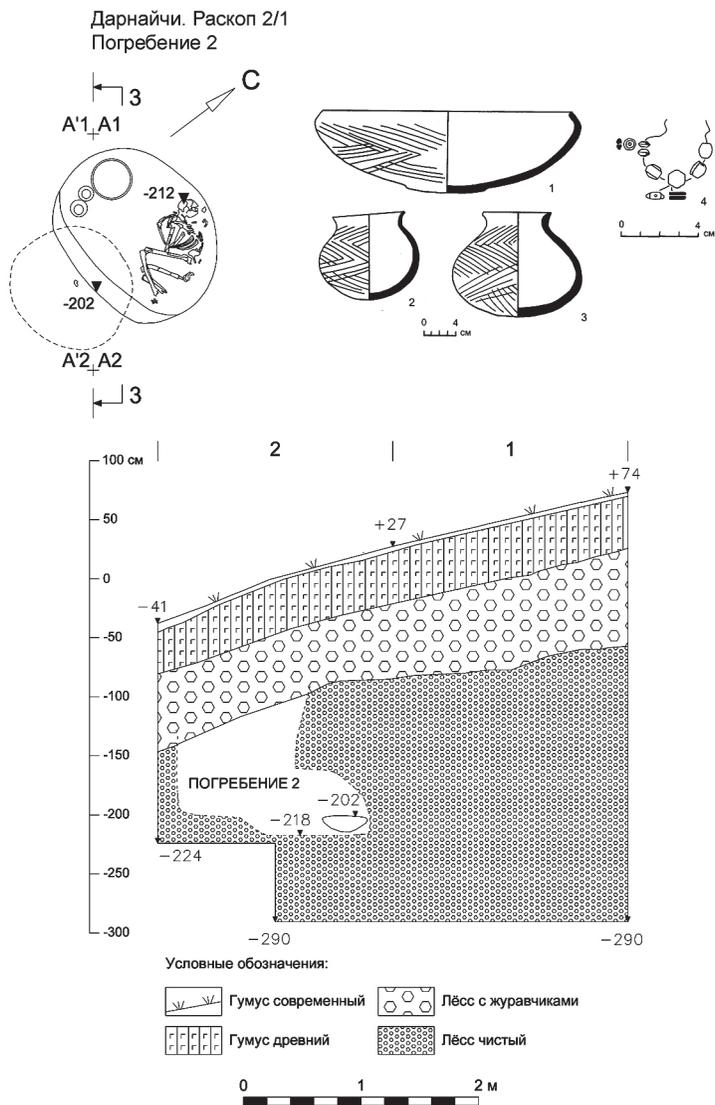

Рис. 65. Дарнайчи. Раскоп 2/1, погребение 2. План и разрез.
Погребальный инвентарь: 1–3 — керамика; 4 — бусины лазуритовые.

Дарнайчи. Раскоп 2/1
Погребение 3

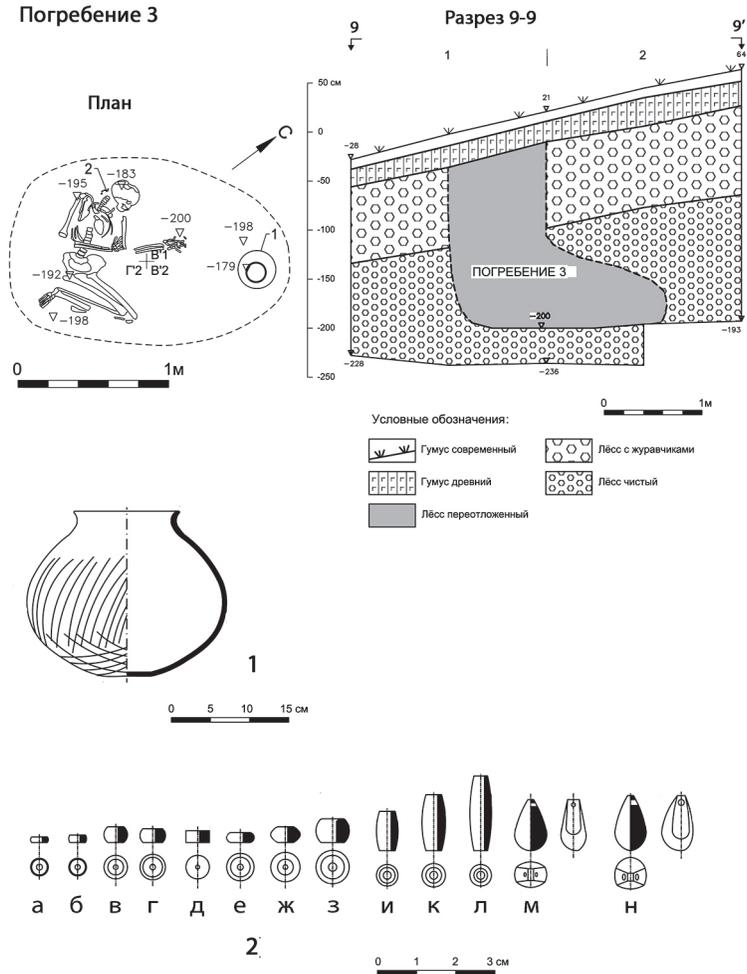

Рис. 66. Дарнайчи. Раскоп 2/1, погребение 3. План и разрез. Погребальный инвентарь: 1 — керамика; 2 — бусины лазуритовые и пастовые.

Дарнайчи. Раскоп 2/1
Погребение 5

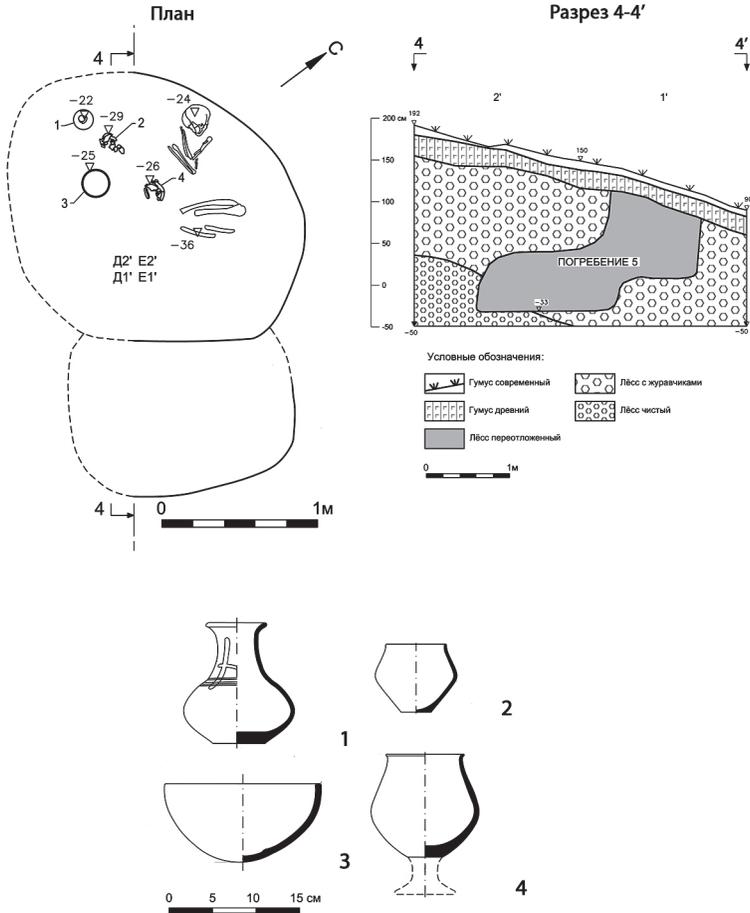
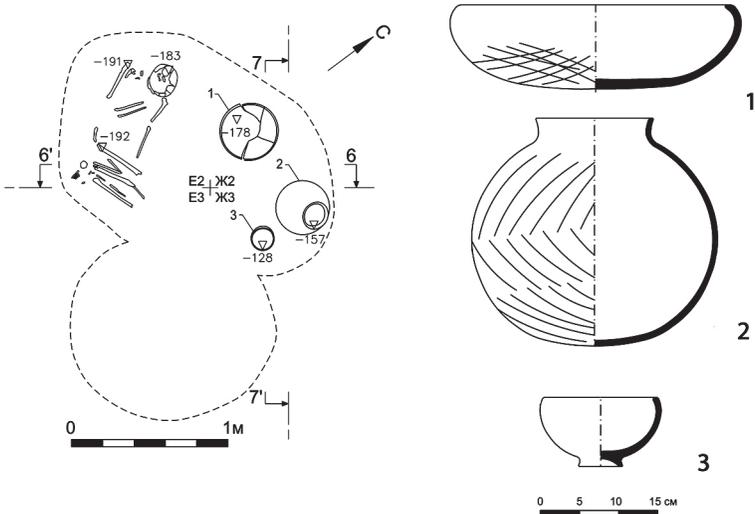

Рис. 67. Дарнайчи. Раскоп 2/1, погребение 5. План и разрез.
Погребальный инвентарь: 1-4 — керамика.

Дарнайчи. Раскоп 2/1
Погребение 8

План

Условные обозначения:

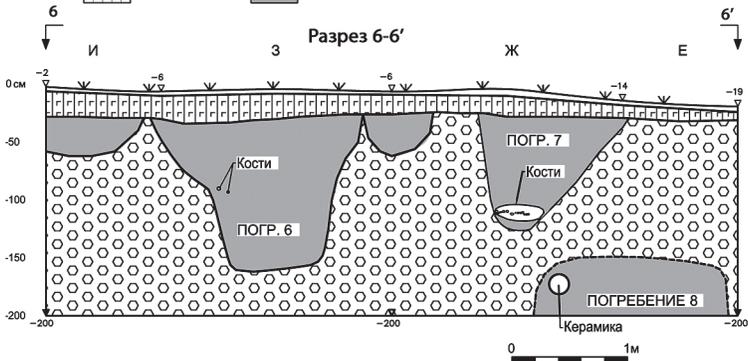
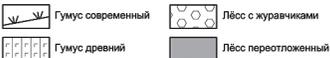

Рис. 68. Дарнайчи. Раскоп 2/1, погребение 8. План и разрез.
Погребальный инвентарь: 1-3 — керамика.

Дарнайчи. Раскоп 2/1
Погребение 9

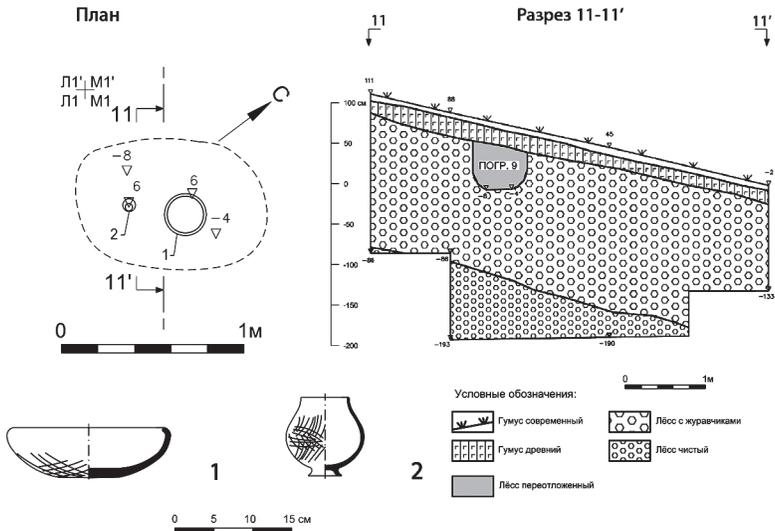

Рис. 69. Дарнайчи. Раскоп 2/1, погребение 9. План и разрез.
Погребальный инвентарь: 1, 2 — керамика.

Дарнайчи. Раскоп 2/1
Погребения 11-12

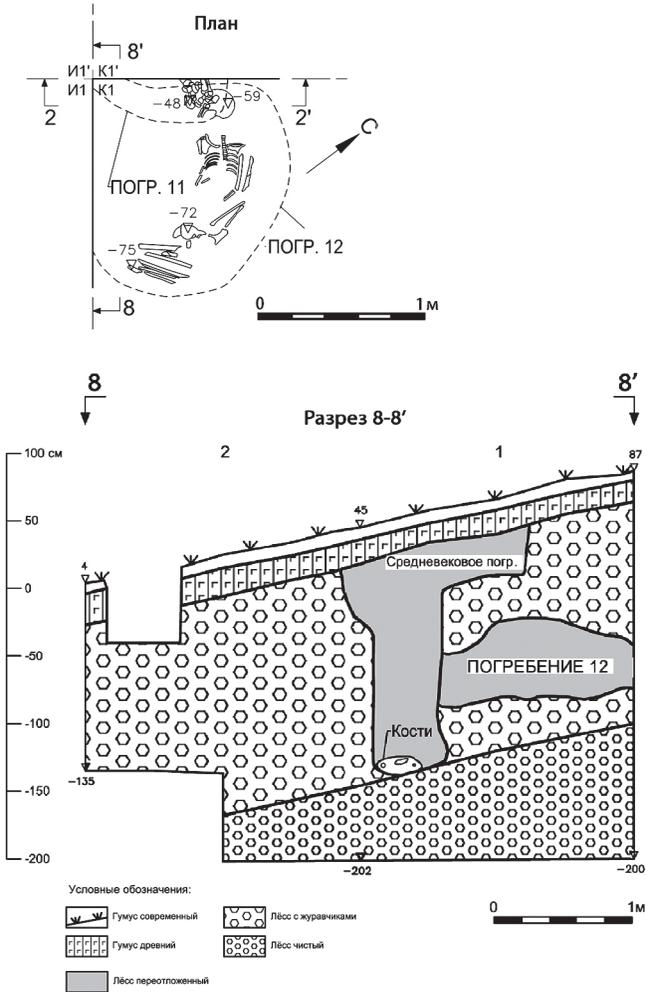

Рис. 70. Дарнайчи. Раскоп 2/1, погребения 11, 12. План и разрез.

Дарнайчи. Раскоп 2/2
Погребение 20

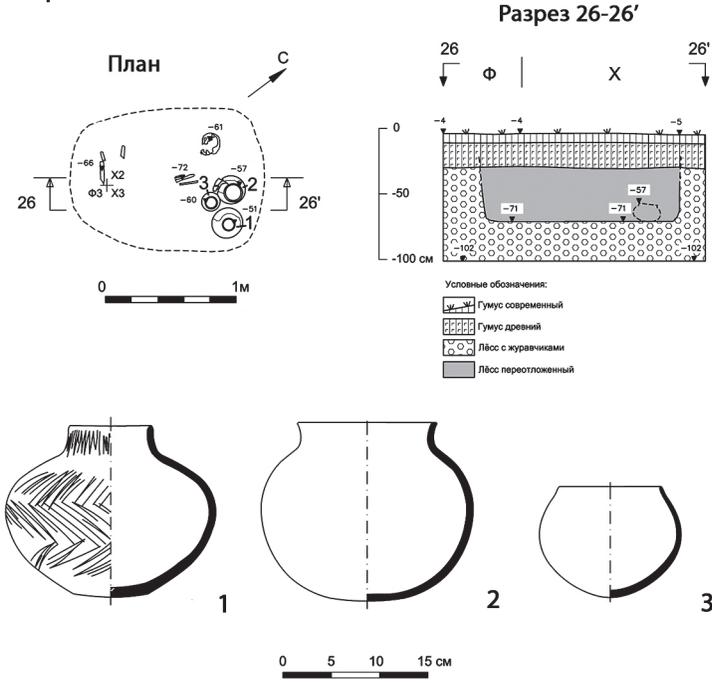

Рис. 71. Дарнайчи. Раскоп 2/2, погребение 20. План и разрез.
Погребальный инвентарь: 1–3 — керамика.

Дарнайчи. Раскоп 2/2
Погребение 21

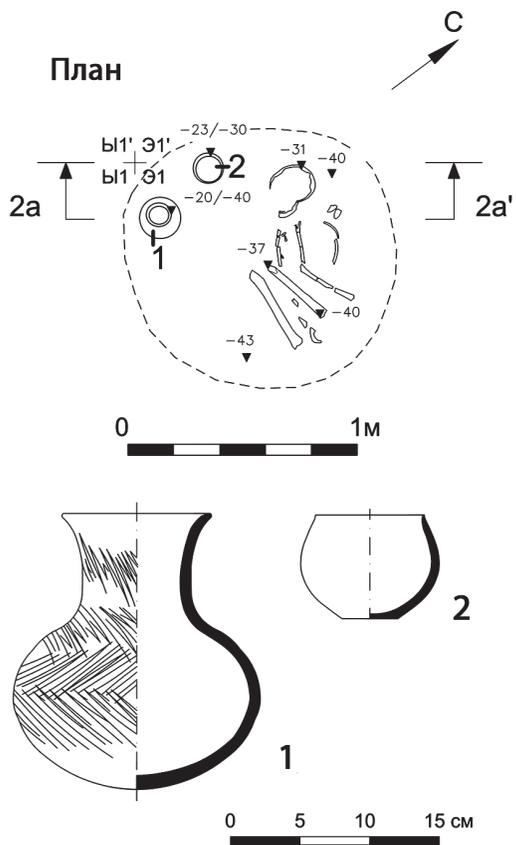
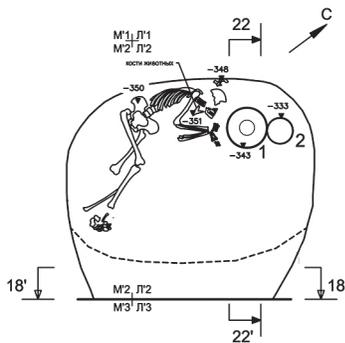

Рис. 72. Дарнайчи. Раскоп 2/2, погребение 21. План и разрез.
Погребальный инвентарь: 1, 2 — керамика.

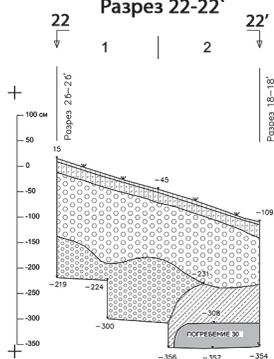

Дарнайчи. Раскоп 2/3
Погребение 30

План

Разрез 22-22'

Условные обозначения:

	Гумус современный		Лёсс с журавчиками
	Гумус древний		Лёсс чистый
	Лёсс мешанный		Лёсс перетолженный

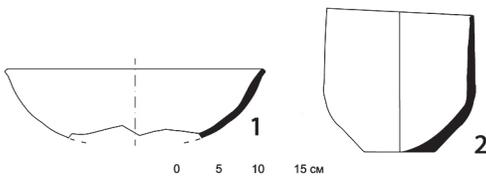
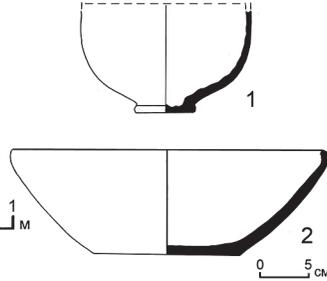
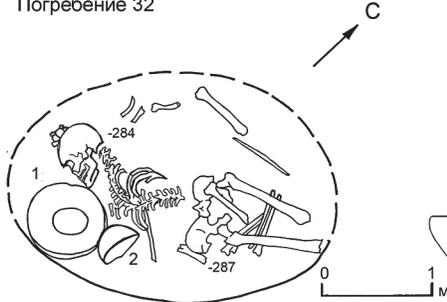

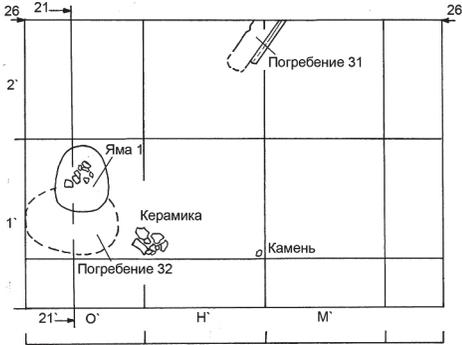
Рис. 74. Дарнайчи. Раскоп 2/3, погребение 30. План и разрез.
Погребальный инвентарь: 1, 2 — керамика.

Иллюстрации

Дарнайчи. Раскоп 2/3
Погребение 32

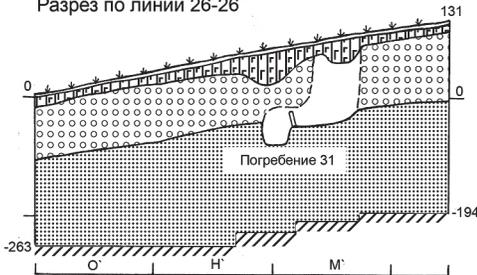
План погребений 31-32

Условные обозначения:

- уровень дневной поверхности
- гумусный слой
- лёсс с журавчиками
- лёсс
- пятно плотного лёсса

Разрез по линии 26-26'

Разрез по линии 21-21'

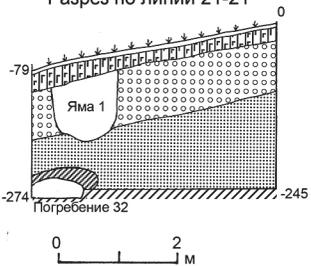

Рис. 75. Дарнайчи. Раскоп 2/3, погребение 32. План и разрезы.
Погребальный инвентарь: 1, 2 — керамика.

Дарнайчи. Раскоп 6
Погребение 1

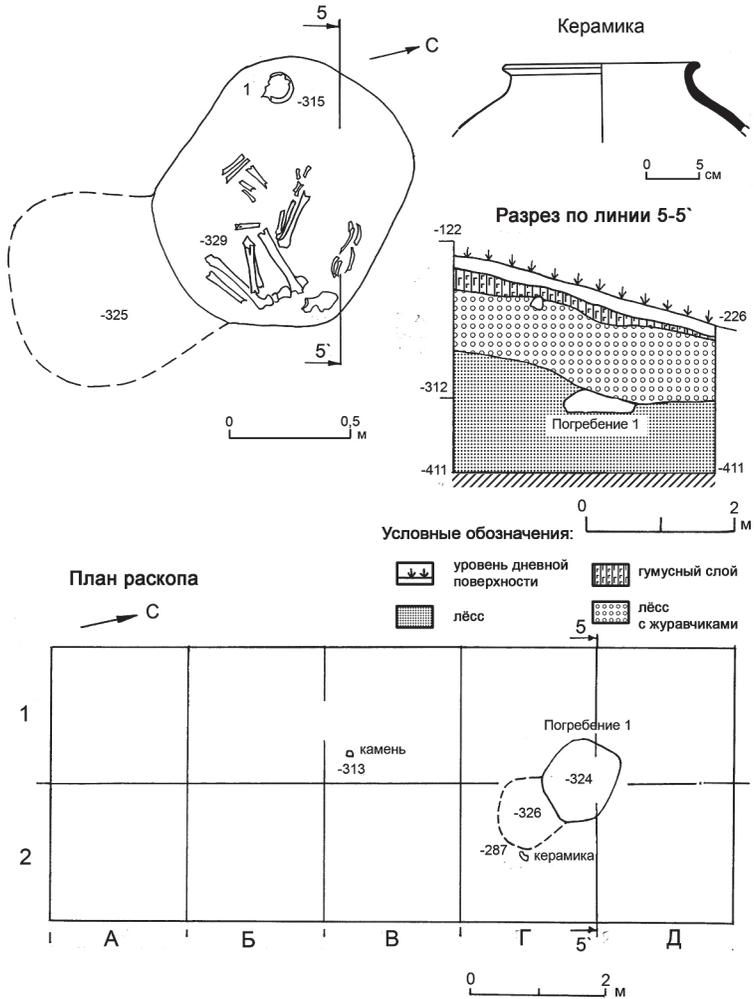

Рис. 76. Дарнайчи. Раскоп 6, погребение 1. План и разрез.

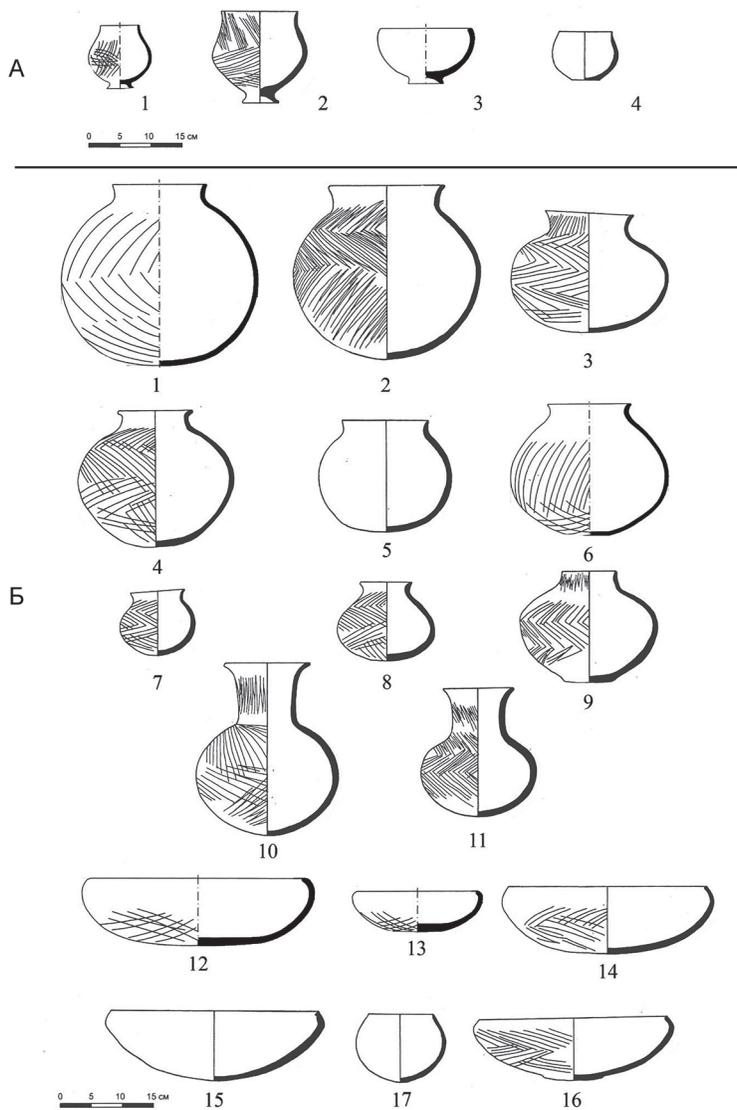

Рис. 77. Дарнайчи. Керамика вахиской культуры: А — формы гончарной керамики; Б — формы лепной керамики.

ЛИТЕРАТУРА

- Азизи 1992 — *Азизи М.* Мухтасари таърихи хотлон. Кӯлоб, 1992.
- Аванесова, Джуракулова 2008 — *Аванесова Н.А., Джуракулова Д.М.* Древние номады Зеравшана // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд, 2008. С. 13–33.
- Алѣкшин 1973 — *Алѣкшин В.А.* Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении // СА. № 4. 1973. С. 238–242.
- Алѣкшин 1975 — *Алѣкшин В.А.* Сапаллитепа // Общественные науки в Узбекистане. № 2. Ташкент, 1975. С. 49–51.
- Алѣкшин 1980 — *Алѣкшин В.А.* К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы (по материалам захоронений) // КСИА. Вып. 161. 1980. С. 24–31.
- Алѣкшин 1986 — *Алѣкшин В.А.* Проблема происхождения археологических культур неолита — бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов) // Информационный бюллетень МАИКЦА. № 11. М., 1986. С. 96–103.
- Алѣкшин 1989 — *Алѣкшин В.А.* Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит — эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 150–157.
- Алѣкшин 2010 — *Алѣкшин В.А.* О функциональном назначении терракотовых «реликвариев» Алтын-депе // ЗИИМК. № 5. 2010. С. 105–116.
- Антонова 2001 — *Антонова Е.В.* Заметки об одной из культур эпохи бронзы Центральной Азии — «цивилизации Окса» // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. Очерки, исследования, разработки. М., 2001. С. 9–34.
- Антонова 2009 — *Антонова Е.В.* К проблеме формирования Бактрийско-Маргианского археологического комплекса // КСИА. Вып. 223. 2009. С. 202–223.

Антонова 2014 — *Антонова Е.В.* Бактрийско-Маргианский археологический комплекс: свидетельства взаимосвязей в западном направлении // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии.

Сборник статей к 90-летию и памяти Н.Я. Мерперта. М., 2014. С. 311–319.

Аскарлов 1973 — *Аскарлов А.А.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973.

Аскарлов 1977 — *Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Аскарлов 1981 — *Аскарлов А.А.* К передатировке культуры Заманбаба // Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981. С. 99–110.

Аскарлов 1989 — *Аскарлов А.А.* Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата. С. 158–166.

Аскарлов, Абдуллаев 1983 — *Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан. Ташкент, 1983.

Аскарлов, Ширинов 1993. — *Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.

Бобомуллоев и др. 2014 — *Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б.* Некрополь Фархор — новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана // Известия Академии Наук Республики Таджикистан. Отделение общественных Наук. № 3 (235). Душанбе, 2014. С. 39–47.

Бобомуллоев и др. 2015 — *Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б.* Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // ЗИИМК. № 5. 2015. С. 47–66.

Бобомуллоев и др. 2015а — *Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б.* Результаты исследований могильника Фархор — памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 года. // Муарих историк. № 4. Душанбе, 2015. С. 73–98.

Бобомуллоев и др. 2017 — *Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б.* Кангурттут 2 — новый памятник эпохи средней бронзы на юге Таджикистана // Кангурттут. Материалы археологической экспедиции 2015–2016 гг. Вып. 1. Душанбе, 2017.

Виноградова 1986 — *Виноградова Н.М.* Работы отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАЭ весной 1979 г. // АРТ. Вып. XIX. 1986. С. 77–85.

Виноградова 1991 — *Виноградова Н.М.* Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 18. М., 1991. С. 68–88.

Виноградова 1996 — *Виноградова Н.М.* Первое поселение бешкентско-вахшской культуры на юге Таджикистана // Древность: историческое значение и специфика источника. Тезисы докладов конференции, посвященной памяти Э.Р. Грантовского. М., 1996. С. 32–34.

Виноградова 2001 — *Виноградова Н.М.* Поселение эпохи бронзы — Ташгузор в Южном Таджикистане // Древние цивилизации. История и культура. М., 2001. С. 142–168.

Виноградова 2004 — *Виноградова Н.М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.

Виноградова 2011 — *Виноградова Н.М.* Памятники эпохи средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане // ВДИ. № 4. 2011. С. 84–98.

Виноградова, Пьянкова 1990 — *Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т.* Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 17. М., 1990. С. 98–112.

Виноградова и др. 2003 — *Виноградова Н.М., Гётцельт Т., Пьянкова Л.Т.* Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу (Южный Таджикистан) // РА. № 1. 2003. С. 103–115.

Виноградова, Ранов, Филимонова 2008 — *Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г.* Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). М., 2008.

Виноградова и др. 2009 — *Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д.* Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 г. // АРТ. Вып. XXXIII. 2009. С. 35–66.

Виноградова и др. 2010 — *Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д.* Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы на могильнике Гелот в 2008 году // АРТ. Вып. XXXIV. 2010. С. 105–143.

Виноградова и др. 2010а — *Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Тойфер М.* Погребения эпохи бронзы в окрестностях кишлака Гелот на юге Таджикистана // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди. СПб., 2010. С. 389–411.

Виноградова и др. 2012 — *Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д., Тойфер М.* Археологические исследования могильника Гелот в 2009 году // АРТ. Вып. XXXV. 2012. С. 136–166.

Виноградова и др. 2013 — *Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д., Тойфер М.* Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 году // АРТ. Вып. XXXVI. 2013. С. 91–118.

Виноградова, Бобомуллоев 2016 — *Виноградова Н.М., Бобомуллоев С.* Предварительные результаты исследований могильника Фархор — памятника эпохи бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 г. // Маргианская экспедиция. Труды. Т. 6. М., 2016. С. 534–552.

Гёрсдорф 2004 — *Гёрсдорф И.* Датировка пробы по С14 стоянок Тахти-Сангина и Люлякутал // АРТ. Вып. XXIX. 2004. С. 158–159.

Гулямов и др. 1966 — *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966.

Джуракулов, Холматов 2005 — *Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У.* Горы и равнины: культурные контакты (неолит Среднего

и Нижнего Зарафшана) // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд–Бишкек, 2005. С. 75–81.

Ионесов 1990 — *Ионесов В.И.* Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседло-земледельческом обществе Северной Бактрии. Дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1990.

Исаков 1991 — *Исаков А.И.* Саразм. Душанбе, 1991.

Кармышева 1976. — *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.

Кирчо 2005 — *Кирчо Л.Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего неолита — средней бронзы средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 347–421. (Труды ИИМК РАН. Т. XVI).

Кирчо 2007 — *Кирчо Л.Б.* Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. № 2. 2007. С. 193–208.

Кирчо 2010 — *Кирчо Л.Б.* «Реликвариум» Алтын-депе // ЗИИМК. № 5. 2010. С. 117–122.

Кирчо 2010-а — *Кирчо Л.Б.* К вопросу об экономической основе расцвета Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди. СПб., 2010. С. 38–43.

Кирчо 2014 — *Кирчо Л.Б.* Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по данным Алтын-депе, Южный Туркменистан) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб., 2014. С. 62–85.

Клочков 1995 — *Клочков И.С.* Знаки на черепке с Гонура (к вопросу о маргианской письменности) // ВДИ. № 2. 1995. С. 54–60.

Кол 2005 — *Кол Ф.Л.* Трансформация культуры от мобильных скотоводов к оседлым земледельцам (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) // РА. № 1. 2005. С. 64–71.

Коробкова 2001 — *Коробкова Г.Ф.* Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе //Осо-

бенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. С. 146–212. (Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 5).

Кузьмина 1966 — *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии М., 1966. (САИ. В4–9)

Кузьмина 1972 — *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. «Бактрийский мираж» и археологическая действительность // ВДИ. № 1. 1972. С. 131–146.

Кузьмина 1994 — *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Кутимов 2005 — *Кутимов Ю.Г.* Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // АВ. № 12. 2005. С. 188–208.

Кутимов 2008 — *Кутимов Ю.Г.* Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии // ЗИИМК. № 3. 2008. С. 159–180.

Кутимов 2017 — *Кутимов Ю.Г.* Новые археологические материалы эпохи бронзы в западной части Гиссарской долины Таджикистана // АВ. 2017. № 23. С. 115–131.

Литвинский 1961 — *Литвинский Б.А.* О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // Изв. АН Тадж. ССР. Отдел общественных наук. № 1. Душанбе, 1961. С. 59–66.

Литвинский 1964 — *Литвинский Б.А.* Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Индия в древности. М., 1964. С. 143–165.

Литвинский 1973 — *Литвинский Б.А.* Археологические работы в Таджикистане в 1962–1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы) // АРТ. Вып. X. 1973. С. 5–41.

Литвинский 1981 — *Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории

Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 154–166.

Мандельштам 1968 — *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. М.-Л., 1968. (МИА. № 145).

Мандельштам 1972 — *Мандельштам А.М.* История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. АДД. М.-Л., 1972.

Масимов 1979 — *Масимов И.С.* К вопросу об освоении низовой Мургаба древнеземледельческими племенами // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. № 2. Ашхабад, 1979. С. 72–77.

Масимов 1979а — *Масимов И.С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. № 1. 1979. С. 111–131.

Масимов 1981 — *Масимов И.С.* Новые находки печатей эпохи бронзы с низовой Мургаба // СА. № 2. 1981. С. 132–150.

Масимов 2000 — *Масимов И.С.* Истоки древнемургабской цивилизации // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы). Материалы к международной научной конференции. Ашхабад — СПб., 2000. С. 25–26.

Массон 1959 — *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.-Л., 1959. (МИА. № 73).

Массон 1966 — *Массон В.М.* Южная Туркмения в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966. С. 176–179.

Массон, 1981 — *Массон В.М.* Алтын-депе. Л., 1981. (Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Т. XVIII).

Массон 2006 — *Массон В.М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб., 2006.

Материалы 2017 — Материалы Фархорской археологической экспедиции. Вып. I. Душанбе, 2017.

Мухитдинов 1971 — *Мухитдинов Х.Ю.* Разведка в Пархарском районе в 1964 г. // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971. С. 189–198.

Окладников 1958 — *Окладников А.П.* Исследование памятников каменного века Таджикистана (предварительное сообщение о работах 1948, 1952–1954 гг.) // МИА. № 66. М.-Л., 1958. С. 11–71.

Оппенгейм 1990 — *Оппенгейм А.* Древняя Месопотамия. М., 1990.

Пьянкова 1981 — *Пьянкова Л.Т.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 1. М., 1981. С. 35–46.

Пьянкова 1982 — *Пьянкова Л.Т.* Древние скотоводы Бактрии (о вахшской и бешкентской культурах) // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982. С.1. М., 1981. С. 41–64.

Пьянкова 1982-а — *Пьянкова Л.Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильников эпохи бронзы низовий Вахша и Кызылсу). АКД. М., 1982.

Пьянкова 1989 — *Пьянкова Л.Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе, 1989.

Пьянкова 2003 — *Пьянкова Л.Т.* Раскопки погребений вахшской культуры в могильнике Обкух (Московский район) в 2002 г. // АРТ. Вып. XXVIII. 2003. С. 194–228.

Ранов, Каримова 2005 — *Ранов В.А., Каримова Г.Р.* Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. Душанбе, 2005.

Раззоков 2008 — *Раззоков А.* Саразм (Орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). Душанбе, 2008.

Сарианиди 1974 — *Сарианиди В.И.* Бактрия в эпоху бронзы // СА. № 4. 1974. С. 49–71.

Сарианиди 1976 — *Сарианиди В.И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Вып. 1. М., 1976. С. 21–86. (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг.).

Сарианиди 1977 — *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

Сарианиди 1979 — *Сарианиди В.И.* К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография, археология Средней Азии. М., 1979. С. 23–28.

Сарианиди 1984 — *Сарианиди В.И.* Бактрия сквозь мглу веков. М., 1984.

Сарианиди 1990 — *Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

Сарианиди 1995 — *Сарианиди В.И.* Составные статуэтки Бактрии и Маргианы // ВДИ. № 1 (212). 1995. С. 75–79.

Сарианиди 2001 — *Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Сарианиди 2002 — *Сарианиди В.И.* Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.

Станкевич 1978 — *Станкевич И.Л.* Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековые народы Средней Азии. М., 1978. С. 17–31.

Терехова 1990 — *Терехова Н.Н.* Обработка металлов в Древней Маргиане // В кн.: В.И. Сарианиди. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990. С.177–202.

Тойфер 2014 — *Тойфер М.* Результаты раскопок на памятниках Сариджар 2 и Карим Берды в Южном Таджикистане. // АРТ. Вып. XXXVII. 2014. С. 120–179.

Тойфер, Филимонова 2012 — *Тойфер М., Филимонова Т.Г.* Археологические исследования в Гелоте, Учкуне и Кудуке в 2009 году // АРТ. Вып. XXXV. 2012. С. 182–226.

Тойфер М. и др. 2014 — *Тойфер М., Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г.* К вопросу об абсолютной датировке погребений бронзового века с некрополей Гелот и Дарнайчи // АРТ. Вып. XXXVII. 2014. С. 110–119.

Удеумурадов 1993 — *Удеумурадов Б.Н.* Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашхабад, 1993.

Филимонова, Ахметзянов 2012 — *Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р.* Поисковые работы по составлению археологической карты Дангаринского района в 2009 году // АРТ. Вып. XXXV. 2012. С. 182–226.

Франкфор 1997 — *Франкфор А.-П.* Печати Окса: разнообразие форм и изменяемость функций // ВДИ. № 4. 1997. С. 60–68.

Хлопин 1983 — *Хлопин И.Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983.

Хлопин 1988 — *Хлопин И.Н.* О происхождении культур эпохи бронзы южных районов Средней Азии // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 15. М., 1988. С. 60–69.

Хлопин 2002 — *Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.

Хлопина 1978 — *Хлопина Л.И.* Намазга-тепе и эпоха поздней бронзы южной Туркмении. АКД. Л., 1978.

Ходжайов и др. 2011 — *Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И., Ходжайова Г.К.* Палеоантропология юга Средней Азии эпохи энеолита и бронзы. М., 2011.

Ширинов 1993 — *Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. АДД. М., 1993.

ЭТССР 1974 — Энциклопедия. Таджикская Советская Социалистическая Республика. Душанбе, 1974.

Юсупов 1991 — *Юсупов А.Х.* Археологические исследования Байпазинского и Вахшского археологического отрядов в 1983 г. // АРТ. Вып. XXIII. 1991. С. 151–164.

Якубов, Довутов, Филимонова 2004 — *Якубов Ю.Я., Довутов Д.Д., Филимонова Т.Г.* Археологические раскопки в г. Кулябе и на прилегающих территориях в 2001–2003 гг. // АРТ. Вып. XXIX. 2004. С. 264–301.

Якубов и др. 2006 — *Якубов Ю.Я., Довутов Д.Д., Филимонова Т.* История Куляба с древнейших времен до наших дней. Душанбе, 2006.

Якубов и др. 2007 — Якубов Ю.Я., Довутов Д.Д., Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р., Сафаров Х. Археологические исследования на территории города Куляба и его пригородов в 2005 г. // АРТ. Вып. XXXI. 2007. С. 6–47.

Якубов, Курбанов 2009 — Якубов Ю., Курбанов Ш. Археологические раскопки на городище Нозкуль (Кайнар) и могильнике Гелот в 2007 г. // АРТ. Вып. XXXIII. 2009. С. 73–100.

Amiet 1977 — *Amiet P.* Bactriane proto-historique // Syria. T. 54. Fasc. 1–2. 1977. P. 89–121.

Amiet 1986 — *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris, 1986.

Amiet 1990 — *Amiet P.* Antiquities of Bactria and Outer Iran in the Louvre Collection // G.Ligabue, S.Salvatori (изд.). Bactria: An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Venice, 1988. P. 127–152.

Baghestani 1997 — *Baghestani S.* Metallene Compartmentessiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China. (Archäologie in Iran und Turan. B. 1. 1997).

Basmachi 1975–1976 — *Basmachi F.* Treasures of the Iraq Museum. Baghdad, 1975–1976.

Bobomulloev et all 2017 — *Bobomulloev S., Vinogradova N., Bobomulloev B.* (with contributions, by M. Teufer and G. Lombardo). Preliminary results of research of the Burial Ground of Farkhor, the Middle Bronze Age Monument in the South of Tadjikistan / Материалы Фархорской экспедиции. Вып. I. Душанбе, 2017. P. 78–127.

Braun-Holzinger 1977 — *Braun-Holzinger E.A.* Frühdynastische Beterstatuetten. Berlin, 1977.

Casanova 1991 — *Casanova M.* La vaisselle d'albâtre de Mésopotamie, d'Iran et d'Asie Centrale aux IIIe et IIe millénaires avant J.-C. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1991. (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. IV).

Casanova 1994 — *Casanova M.* Lapis luzuli beads in Susa and Central Asia: a preliminary study // SAA 1993. Vol. 1. Helsinki, 1994. P. 137–145.

Casal 1961 — *Casal, J.M.* Fouilles de Mundigak. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 17/1–2. Paris, 1961.

Durrani 1988 — *Durrani F.A.* Excavations in the Gomal Valley: Rehman Dheri excavations, report № 1 (Ancient Pakistan. № 6. Peshawar, 1988).

Francfort 1981 — *Francfort H.-P.* The Late Periods of Shortughai and the Problem of the Bishkent Culture (Middle and Late Bronze Age in Bactria) // SAA 1979. Berlin, 1981. P. 191–202.

Francfort 1984 — *Francfort H.-P.* The Early Periods of Shortughai (Harappan) and the Western Bactrian Culture of Dashly // SAA 1981. Cambridge, 1984. P. 170–175.

Francfort 1989 — *Francfort H.-P.* Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Paris: Diffusion de Boccard, 1989. Vol. I. (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. II).

Hakemi 1997 — *Hakemi A.* Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome: IsMEO, 1997. (Instituto italiano per il medio ed estremo oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Vol. 27).

Hakemi, Sajjadi 1989 — *Hakemi A., Sajjadi S.* Shahdad excavations in the context of the oases civilization // G. Ligabue, S. Salvatori (изд.). Bactria: An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Venice, 1988. P. 141–156.

Kaniuth 2006 — *Kaniuth Kai.* Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien. Mainz, 2006. (Archäologie in Iran und Turan, B. 6).

Kaniuth, Teufer 2001 — *Kaniuth K., Teufer M.* Zur Sequenz des Gräberfelds von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien // AMIT. B. 33. 2011. S. 89–113.

Kaniuth et al 2006 — *Kaniuth K., Teufer M., Vinogradova N.* Neue bronzezeitliche Funde aus Südwest Tadžikistan // AMIT. B. 38. 2006. S. 81–102.

Kohl 1981 — *Kohl Ph.L.* The Namazga Civilization: an Overview. — The Bronze Age Civilization of Central Asia : Recent Soviet Discoveries. New-York, 1981. P. VII–XXXX.

Lombardo et al 2011 — *Lombardo G., Teufer M., Vinogradova N.* Some considerations about the statuette from Burial 2 at Gelot (South Tadjikistan) // *Indo-Iranica et Orientalia*. Vol. I. Milano, 2011. P. 139–158.

Lyonnet 1996 — *Lyonnet B.* Sarazm (Tadjikistan) Céramiques. Paris, 1996. (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. Vol. 7).

Masson 1988 — *Masson V.M.* The Proto-Bactrian group of the civilization in the Ancient East // *Antiquity*. Vol. 62. Issue 236. 1988. P. 536–541.

Muscarella 1993 — *Muscarella O.W.* Intercultural Style «Weights» // *Bulletin of the Asia Institute*. New Series. 1993. Vol. 7. P. 143–153.

Parzinger 2003 — *Parzinger H.* Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Sogdiens. In: H. Parzinger, N. Boroffka. Das Zinn in der Bronzezeit in Mitteleasien I. Die Siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten // *Archäologie in Iran und Turan*. Mainz, 2003. S. 287–296.

Pjankova 1985 — *Pjankova L.* Les particularités de l'évolution historique du Tadjikistan méridional à l'Âge du Bronze // *L'archéologie de la Bactriane ancienne*. Paris, 1985. P. 147–155.

Pjankova 1986 — *Pjankova L.* Jüngbronzezeitliche Gräberfelder im Vachs-Tal, Süd-Tadjikistan. München, 1986.

P'yankova 1994 — *P'yankova L.* Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // *Antiquity*. Vol. 68. Issue 258. 1994. P. 33–67.

Pyankova 1996 — *Pyankova L.* The settlement of Karymberdy (IX–VIII s. BC) in the South of Tadjikistan // IASCCA. Information Bulletin. Issue 20. Moscow, 1996. P. 195–210.

P'jankova et al 2009 — *P'jankova L.T., Litvinskij B.A., Bobomulloev S., Kaniuth K., Teufer M.* Das bronzezeitliche Gräberfeld von Makonimor, Tadžikistan // AMIT. B. 41. 2009. P. 97–140.

Pottier 1984 — *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'âge du bronze. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. (Mémoire № 36).

Sajjadi 2003 — *Sajjadi S.M.S.* Exavations at Shahr-i-Sokhta. First Preliminary Report of the Exavations of Graveyard 1997–2000 // Iran. 2003. Vol. XLI. P. 21–97.

Salvatory 1988 — *Salvatory S.* Early Bactrian objects in private collections // G. Ligabue, S. Salvatori (изд.) An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Venice, 1988. P. 181–247.

Salvatory 2000 — *Salvatory S.* Bactria and Margiana Seals. A New Assessment of Their Chronological Position and Typological Survey // East and West. Vol. 50. № 1–4. Roma, 2000. P. 97–145.

Salvatory 2004 — *Salvatory S.* Oxus civilization cultural variability in the light of its relations with surrounding regions: the middle bronze age // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 92–101.

Sarianidi 1986 — *Sarianidi V.* Die Kunst des alten Afghanistan. Leipzig, 1986.

Sarianidi 1996 — *Sarianidi V.* The biblical Lamb and the funeral Rites of Margiana and Bactria // Mesopotamia. Vol. XXXI. 1996. P. 33–48.

Sarianidi 1998 — *Sarianidi V.* Myths of Ancient Bactria and Margiana on the Seals and Amulets. Moscow, 1998.

Sarianidi 2007 — *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. Athens, 2007.

Schmidt 1933 — *Schmidt E.F.* Tepe Hissan Excavation 1931 // Museum Journal, XXIII, 4. Philadelphia, 1933. P. 316–483.

Schmidt 1937 — *Schmidt E.F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania Press, 1937. (Publications of the Iranian Section of the University Museum).

Širinov 2002 — *Širinov N.S.* Die frühurbane Kultur der Bronzezeit im südlichen Mittelasien. Die vorgeschichtliche Siedlung Džarkutan // AMIT. B. 34. 2002. S. 1–170.

Širinov, Baratov 1997 — *Širinov T., Baratov S.* Bronzezeitliche Grabstätten aus der Nekropole Dzarkutan 4 C (Süd-Uzbekistan) // AMIT. B. 29. 1997. S. 65–120.

Teufer 2003 — *Teufer M.* Kulturkontakte zwischen Sogdien und Baktria am Beginn der Spät-bronzezeit. Dargestellt am Grab von Zardča Chalifa // Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. B. 24. 2003. S. 121–140.

Teufer, 2010 — *Teufer M.* Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Fundplätze in der Kuljabregion (Tadžikistan) // Archäologischer Anzeiger 2010/1. Beiheft Jahresbericht 2009. Berlin, 2010. S. 380–382.

Vidale, Micheli, 2012 — *Vidale M., Micheli R.* The Function of a Chlorite Hand-Bag of the Halil Rud Civilization as Inferred from its Wear Traces // Iranian Journal of Archaeological Studies. 2012. Vol. 2. Issue 2. P. 1–11.

Vinogradova 1999 — *Vinogradova N.* Die spätbronzezeitliche Siedlung Tašguzor in Südtadžikistan // AMIT. B. 31. 1999. S. 33–48.

Vinogradova 2001 — *Vinogradova N.* Südtadžikistan in der Spätbronze — und Früheisenzeit // Migration und Kulturtransfer. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999. Bonn, 2001. S. 199–219.

Vinogradova 2013 — *Vinogradova N.* Will the Monuments of the Middle Bronze Age be discovered on the Territory of Southern Tadjikistan? // SAA 2007. Vol. 1. Ravenna, 2013. P. 281–283.

Vinogradova 2015 — *Vinogradova N.M.* Preliminary results of the excavations at the Necropolis of Farkhor, a middle Bronze Age in Southern Tadjikistan // Routes de l’Orient. Revue d’archéologie de l’Orient ancien. № 2. Paris, 2015. P. 21–27.

Winkelman 1997 — *Winkelman S.* Gedanken zur Herkunft und Verbreitung iranischer und mittelasiatischer Gewichte // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. № 129. Berlin, 1997. S. 187–224.

Winkelman 1998 — *Winkelman S.* Bemerkungen zum Grab 18 und den Silbernadeln von Gonur depe // AMIT. B. 30. 1998. S. 1–16.

Winkelman 2004 — *Winkelman S.* Seals of the oasis from the Ligabul Collection. Il Punto. 2004.

Winkelman 2008 — *Winkelman S.* Ein baktrischer Edelmetall-Hortfund und noch einmal zur Frage der Quellen baktrischer Conpartimentsiegel // Intercultural relations between South and Southwest Asia. Oxford, 2008. P. 184–199.

Woolley 1934 — *Woolley S.L.* Ur Excavations. Volume II. The Royal Cemetery. London, 1934.

СОКРАЩЕНИЯ

АВ	—	Археологические вести. СПб.
АДД	—	Автореферат докторской диссертации.
АКД	—	Автореферат кандидатской диссертации.
АН	—	Академия наук.
АРТ	—	Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ЗИИМК	—	Записки ИИМК РАН. СПб.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии. М.
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры РАН.
ИМКУ	—	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
Л.	—	Ленинград.
М.	—	Москва.
МАИКЦА	—	Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень ЮНЕСКО. М.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
МКТ	—	Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
РА	—	Российская археология. М.
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников. М.
СПб.	—	Санкт-Петербург.
ТАЭ	—	Таджикская археологическая экспедиция.
АМІ	—	Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin.
АМІТ	—	Archaeologische Mitteilungen aus Iran and Turan. Berlin.
IASCCA	—	International Association for the Study of Cultures of Central Asia.
SAA	—	South Asian Archaeology.

SUMMARY

As a result of field researches in the south of Tajikistan, new archaeological complexes that significantly complement the overall picture of the cultural and historical development of this region of Central Asia in the Bronze Age have been found.

New materials of the middle of the 3rd — the second half of the 3rd millennium BC of the burial ground of Farkhor testify to the formation of a local variant of Bactrian culture in Eastern Bactria closely connected with the archaeological cultures of Northern Afghanistan, Northeast Iran and Southern Turkmenistan. Archaeological materials from Farkhor and Kanturtut-2 indicate the gradual spread of the Farkhor population to the interior of Tajikistan. The same type of ceramic products in Farkhor and Zamanbaba in the lower reaches of Zeravshan testifies to the very wide distribution of the agricultural population from Southern Tajikistan and Northern Afghanistan in the northern directions.

Some later, at the end of the 3rd — beginning of the 2nd millennium BC, a new archeological complex was formed in this region — the Oxus culture or the Bactrian-Margian archaeological complex. In South-West Tajikistan the Oxus culture is represented by the burial complexes of the agricultural population of burial grounds of Gelot and Darnaychi.

Analysis of the burial inventory of the Gelot and Darnaychi cemeteries allows us to conclude that the ancient population of these burial grounds has ties to the agricultural centers of the south of Central Asia (Altyn-depe, Gonur, Sapalli, Djarkutan) and Northern Afghanistan (Dashly 1, Dashly 3). At this time contacts cover a very wide territory: from the south of Tajikistan to the east of Iran and the north of Balochistan.

Artifacts from Ancient Bactria, especially toreutics and glyptics, speak of the obvious influence of Western Mesopotamian standards which probably met the cultural needs of the local Bactrian society. The discovery of a stone statuette in Gelot confirms the specific impact of Elam on the formation of the Bactrian civilization.

Archaeological excavations of burial grounds in Farkhor, Gelot and Darnaychi not only expand the area of distribution of cattle-breeding Vakhsh culture, but also allow to approach the solution of the problem of the origin of that cultural group of the population in the territory of Tajikistan. The obvious typological connections between the ceramic complexes of Farkhor and Darnaychi indicate that the process of separating the population, leading the pastoral way of life, from a sedentary environment began already in the second half of the 3rd millennium BC. Some ceramic forms from the burial ground of Farkhor (burials 2, 4 of excavation 1) and Darnaychi (burials 2, 3 of excavation 2) point out the earliest appearance of material of Vakhsh type in the south of Tajikistan. Vakhsh ceramics from the burials in Darnaychi, rare beads, their analogies in the materials of Farkhor, Gissar III and Shahdad speak of the significant antiquity of the Vakhsh burials in Darnaychi, which is also confirmed by radiocarbon dating within the last quarter of the 3rd millennium BC.

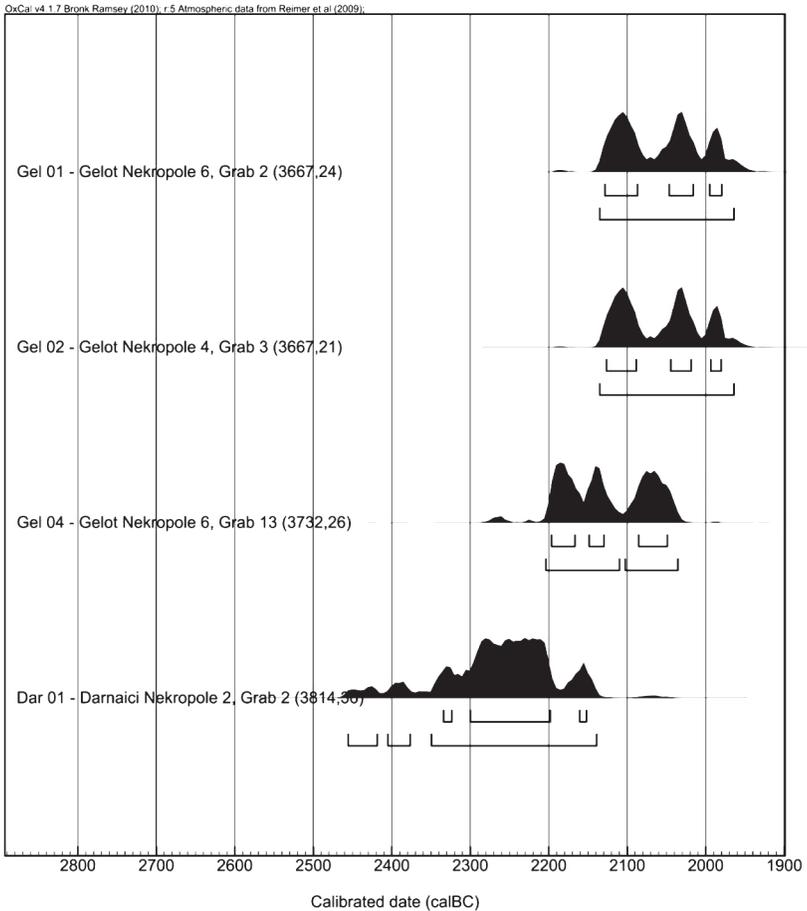
The archaeological materials from Gelot and Darnaychi testify to the close contacts of the agricultural population of Eastern Bactria with a wide range of the population of neighboring territories. As a result of these contacts new ethno-cultural groups of the population were formed and the type of farming from agricultural to cattle-breeding was changed. This is confirmed by anthropological material as well. According to the conclusion of anthropologists, the agricultural and cattle-breeding populations of Eastern Bactria are fairly homogeneous

and close to the population of the Bactrian-Margian archaeological complex.

According to the new radiocarbon dates, the absolute chronology of the Gelot and Darnaychi burial complexes can be determined within the last quarter of the 3rd millennium — beginning of the 2nd millennium BC. In the chronological system of the Middle East, these funerary monuments correlate with the cultures of the Late Akkadian period and Third Dynasty of Ur in Mesopotamia, as well as the Elam era in West Iran, Hissar III C in Northeast Iran and Shahdad (III period) in Southeast Iran.

Приложение 1

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГЕЛОТА И ДАРНАЙЧИ, ПОЛУЧЕННЫЕ В ЛАБОРАТОРИИ ТЮБИНГЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ГЕРМАНИЯ)

Приложение 1

Labornr. MAMS	Probenname	Kennung	C14 Alter	+	13C	Cal 1 sigma	Cal 2 sigma	C:N	%C	%coll
15064	Gel 01 - Gelot Nekropole 6, Grab 2	Gel 01	3667	24	-41,8	calBC 2128- 1981	calBC2135-1965	3,9	18,6	0,3
15065	Gel 02 - Gelot Nekropole 4, Grab 3	Gel 02	3667	21	-14,8	calBC 2126- 1982	calBC2134-1966	3,3	18,1	1,1
15067	Gel 04 - Gelot Nekropole 6, Grab 13	Gel 04	3732	26	-43,1	calBC 2197- 2049	calBC2203-2036	0,0	0,0	0,2
15072	Dar 01 - Darnaici Nekropole 2, Grab 2	Dar 01	3814	36	-37,8	calBC 2333- 2153	calBC2456-2140	3,4	2,5	0,2

Приложение 2

А. И. Нечвалода

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ГЕЛОТА И ДАРНАЙЧИ

В результате археологических раскопок на могильниках Гелот и Дарнайчи был получен палеоантропологический материал разного времени и культурной принадлежности.

В процессе анализа антропологического материала решались следующие задачи:

1. Определение пола и возраста погребенных (половозрастная диагностика);
2. Фиксация и дефиниция патологических изменений на костном материале;
3. Описание антропологических особенностей (расовый анализ) при удовлетворительной и хорошей сохранности материала;
4. Измерение черепа в рамках краниологического бланка ИЭА образца 1965 г., при хорошей сохранности или после проведенных необходимых реставрационных работ;
5. Измерение костей посткраниального скелета по остеометрической программе бланка ИЭА (1965г.);
6. Реставрация палеоантропологического материала (в основном черепов);
7. Фотофиксация антропологического материала на цифровую камеру;
8. Отбор необходимого антропологического материала (метакарпальные, метатарзальные кости, фаланги стопы и ки-

сти, зубы) для последующего молекулярно-генетического и одонтологического анализа;

9. Определение видовой принадлежности костей животных.

Антропологические материалы из могильников Гелота и Дарнайчи частично были опубликованы в таджикских периодических изданиях (Нечвалода 2009: 67–72; 2010: 144–149; 2012: 166–175; 2013: 119–126; 2014: 109).

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Гелот. Некрополь. Раскоп 1.

Погребение 1. Антропологический материал представлен фрагментами мозговой коробки взрослого человека, левой проксимальной фалангой II пальца. На сохранившихся фрагментах визуально фиксируется облитерация швов черепа, соответствующая возрасту *maturus I*; пол не установлен.

Погребение 2. Osteологический материал представлен двумя длинными костями с сохранившимися дистальными эпифизами. Крупная и массивная кость принадлежит молодой особи животного (визуально фиксируется линия синастозирования дистального эпифиза с диафизом). Вторая кость принадлежит взрослому животному. Osteологический материал из данного погребения идентифицируется нами (по размерам и массивности диафизов) как принадлежащий крупному рогатому скоту — корове.

Погребение 3. Osteологический материал представлен мелкими фрагментами диафизов длинных костей и предположительно фрагментами панциря среднеазиатской черепахи.

Погребение 5. Антропологический материал представлен костями посткраниума и черепа очень плохой сохранности. Удалось взять некоторые размеры на эпифизарных частях длинных костей. Череп крайне плохой сохранности. Лицевой

скелет не сохранился. Зубы верхней и нижней челюсти при расчистке и разборе костяка обнаружены не были. Визуально череп долихокраний. Степень развития сосцевидного отростка на левой височной кости — 1б, рельеф надбровья выражен слабо — 1б. Возраст *maturus I*, пол женский (?).

Погребение 6. Из могильной ямы извлечены длинные кости в сильно фрагментированном состоянии. Второй нижний моляр молодого индивида — *Adultus* (25–35 лет) (?). Пол, судя по обхватным размерам диафизов длинных костей, предположительно мужской (?).

Гелот. Некрополь. Раскоп 3.

Погребение 12. Череп взят монолитом. Визуально череп долихокраний формы. Затылок, судя по эндокрану, слабо преломленный. Швы черепа уплотнены слабо. Удалось взять некоторые размеры на сохранившихся фрагментах трубчатых костей. Пол женский. Возраст (уплотнение швов+стертость зубов) — *maturus I* (35–40 лет).

Гелот. Некрополь. Раскоп 4.

Погребение 1. Обнаружены длинные кости нижних конечностей в анатомическом порядке (бедро, кости голени), согнутые под углом 30–45 градусов. Сохранность костей плохая. Судя по размерам сохранившихся фрагментов диафизов, длинные кости могли принадлежать мужчине (?) зрелого возраста (*maturus I*).

Погребение 3. Длинные кости взрослого человека (левые бедренная, большая берцовая, правая большая берцовая) в плохом состоянии. *In situ* удалось диагностировать пол по сохранившимся фрагментам таза. Пол: женский. Возраст: *Maturus*.

Погребение 5. Расчищен череп и несколько костей ребенка. Из черепа удалось извлечь молочные зубы и закладки постоянных зубов. Пол: не определен. Возраст: 5–6 лет (infantilis I).

Погребение 6. Череп костяка плохой сохранности (сосцевидный отросток — 3 балла; надбровье — 2 балла) в мелких и средних фрагментах. Нижняя челюсть перевернута базальной частью вверх. Зубы при попытке извлечения рассыпаются. Все эпифизы синостозированы. Места прикрепления мышц и связок хорошо выражены. Размеры: левая бедренная — 405; левая плечевая — 310; левая лучевая — 235; левая локтевая — 236. Пол: мужской. Возраст: *maturus*.

Погребение 7. Посткраниальный скелет и череп плохой сохранности. Все эпифизы длинных костей синостозированы, зубы-моляры и резцы стерты незначительно. Пол: мужской. Возраст: *maturus I* (35–40 лет).

Погребение 8. Череп и посткраниальный скелет плохой сохранности. Кости таза плохой сохранности, но вырезка подвздошной кости хорошо прослеживается *in situ*. Посткраниальный скелет — грацильный. Зубы: резцы и моляры значительно стертые. Пол: мужской. Возраст: *maturus II/senilis*.

Гелот. Некрополь. Раскоп 5.

Погребение 1. Антропологический материал представлен четырьмя небольшими фрагментами мозговой коробки. Судя по состоянию швов, возраст погребенного *Adultus* (25–35 лет)? Пол: не определен.

Гелот. Некрополь. Раскоп 6.

Погребение 1. Кости свода черепа в крайне фрагментированном состоянии. Череп и посткраниальный скелет (в плохом состоянии) был изъят с частью грунта (заполнение могильной ямы). При расчистке кости крошились, не пригодны для измерений.

Пол: не определен. Возраст: Maturus (?)

Погребение 2. Посткраниальный скелет плохой сохранности. Диагностика пола погребенного индивида была облегчена сохранившимся фрагментом правой подвздошной кости, которая соответствует женскому скелету. Длинные кости сохранились в мелких фрагментах. Нам удалось получить размеры лишь на некоторых сохранившихся диафизах длинных костей. Можно отметить общую грацильность скелета. Судя по состоянию костно-суставного аппарата и черепным швам, погребенной женщине было около 35–40 лет. Стертость первого моляра достигает 4 баллов, изношенность второго 3 балла, что также соответствует возрасту 35–40 лет (maturus I).

Череп также очень плохой сохранности, был взят из могильной ямы монолитом. Лицевой скелет посмертно деформирован (рис. 2, 3). Визуально череп долихокранной формы (продольный и поперечный диаметры измерить, к сожалению, не удалось). Форма черепа сверху — овоидная. Лоб слегка наклонный (надбровье — 1 балл; глабелла — 2 балла). Орбиты округлой формы. Сохранившиеся восходящие лобно-носовые отростки верхней челюсти говорят о хорошо выступающем костном носе. Носовые косточки не сохранились. Клыковая ямка средней глубины (2,5 балла). Нижний край грушевидного отверстия — anthropina.

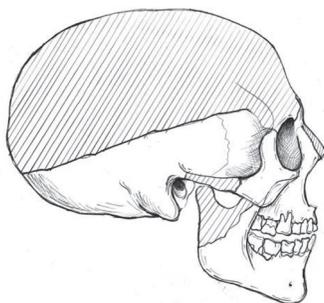
Визуально череп хорошо профилирован как на орбитальном уровне, так и на уровне зигомаксиллярных точек. Общие пропорции черепа *in situ*, на наш взгляд, (рис. 1) говорят о небольшой ширине лица и средней его высоте. Подбородок выступает хорошо. Нижняя челюсть имеет высокий симфиз. Зубы, как на верхней, так и на нижней челюстях сильно изношены. На молярах зафиксированы признаки кариеса.

Несмотря на значительные посмертные утраты, понесенные черепом, мы взяли на себя смелость сделать графическую реконструкцию его утраченных частей (рис. 3), а также

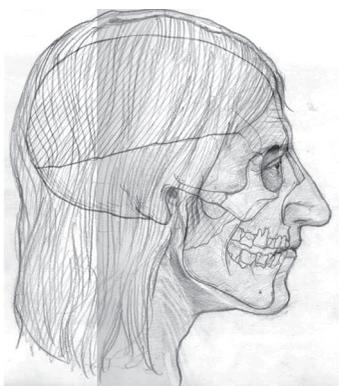
произвести графическую реконструкцию внешнего облика (рис. 4).

Рис. 1. Череп женщины из погребения 2 in situ.

Рис. 2. Графическая прорисовка черепа женщины из погребения 2 (norma lateralis).

Рис. 3. Совмещение графической реконструкции и обвода черепа из погр. 2 Гелота.

Рис. 4. Графическая реконструкция лица по черепу женщины из Гелота.

Погребение 9. Материал представлен фрагментами костей посткраниального скелета и мозгового черепа в кусках плотного лесса. Визуально определяется наличие диафизов длинных костей и фрагментов мозговой коробки, нижней челюсти. Из фрагментов костей, освобожденных от лесса, нам удалось

идентифицировать диафизы бедренных и диафизы локтевых костей. Эпифизарные части длинных костей не были обнаружены. Ответить на вопрос, подвергались ли длинные кости намеренному удалению эпифизов, на материале столь неудовлетворительной сохранности не представляется возможным. Зубная эмаль при извлечении зубов крошилась. Пол: не определен. Возраст: *adultus/matures*.

Погребение 13. Сохранность черепа и посткраниального скелета очень плохая. Череп покоился на своем основании. Нижняя челюсть фрагментирована. Скелет лежал на правом боку. Кости верхней конечности согнуты; кисти рук подведены к лицу. Кости нижних конечностей также подогнуты и подведены к тазу. Эпифизарные концы длинных костей не сохранились. Удалось произвести измерения некоторых длинных костей *in situ*. Черепная коробка при очистке от лесса рассыпалась на мелкие фрагменты. Череп не подлежит реставрации. Мозговая коробка овоидной формы. Пол: не определен. Возраст: 15–20 лет.

Гелот. Некрополь. Раскоп 8.

Погребение 1. Парное погребение. Сохранность палеоантропологического материала очень плохая. Тазовый пояс у обоих скелетов отсутствует, так как упал в промоину в толще лесса).

Костяк 1. Череп очень плохой сохранности. Черепная коробка представлена крупными и мелкими фрагментами, сохранились нижняя и часть верхней челюсти с тремя молярами. М1 имеет стертые жевательные бугорки (балл 3).

На всех трех молярах хорошо заметны следы флюороза. Пол: женский (?); Возраст — *Adultus* (25–35 лет);

Костяк 2. Череп представлен мелкими фрагментами черепной коробки. При расчистке были извлечены зубы верхней и нижней челюсти плохой сохранности (эмаль крошится, коронка зуба легко отделяется от корня). Зубы крупные.

Пол: мужской (?); Возраст: Juvenis (20–25 лет);

Реконструируемая поза: костяки в положении средней/слабой скорченности, в положении на правом боку.

Дарнайчи. Раскоп 2.

Погребение 1. Череп и посткраниальный скелет крайне плохой сохранности. Длинные кости при извлечении из лесса распадались на мелкие фрагменты. Зубы, извлеченные при расчистке черепа, обладают признаками сильной стертости (по шкале М.М. Герасимова данная картина соответствует возрасту 50+). Пол: женский.

Погребение 2. Череп и посткраниальный скелет плохой сохранности. Кости мозговой капсулы сохраняют свое положение благодаря спрессованному лессу, скопившемуся внутри полости черепа. При разборе костяка удалось отделить череп и произвести его фотофиксацию в трех нормах. Визуально череп долихокраниальный. Форма черепа сверху — ovoid. Клыковая ямка средней глубины. Форма подносового края — anthropina. Сосцевидный отросток — 3 балла. Зубы верхней и нижней челюстей, извлеченные в результате разбора черепа, несут следы минимальной изношенности. Проксимальный эпифиз правой бедренной кости синостозирован с телом кости (хорошо прослеживается линия синостоза). Пол: мужской. Возраст: 18–20 лет (Juv. I).

Погребение 20. Кости из данного погребения представлены мелкими фрагментами покровных костей черепа и диафизов длинных костей нижних конечностей. К сожалению, костного материала было недостаточно для процедуры поло-возрастной диагностики.

Погребение 21. Материал представлен мелкими и средними фрагментами посткраниального скелета. Учитывая размеры наиболее крупных фрагментов диафизов длинных костей, они могли, вероятно, принадлежать женщине (?) зрелого возраста (30–40 лет).

Погребение 27. Костяк плохой сохранности. Череп отсутствует. Кости массивные. Нами были произведены доступные измерения *in situ*. Таз плохой сохранности. Удалось рассчитать левую подвздошную кость с вырезкой отчетливо мужского типа. Пол: мужской. Возраст: *maturus* (30–40 лет).

В заключение можно подвести некоторые итоги. Среди земледельческих комплексов в Гелоте выделяется погребение 2 на раскопе 6. Учитывая общую грацильность черепа, выраженную долихокранию, резкую профилированность лица и значительную его высоту, а также не широкое (среднеширокое) лицо, мы полагаем, что данный морфологический комплекс связывает череп из Гелота с гипоморфными долихокранными европеоидами юга Средней Азии (Гонур, Сапаллитепа, ранний Джаркутан).

Череп носителей вахшской культуры — долихокранные, длинные и узкие. Свод черепа сравнительно низкий. Лоб среднеширокий и средненаклонный со слабо выраженным переносьем. Лицевой скелет, в основном ортогнатный, узкий и невысокий, хорошо профилированный.

Краниологические материалы из погребений Гелота и Дарнайчи эпохи бронзы в целом могут быть выделены в так называемый средиземноморский II тип, выделенный Ходжайовым. Население Северной Бактрии, как земледельческое, так и скотоводческое, довольно однородное, близкое к популяции Бактрийско-Маргианского комплекса (Ходжайов и др. 2011: 195).

ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ

Гелот. Раскоп 3.

Погребение 1. Антропологический материал представлен фрагментами мозгового черепа и костями посткраниального скелета ребенка (фрагменты ребер и трубчатых костей) плохой сохранности. Возраст по сохранившимся зубам — 4–8 месяцев. Пол: не определен.

Погребение 2. Материал представлен фрагментами мозговой коробки, костями посткраниального скелета ребенка крайне неудовлетворительной сохранности. Возраст по зубам: Infantilis I, 2–3 года. Пол: не определен.

Погребение 3. Фрагменты костей мозговой капсулы черепа, кости посткраниального скелета (фрагменты ребер, позвонков, трубчатых костей) ребенка очень плохой сохранности. Опираясь на размеры костей, возраст ребенка: Infantilis I, 2–3 года. Пол: не определен.

Погребение 4. Антропологический материал представлен фрагментами мозгового свода черепа, ребрами, фрагментами длинных костей ребенка.

Погребение 5. Антропологический материал представлен фрагментами мозговой капсулы черепа и костями посткраниального скелета удовлетворительной сохранности. Возраст: Adultus (25–35 лет). Пол: женский (?).

Погребение 6. Антропологический материал представлен черепом крайне плохой сохранности. Лицевой скелет сохранился плохо. При извлечении из могильной ямы череп распался на мелкие фрагменты. Посткраниальный скелет удовлетворительной сохранности. Удалось измерить длинные кости по краткой остеометрической программе. Возраст: Juvenis I/II (17–24 года). Пол: женский.

Погребение 7. Из могильной ямы извлечен череп средней сохранности. Сохранилась только правая половина черепа и нижней челюсти. Визуально череп брахикранный. Затылок не выступает. Сосцевидные отростки развиты хорошо (3б). Надсосцевидный рельеф выражен не сильно. Надбровье — 2б. Нижний край грушевидного отверстия — anthropina. Основываясь на состоянии швов черепа и зубной системы, возраст смерти погребенного: Maturus I/Senilis I (55–60 лет).

Погребение 8. Череп плохой сохранности. Длинные кости удовлетворительной сохранности, их удалось измерить

по краткой остеометрической программе. Возраст: Juvenis I (17–20 лет). Пол: женский.

Погребение 9. Череп плохой сохранности. Сохранился лицевой скелет, нижняя челюсть. Длинные кости посткраниального скелета удовлетворительной сохранности. Они измерены по краткой остеометрической программе. Пол: женский. Возраст: Mat I/Mat II (40–50 лет).

Погребение 10. Череп плохой сохранности, мозговая коробка разрушена. Сохранился лицевой скелет (обе скуловые кости, часть лобной кости с левой стороны, формирующая верхний орбитальный край, левая височная кость) и левая сторона нижней челюсти. Удалось взять некоторые краниометрические размеры. Посткраниальный скелет плохой сохранности. Пол: мужской. Возраст: Maturus II/Sen I (50–60 лет).

Погребение 11. Череп плохой сохранности. При извлечении из могильной ямы распался на мелкие фрагменты. Реставрации не подлежит. Длинные кости посткраниального скелета значительно лучшей сохранности. Их удалось измерить по краткой остеометрической программе.

Гелот. Раскоп 6.

Погребение 10. Череп и посткраниальный скелет хорошей сохранности. В процессе реставрации удалось соединить лицевой скелет с мозговой коробкой, собранной из множества фрагментов (рис. 5). После реставрации удалось взять некоторые краниологические размеры (табл. 1). В латеральной норме мозговая коробка имеет свод плавных очертаний. Затылок не выступающий (затылочный бугор — 2 балла), не сильно преломленный. Во фронтальной норме мозговой свод крышевидной формы. Брахиокранная черепная коробка (сфероид) со слабо выраженными теменными и лобными буграми. Очень большие широтные размеры лицевого скелета: средняя ширина лица — 111 мм, верхняя ширина лица — 116 мм,

высокие орбиты — 35 мм, неглубокая клыковая ямка, подквадратная форма альвеолярного отростка верхней челюсти. К сожалению, не удалось измерить скуловой диаметр, полную высоту лица и некоторые другие размеры. Визуально же лицевой скелет индивида, захороненного в погребении 10, очень высокий (полная высота лица) и широкий (реконструируемый скуловой диаметр). Все эти данные утверждают нас во мнении о монголоидном морфотипе исследуемого черепа.

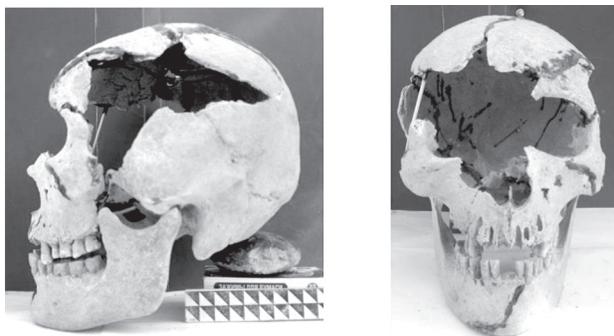

Рис. 5. Череп из погребения 10 раскопа 6 в Гелоте.

Таблица 1.

Некоторые краниометрические промеры черепа из погребения 10.

Признак	мм
средняя ширина лица	111,0
верхняя ширина лица	116,0
ширина носа	26,0
высота орбиты	35,0
ширина альвеолярной дуги	73,0
длина альвеолярной дуги	49,0
мышцелковая ширина нижней челюсти	127,0
угловая ширина нижней челюсти	101,0
длина нижней челюсти от мышцелков	132,0

Признак	мм
длина нижней челюсти от углов нижней челюсти	99, 0
наименьшая ширина ветви нижней челюсти	37, 0
высота симфиза нижней челюсти	40, 0
высота тела нижней челюсти	37, 0
передняя ширина нижней челюсти	50, 0
высота ветви нижней челюсти	63, 0

Зубы не имеют следов кариеса. На резцах нижней челюсти видны небольшие отложения зубного камня. На альвеолярном крае верхней челюсти фиксируются обнажения корней резцов и премоляров. Если это не посмертные нарушения костной ткани, мы имеем основание говорить об альвеолярной пиаррее. Цвет зубной эмали моляров не белый, имеет потемнения светло-коричневого цвета. Эту особенность можно трактовать как последствие флюороза.

Посткраниальный скелет значительно лучшей сохранности, чем череп. Скелет представлен позвонками, ребрами, ключицами, плечевыми, локтевыми, лучевыми, бедренными, большеберцовыми костями разной степени сохранности. На позвонках не обнаружены следы патологических изменений и травматических повреждений. Хорошая сохранность длинных костей позволила провести промеры по полной остеометрической программе. Ниже приводятся наибольшие длины (в мм) измеренных нами трубчатых костей: правая плечевая — 341; левая лучевая — 248; правая бедренная — 464; левая большеберцовая — 385. Рост погребенного индивида реконструируется нами (по Д.Г. Рохлину и Е.И. Преловой) в пределах 170 см. Это был человек мужского пола в возрасте 25–30 лет, выше среднего роста. В этом погребении обнаружены также и кости животных: фрагмент лопатки барана и фрагменты длинных костей.

В заключение можно сделать следующие выводы. Описанный выше морфологический комплекс черепа погребенного

позволяет отнести его к южно-сибирскому варианту большой монголоидной расы. Используя метод графической реконструкции лица по черепу (Герасимов, 1949), мы графически воспроизвели особенности физического облика мужчины, погребенного в Гелоте (рис. 6).

Рис. 6. Графическая реконструкция лица по черепу человека из Гелота.

Дарнайчи. Раскоп 1.

Погребение 1. Череп представлен мелкими и средними фрагментами черепной коробки. Посткраниальный скелет плохой сохранности. Пояс нижних конечностей отсутствует. При разборе скелета было отмечено, что дистальный эпифиз правой плечевой кости не синостозирован с диафизом. Пол: не определен. Возраст: 10–11 лет (Inf-II).

Погребение 2. Череп представлен мозговой коробкой и левой половиной нижней челюсти. Посткраниальный скелет удовлетворительной сохранности. Это касается в основном длинных костей нижней конечности. В латеральной норме лоб наклонный (glabella – 3 балла, надбровье — 2 балла). По ходу стреловидного шва фиксируется возвышение. Хорошо выражены теменные бугры. Сосцевидный отросток — 3 балла, затылочный бугор — 3 балла. Форма черепа сверху — ovoid. Бедренные кости обладают хорошо выраженной

linea aspera и макрорельефом. Скелет принадлежал мужчине, физически хорошо развитому. Возраст: 40–50 лет (Mat II). На черепе и на длинных костях взяты необходимые промеры.

Погребение 3. Череп и посткраниальный скелет средней сохранности. Лицевой скелет посмертно деформирован. Удалось произвести некоторые краниологические измерения. Череп долихокраний. В латеральной норме лоб слегка наклонный, область глабеллы — 2 балла, надбровье — 1 балл, форма подносового края: anhtrop, форма черепа сверху — ovoid, сосцевидный отросток — 2 балла, степень развития затылочного бугра — 2 балла. Верхний орбитальный край лобной кости притуплен. Нижняя челюсть обладает развернутыми наружу углами, подбородочный выступ профилирован слабо. Лицевой скелет хорошо профилирован как на уровне орбит, так и на уровне зигомаксиллярных точек. Череп европеоидный. Пол: мужской (?). Возраст: 25–30 лет.

Погребение 4. Череп и посткраниальный скелет средней сохранности. Лицевой скелет разрушен. Сохранилась затылочная область мозговой коробки (ст. развития затылочного бугра — 2 балла ; сосцевидный отросток — 2 балла). Визуально затылок широкий. Сохранившаяся нижняя челюсть полностью лишена зубов; все зубные альвеолы облитерированы. На фрагменте правой стороны верхней челюсти сохранился сильно стертый первый премоляр кольшкovidной формы. На фрагменте левой части верхней челюсти фиксируется полость в области альвеолярного края челюсти, образовавшаяся в результате остеомиелита, и также стертый до дентина первый премоляр. На фалангах кистей рук фиксируются синильные изменения. На сохранившихся длинных костях (прав. плечевая, прав. ключица) взяты остеометрические промеры. Пол: мужской (?). Возраст: 50+ (Sen.).

Погребение 6. Череп плохой сохранности. Посткраниальный скелет сохранился плохо. Удовлетворительной сохранности только бедренные кости. Ребра, позвонки, кости верх-

ней конечности фрагментированы. Стертость зубов верхней челюсти по шкале М.М. Герасимова соответствует 50–60 летнему возрасту. Пол: женский (?). Возраст: 50+ (Sen.).

Дарнайчи. Раскоп 2.

Погребение 11. Материал представлен средними и мелкими фрагментами костей посткраниального скелета. На сохранившемся крупном фрагменте диафиза левой бедренной кости сильно выражена *linea aspera*. Пол: мужской. Возраст: matures (30–40 лет).

Погребение 19. Череп ребенка плохой сохранности. При очистке от грунта сохранившиеся части лицевого скелета разрушились. Сохранился мозговой череп и фрагмент нижней челюсти с зубами. Посткраниальный скелет плохой сохранности. Возраст: 3–4 года (Infantilis I).

Погребение 22. Череп удовлетворительной сохранности. Посткраниальный скелет хорошей сохранности. Таз полностью сформирован. Проксимальный эпифиз локтевой кости в начале синостозирования. Головки бедренных и плечевых костей не синостозированы. Пол: женский. Возраст: 16–17 лет.

Погребение 23. Череп и посткраниальный скелет хорошей сохранности. Кости таза еще не срослись. Пол женский; Возраст 15–16 лет.

Погребение 24. Череп хорошей сохранности, без утрат, с нижней челюстью. Посткраниальный скелет также хорошей сохранности. Визуально череп с налетом монголоидности: уплощенность лицевого скелета на уровне орбитальных точек, слабое выступание носа из плоскости лица, высокие орбиты являются морфологической комбинацией, которая в той или иной степени встречается в физическом типе населения Средней Азии со времени раннего средневековья. Пол: женский. Возраст: 25–30 лет.

Погребение 26. Череп средней сохранности. После реставрации удалось собрать мозговую капсулу и лицевой скелет.

Посткраниальный скелет хорошей сохранности. Из морфологических особенностей можно отметить резко профилированные носолобные отростки верхней челюсти, глубокую клыковую ямку, что утверждает нас во мнении о европеоидном краниокомплексе черепа.

Подводя итоги антропологическим исследованиям скелетов из средневековых погребений могильников Гелота и Дарнайчи, можно констатировать их европеоидный тип. Но встречаются также посткраниальные скелеты с монголоидными чертами: уплощенность лицевого скелета, слабое выступание носа из плоскости лица, высокие орбиты составляют морфологическую комбинацию, которая в той или иной степени встречается в физическом типе населения Средней Азии со времени раннего средневековья.

Литература

Герасимов 1949 — *Герасимов М.М.* Основы восстановления лица по черепу. М. 1949.

Кияткина 1976 — *Кияткина Т.П.* Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976.

Нечвалода 2009 — *Нечвалода А.И.* Исследование палеоантропологического материала из раскопок в Гелоте и Кумсае в 2005 и 2007 годах // АРТ. Вып. XXXIII. 2009. С. 67–72.

Нечвалода 2010 — *Нечвалода А.И.* Череп из богатого земледельческого погребения эпохи бронзы в Гелоте // АРТ. Вып. XXXIV. 2010. С. 144–149.

Нечвалода 2012 — *Нечвалода А.И.* Палеоантропологические материалы из раскопок могильника Гелот в 2009 году // АРТ. Вып. XXXV. 2012. С. 166–175.

Нечвалода 2013 — *Нечвалода А.И.* Палеоантропологические материалы из некрополей Гелот и Дарнайчи // АРТ. Вып. XXXVI. 2013. С. 119–126.

Нечвалода 2014 — *Нечвалода А.И.* Отчет об исследовании палеоантропологического материала из раскопок в окрестностях кишлака Гелот // АРТ. Вып. XXXVII. 2014. С. 109.

Ходжайов и др. 2011 — *Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И., Ходжайова Г.К.* Палеоантропология юга Средней Азии эпохи энеолита и бронзы. М., 2011.

Приложение 3

Ю. Г. Кутимов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ ГЕЛОТА И ДАРНАЙЧИ

В ходе исследований Южно-Таджикистанской международной археологической экспедицией (ЮТМАЭ) памятников бронзового века в 2007–2013 гг. в окрестностях Гелота и Дарнайчи были выявлены археологические материалы средневекового времени, публикация которых приводится в данном разделе.

Следует отметить, что количество археологических материалов, которые относятся к кушанскому (II в. до н. э. — IV в. н. э.), раннесредневековому (V–VIII вв.) и, главным образом, к развитому средневековому времени (IX–XI вв.), в окрестностях Гелота и Дарнайчи весьма существенное¹. На протяжении многих веков средневековое прошлое данного региона было связано с историей царства Хутталь, столица которого Хульбук в IX–XI вв. находилась в 23 км к юго-западу от современного Гелота. В последующие века, вплоть до наших дней, главным центром городской жизни здесь является г. Куляб, расположенный в 7 км к юго-востоку от Гелота, на противоположной стороне долины р. Яхсу.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В 2003–2007 гг.

Первые систематические археологические исследования памятников средневековья в окрестностях Гелота и Дарнайчи были проведены в 2003–2005 и 2007 гг. экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониш АН

---

¹ В школьном музее кишлака Гелот хранится большая коллекция археологических материалов от эпохи бронзы до позднего средневековья, собранная в виде случайных находок учителем истории, краеведом Мирали Кугановым.

Республики Таджикистан под руководством Ю.Я. Якубова и Т.Г. Филимоновой. В 2001–2005 гг., в процессе подготовки государственной программы празднования исторического юбилея — 2700-летия г. Куляб, который отмечался в 2006 г., были выполнены обширные археологические исследования территории г. Куляб, а также прилегающей к нему сельской округи, в том числе кишлаков Гелот и Дарнайчи (Якубов и др. 2006).

В 2003 г. в Гелоте были проведены поверхностные обследования остатков небольшого поселения-тепе² площадью около 0,2 га, расположенного около школы в центре кишлака, а также собран подъемный керамический материал кушанского, раннесредневекового и средневекового времени на кладбище Тошмазор³. На кладбище кишлака Дарнайчи⁴ в ходе осмотра современных захоронений было обнаружено значительное количество средневековой керамики и найден фрагмент резной керамической колонны от монументального здания (Якубов и др. 2004: 281–282).

В 2004 г. на упомянутом выше безымянном поселении-тепе в центре Гелота были предприняты небольшие раскопки шурфами, которые не дали полноценного материала для его достоверной датировки, и по ряду косвенных признаков памятник был отнесен к позднесредневековому времени. В шурфах, заложенных на кладбище Тошмазор кишлака Гелот, были найдены жженые кирпичи размером 24×24×4 см и фрагменты средневековой керамики IX–XI вв. Также в различных местах Гелота и Дарнайчи были выявлены остатки кирпичных кладок жилых комплексов средневекового времени и собраны случайные находки кушанского и средневекового периодов (Якубов и др. 2005: 189–191).

В 2005 г. в шурфах, заложенных вдоль асфальтового шоссе около кладбища Тошмазор, были выявлены остатки культур-

² Координаты объекта: GPS N37°57'04", E69°43'25"

³ Координаты объекта: GPS N37°56'40", E69°42'54"

⁴ Координаты объекта: GPS N37°57'40", E69°43'55"

ных слоёв с хозяйственными ямами, заполненных керамикой саманидского времени, а также раскопаны три раннемусульманских погребения (Якубов и др. 2007: 7, 8). В средней части кишлака Гелот, на территории одного из домашних хозяйств, было обнаружено и исследовано захоронение воина. Костяк взрослого мужчины ростом около 2 м лежал на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой ориентированный в северном направлении. В состав сопроводительного инвентаря входили керамический сосуд-кувшин, пастовая бусина, бронзовая нашивная бляшка, четыре металлических кинжала — три кинжала типа акинак и один кинжал с изогнутым лезвием, вложенные в руки умершего, а также две серебряные монеты с чеканом сасанидского шахиншаха Пероза (459–484 гг.). На основании находок монет погребение было датировано второй половиной V в. и определено как захоронение эфталитского воина. По мнению исследователей, отдельные находки керамических сосудов, относящихся к V веку, также найденных в районе селения Гелот, могут свидетельствовать о возможном существовании здесь поселения эфталитского времени (Якубов и др. 2006: 174–176; Якубов и др. 2008: 139–141).

В 2007 г. в Гелоте экспедицией под руководством Ю. Якубова на склоне лессового холма к северу от кишлака, вдоль линии асфальтового шоссе, был заложен раскоп площадью 56 кв. м.⁵, где были обнаружены несколько мусульманских погребений, а также захоронения кушанского времени и эпохи бронзы (Якубов, Курбанов 2009: 83, 84).

Таким образом, полевые исследования 2003–2005 и 2007 гг., проведенные в окрестностях Гелота и Дарнайчи экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониш АН РТ, выявили на правом берегу р. Яхсу наличие археологических комплексов, относящихся к различным культурно-хронологическим периодам древней и средневековой истории Южного Таджикистана. Большая часть

⁵ Координаты объекта: GPS N37°56'58.37", E69°43'11.62".

выявленных археологических комплексов относится к периодам раннего и развитого средневековья. Исследования средневековых материалов в Гелоте показали, что в эпоху развитого средневековья (IX–XI вв.), на территории, которая в настоящее время занимает кладбище Тошмазор, существовало поселение (городище), площадь которого составляла более 10 га.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В 2007–2013 гг.

В ходе археологических исследований Южно-Таджикистанской международной археологической экспедицией в 2007–2013 гг. погребальных памятников бронзового века в окрестностях Гелота и Дарнайчи были также обнаружены материалы средневекового времени, которые представлены поселенческими и погребальными комплексами.

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГЕЛОТА

Археологические комплексы средневекового времени жилого и хозяйственного типа в Гелоте были обнаружены на раскопах 1 и 2 в 2007 г., а также на раскопе 7 в 2009–2010 гг.

Гелот. Поселение. Раскоп 1 и Раскоп 2⁶

Раскоп 1 был заложен на краю обрыва, вдоль линии асфальтового шоссе из Гелота в соседний кишлак Учкун, напротив бетонного павильона автобусной остановки, примерно в 80 м к северо-западу от центрального входа на сельское кладбище Тошмазор (рис. 1). Исследования проводились в 2007 г. В плане раскоп имеет подпрямоугольную форму (4×10×6 м), юго-восточная сторона раскопа ограничивается естественной линией обрыва.

Раскопки велись послойным (ярусным) способом, высота каждого яруса составляет 30–35 см, всего было раскопано 6 ярусов. В результате археологических раскопок на глубине

---

⁶ Координаты объекта: GPS N37°56'49.50", E69°43'04.51".

около 1,8–2 м от уровня современной поверхности (6-й ярус) был вскрыты остатки жилого комплекса средневекового времени. Он представляет собой помещение прямоугольной формы с частично сохранившимися пахсовыми стенами (рис. 2). При возведении стен использовалась, по всей видимости, технология ленточной пахсы, так как следов формовки кирпичей обнаружено не было. Наилучшую сохранность стены имели с ЮЗ, СЗ и СВ сторон, где их толщина составляет 60–70 см, а высота — около 40 см. С ЮВ стороны сохранился лишь небольшой участок стены. С внутренней стороны к ЮЗ и СЗ стенам помещения пристроена суфа (скамья-лежанка) шириной 70 см и высотой 30 см от уровня пола. Внутреннее пространство помещения занимает ганчевый (алебастровый) пол толщиной около 5 см. Примерно в центре помещения расположена яма округлой формы (диаметр 50 см и глубина 60 см), которая могла использоваться в качестве сандали (устройства для обогрева). К одной из суф помещения примыкали две небольшие ямы — в одной из них лежал крупный камень, а во второй — обломок керамического сосуда. Керамический материал, обнаруженный в раскопе 1, весьма разнообразен. Во всех 6 ярусах, включая верхний дерновый слой, были собраны обломки посуды средневекового времени (рис. 3; рис. 4). С первого по четвертый ярусы чаще всего встречается лепная керамика хорошего качества и обжиг — фрагменты верхних частей сосудов с наклепными валиками и украшенные вдавлениями или косыми насечками. На внутренней стороне таких сосудов сохранились отпечатки матерчатого шаблона, на внешней — следы гребенчатого орнамента (рис. 3, 2, 6, 7, 15). Встречается посуда с прочерченным волнообразным орнаментом (рис. 3, 12), а также котлы с ручками-выступами (рис. 3, 4, 6, 10). В четвертом ярусе вместе с керамикой, характерной для верхних горизонтов, были найдены фрагмент керамической крышки, сделанной на гончарном круге, и резной обожженный кирпич из ганча (ганчевый шток) светло-коричневого цвета (рис. 3, 11, 14). На уровне жилого комплекса пятого и шестого ярусов встречает-

сы гончарная и лепная посуда. Гончарная керамика хорошего качества, с ангобом белого цвета. Характерны формы кувшинов с двумя ручками и сосуды с клювовидным венчиком или валиком под венчиком (рис. 5, 1–7). Встречаются мелкие фрагменты поливной керамики зелено-желтого цвета.

Раскоп 2 в плане прямоугольной формы (11×7,5 м), примыкает к раскопу 1 с ЮЗ стороны (рис. 5). В границы раскопа вошло мусульманское погребение (№ 1 на плане), раскопанное и законсервированное при раскопках 2005 г. (Якубов и др. 2007: 10, 11). Под развалами камней на глубине 2 м от дневной поверхности открыта хозяйственная яма (1,6×1,5 м, глубина 0,7 м), выкопанная в материке. Заполнение ямы — светло-коричневый лёсс с многочисленными угольками, керамикой с налипшими валиками и гребенчатым орнаментом по внешней поверхности сосуда (рис. 6, 1–4, 7), донце сосуда со спиральным орнаментом (рис. 6, 5). В яме также были найдены обломок камня (рис. 6, 6), а также каменное ядро, разбитое на две половинки (рис. 6, 8). Рядом с ямой в материке открыто детское мусульманское погребение (№ 2 на плане). Ребенок лежал на правом боку в скорченном положении, возраст — 5–6 лет.

Гелот. Поселение. Раскоп 7⁷

Раскоп 7 был заложен в 20 м к востоку от раскопов 4 и 6, на другой стороне оврага (рис. 7). Исследования проводились в 2009–2010 гг. Площадь раскопа составила 24 кв. м. Культурный слой средневекового времени прослеживается до глубины 1,8 м. Остатков жилищ здесь не найдено, но в слое лесса с «журавчиками» зафиксированы ямы и горелые слои. На глубине 2 м от современной дневной поверхности в слое чистого лесса расчищен камень 0,2×0,15 м и фрагмент кости (рис. 8). Керамический комплекс раскопа 7 представлен гончарными и лепными сосудами хорошего качества изготовления (рис. 9; рис. 10). Встречаются фрагменты лепной посуды с валиком

⁷ Координаты объекта: GPS N37°57'11.12", E69°43'19.66".

без декора (рис. 9, 5, 6, 13), а также сосуды с валиком, украшенным вдавлениями или косыми насечками (рис. 10, 11, 14, 15). На внешней стороне этих сосудов сохранились следы гребенчатого штампа (рис. 10, 15), а на внутренней — отпечатки матерчатого шаблона. Присутствуют также лепные котлы с ручками-выступами (рис. 9, 7, 12; рис. 10, 6, 8), круглодонные котлы без ручек (рис. 9, 10, 11; рис. 10, 17, 18), плоскодонные сковородки (рис. 10, 7), чаши (рис. 10, 16, 19), сосуды с носиком-сливом (рис. 9, 4). В комплексе гончарной керамики имеются кувшины с отогнутым наружу венчиком (рис. 10, 1–5), сосуды, украшенные горизонтальными каннелюрами на горловине (рис. 9, 2, 8, 9), сосуды с ручками (рис. 9, 1, 3; рис. 10, 12, 13), сосуды с клювовидным венчиком (рис. 9, 14), сосуды со спиральным орнаментом на донце (рис. 9, 16; рис. 10, 10), крышки (рис. 9, 17). Как в верхних, так и в нижних слоях раскопа встречаются мелкие фрагменты керамики с зелено-желтой поливой.

Анализируя керамический материал жилых и хозяйственных комплексов Гелота, в первую очередь необходимо отметить его типологическую идентичность для всех трех раскопов. Например, такие формы, как котлы с ручками-выступами или сосуды с клювовидным венчиком, имеют практически полную тождественность в керамике раскопов 1 и 7. Характерным для керамики всех трех раскопов являются украшение сосудов налепными валиками с косыми насечками или круглыми вдавлениями, волнистые линии сверху и снизу валика, а также спиральный орнамент на донцах сосудов. Для керамики раскопа 1 и 2 отмечается наличие гребенчатого вертикального орнамента на тулове сосудов, для керамики раскопа 7 характерны украшения горловины и тулова сосудов горизонтальными каннелюрами.

Керамический комплекс из раскопов 1, 2 и 7 находит аналогии в керамике эпохи саманидов, обнаруженной в 2005 г. при шурфовках средневекового городища, расположенного в Гелоте на территории сельского кладбища Тошмазор. В керамическом материале, найденном на городище, присутству-

ют аналогичные формы и элементы декорирования сосудов, в частности: сосуды с валиком, двуручные кувшины с узкой прямой горловиной, а также сосуды, украшенные горизонтальными каннелюрами. Керамический материал, найденный на кладбище Тошмазор, датируется IX–XI вв. (Якубов и др. 2006: 183, рис. 112; Якубов и др. 2007: 8, рис. 3, 1–17).

Обнаруженное рядом с кладбищем Тошмазор на раскопе 1 жилое помещение с такими архитектурными деталями, как глиняные суфы-скамьи вдоль стен, ганчевый (алебастровый) пол с очагом-сандали для обогрева в центре помещения, обломки декоративного резного штука, доказывает факт существования здесь поселения. Учитывая очевидные аналогии в керамике, материалы из жилых и хозяйственных комплексов, найденных на раскопах 1, 2 и 7 в Гелоте, следует относить ко времени существования здесь средневекового городища и датировать IX–XI вв. Данный вывод подтверждается находками на раскопах 1 и 7 мелких фрагментов глазурованной керамики с поливой зелено-желтого цвета, которая относится к ранним периодам развития производства глазурованной керамики в Средней Азии и датируется в пределах IX–XII в. (Сайко 1963: 29; Шишкина 1979: 65).

Определенные типологические параллели для средневековой керамики, найденной на раскопах 1, 2 и 7 в Гелоте, можно также отметить в керамических комплексах других средневековых памятников Таджикистана, датируемых в пределах IX–XII вв., в частности: городища Хульбук (Гулямова 1962: 128, рис. 4; Якубов, Худжагельдыев 2008: 157, рис. 6, 160, рис. 9) и его сельских поселений (селения Хульбук, Манзара) (Ходжаев 2008: 191, рис. 3; 196, рис. 8; 197, рис. 9), поселения Гофилабад в Дангаринском районе (Атаханов 1990: 330, рис. 3), поселения Бурма-Кала в Яванском районе (Абдуллаев, Атаханов 2005: 504, рис. 3; 505, рис. 5) и др.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГЕЛОТА И ДАРНАЙЧИ

Погребальные комплексы средневекового времени в Гелоте были обнаружены на раскопе 3 в 2007 г. и на раскопе 6 в 2010 г., в Дарнайчи — на раскопах 1, 2 и 5 в 2010–2013 гг. Все обнаруженные погребения являются захоронениями мусульманского типа, за исключением погребения 10 на раскопе 6.

Гелот. Раскоп 3⁸

Раскоп 3 находится на правой стороне шоссе Гелот — Дарнайчи, в местности, имеющей у местных жителей название Мазари-Бунон, на небольшом останце (примерно 35×20 м), представляющем остатки некогда единого склона лессового холма, разрушенного в ходе прокладки дороги и террасирования при строительстве жилых домов (рис. 7). Исследования на раскопе 3 проводились в 2007 г. Всего здесь было обнаружено 11 погребений средневекового времени (погр. № 1–11) и одно погребение бронзового века вахшского типа (погр. № 12).

Раскоп в виде трапеции (12×3–5 м) был заложен в верхней части лессового останца, восточная сторона которой ограничена линией обрыва. На глубине 1,4–1,5 м от уровня современной поверхности были обнаружены плохо сохранившиеся остатки четырех детских погребений (погр. № 1–4), на глубине 1,75–1,95 м вскрыты семь погребений взрослых (погр. № 5–11) (рис. 11).

Погребение 1. Фрагменты черепа и кости скелета ребенка (фрагменты ребер и трубчатых костей) плохой сохранности. Возраст по сохранившимся зубам составляет 4–8 месяцев, пол не определен.

Погребение 2. Фрагменты черепной коробки, кости скелета ребенка крайне плохой сохранности. Возраст по сохранившимся зубам составляет 2–3 года, пол не определен.

⁸ Координаты объекта: GPS N37°57'8.85", E69°43'20.97".

Погребение 3. Фрагменты костей черепа, фрагменты ребер, позвонков, трубчатых костей очень плохой сохранности. Возраст 2–3 года, пол не определен. Рядом с остатками погребения было обнаружено скопление камней из крупной речной гальки. Однако установить их связь с погребением не представляется возможным.

Погребение 4. Фрагменты черепа, ребра и фрагменты длинных костей плохой сохранности. Возраст 4–5 лет, пол не определен.

Погребение 5. Погребение в могиле подбойного типа. Входная яма округлой формы (диам. 0,7 м, глубина 0,4 м). Погребальная камера вырыта в северной стене входной ямы (1,8×0,6 м, высота свода 0,5 м). Входную яму с погребальной камерой соединяла ступенька высотой 30 см. Костяк лежит на правом боку, ноги слегка подогнуты, головой ориентирован на запад, лицом на юг. Захоронение женщины, возраст 25–35 лет (рис. 13).

Погребение 6. Костяк лежал на спине, головой ориентирован на запад, лицом обращен на юг. Захоронение женщины, возраст 17–24 года (рис. 13).

Погребение 7. Костяк лежал на правом боку, ноги слегка подогнуты, головой ориентирован на запад, лицом обращен на юг. Возраст 55–60 лет, пол не определен (рис. 13).

Погребение 8. Костяк лежал на спине, головой ориентирован на запад, лицом обращен на юг. Захоронение женщины, возраст 17–20 лет (рис. 13).

Погребение 9. Костяк лежал на спине, головой ориентирован на запад, лицом обращен на юг. Захоронение женщины, возраст 40–50 лет (рис. 13).

Погребение 10. Раскопано частично. Костяк лежал на правом боку, кости ног плохо сохранились, головой ориентирован на запад, лицом обращен на юг. Захоронение мужчины, возраст 50–60 лет (рис. 13).

Погребение 11. Костяк лежал на спине с завалом на правый бок, ноги вытянуты, левая нога положена поверх правой, головой ориентирован на запад, лицом обращен на юг. Захоронение женщины, возраст 35–45 лет (рис. 13).

В верхних горизонтах раскопа 3, выше уровня погребения 10, на глубине от 70 до 170 см наблюдаются золистые слои (очаг), содержащие камень и керамику (рис. 12): два венчика гончарной посуды (один из которых с валиком) со следами белого ангоба (рис. 14, 2, 3), а также верхняя часть гончарного широкогорлого сосуда с углубленным прочерченным орнаментом в виде волнистых линий (рис. 14, 1), близкие аналогии которому по форме и орнаментации имеются в керамическом комплексе городища Хульбук (Гулямова 1962: 128, рис. 4, 1, 4), а также поселения Бурма-Кала в Яванском районе, датируемом IX–XIII вв. (Абдуллаев, Атаханов 2005: 496, рис. 3, 1, 2, 6).

Дарнайчи. Раскоп 1⁹

Раскоп 1 (размеры 14×7 м) заложен на краю оврага, в 50 м от жилой зоны кишлака Дарнайчи, рядом с асфальтовым шоссе Восе — Ховалинг (рис. 15). Исследования здесь проводились в 2010 г. В границах раскопа открыто пять захоронений средневекового времени (погр. № 1–4, 6), а также одно погребение бронзового века (погр. № 5) (рис. 16).

Погребение 1. Расчищено на глубине 0,5 м. Скелет плохой сохранности, лежал на спине; контуры погребальной ямы не обнаружены. Пол не определен, возраст 10–11 лет (рис. 17).

Погребение 2. Открыто на глубине 0,6 м. Погребальная яма овально-вытянутой формы, размером 1,7×0,6 м. Скелет лежал на правом боку в вытянутом положении, головой на северо-запад. Руки находятся около пояса, пальцы правой ноги отсутствуют. Скелет принадлежал мужчине в возрасте 40–50 лет (рис. 17).

⁹ Координаты объекта: GPS N37°57'29.73", E69°43'29.01".

Погребение 3. Находилось на глубине 0,8 м. Скелет лежал на спине, голова отделена от туловища; кости рук и ног собраны в кучку. По антропологическому определению, лицевой скелет посмертно деформирован, череп европеоидный, пол — мужской, возраст 20–25 лет. (рис. 17).

Погребение 4. Раскопано на глубине 1,2 м. Погребальная яма овально-вытянутой формы, размером 1,5×0,5 м. Скелет лежал на спине с разворотом направо, головой на северо-запад, руки сложены у пояса. Пол — мужской, возраст — 50 лет (рис. 17).

Погребение 6. Открыто на глубине 0,9 м. Погребальная яма вытянутой, прямоугольной формы, размером 1,8×0,5 м. Скелет лежит на спине, головой на запад, лицом на юг. Пол предположительно — женский, возраст 50–60 лет (рис. 17).

Дарнайчи. Раскоп 2¹⁰

Раскоп 2 расположен в 75 м к северо-западу от раскопа 1, на склоне лессового холма (рис. 15). Исследования на раскопе 2 начались в 2010 г. и продолжались до 2013 г. Раскопки велись участками: к первому участку, заложенному в 2010 г., ежегодно прирезались или закладывались рядом новые участки в северо-восточном и юго-западном направлениях. В итоге, раскоп 2 фактически состоит из трех частей, расположенных рядом: раскоп 2/1, раскоп 2/2 и раскоп 2/3 (рис. 61; рис. 62; рис. 63 в Главе 3). За все годы раскопок на раскопе 2 было обнаружено в общей сложности 33 захоронения, из которых 12 погребений относятся к эпохе бронзы (погр. № 1–3, 5, 8, 9, 12, 20, 21, 27, 30, 32) и 23 погребения к средневековому времени. Из числа средневековых погребений, обнаруженных на раскопе 2, девятнадцать были частично или полностью раскопаны (погр. 4, 6, 7, 10, 11, 13–15, 16–19, 22–26, 28, 29, 31)¹¹.

¹⁰ Координаты объекта: GPS N37°57'30.53", E69°43'25.60".

¹¹ Три средневековых захоронения, частично попавших в границы раскопа 2/1, раскопаны не были. Пол и возраст средневековых захоронений на раскопе 2 не определялся.

Погребение 4. Могильная яма овальной формы, длиной 190 см и шириной 70 см. На дне могилы, на глубине 1,2 м от современной поверхности, лежал костяк подростка: на правом боку, ноги согнуты в коленях, кисти рук расположены под правой щекой. Головой умерший ориентирован на северо-запад, лицом обращен на юго-запад (рис. 18). Находки: в верхней части заполнения могилы был найден обломок железного трехлопастного черешкового наконечника стрелы, боевая часть которого имеет длину 70 мм и ширину в нижней части 22 мм, черешок практически не сохранился (рис. 21, 1). Данное захоронение отличается от мусульманских захоронений Гелота и Дарнайчи некоторым отклонением от норм погребальной традиции: умерший захоронен в ямной, а не подбойной могиле, ноги согнуты в коленях, кисти рук расположены под правой щекой. В то же время головой умерший ориентирован на северо-запад и лицом обращен на юго-запад, что в целом соответствует принципам мусульманских захоронений Гелота и Дарнайчи. Принадлежность найденного в заполнении могилы железного наконечника стрелы к комплексу данного погребения также не вполне очевидна, так как он был найден в верхней части заполнения могильной ямы и мог попасть в могилу случайно при её засышке. Наконечники такого типа (крупные трехлопастные черешковые с треугольным контуром головки) известны на территории Средней Азии главным образом в погребальных комплексах кочевого населения и датируются в широких хронологических рамках от II–IV до VII–VIII вв. (Литвинский 1965: 81–84).

Погребение 6. Обнаружено на глубине 0,9 м. Раскопано частично. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицом обращенный на юго-запад (рис. 18).

Погребение 7. Обнаружено на глубине 1 м. Костяк взрослого человека лежал на спине, с поворотом верхней части тела вправо, головой на северо-запад, лицом на юго-запад

(рис. 18). Находки: бронзовое кольцо диаметром 17 мм, найдено в области тазовых костей костяка (рис. 21, 2). Погребение 7 частично перекрывало расположенное ниже погребение 8 эпохи бронзы.

Погребение 10. Обнаружено на глубине 1,3 м. Раскопано частично. Зачищены только кости голеностопа (рис. 18).

Погребение 11. Обнаружено на глубине 1,4 м. Раскопано частично. Костяк взрослого человека лежал на спине, с поворотом верхней части тела вправо, головой на северо-запад (рис. 18).

Погребение 13. Обнаружено на глубине 1,7 м. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицом обращенный на юго-запад (рис. 18).

Погребение 14. Обнаружено на глубине 1,7 м. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицом обращенный на юго-запад (рис. 18).

Погребение 15. Обнаружено на глубине 1,9 м. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицом обращенный на юго-запад (рис. 18).

Погребения 16 и 17. На глубине 0,6 м обнаружены плохо сохранившиеся детские черепа, посткраниальные скелеты не сохранились. Головы ориентированы на северо-запад, лица обращены на юго-запад (рис. 20).

Погребение 18. На глубине 1,2 м обнаружен частично сохранившийся детский скелет на правом боку, головой на северо-запад, лицом на юго-запад (рис. 19).

Погребение 19. На глубине 1 м обнаружен частично сохранившийся детский скелет на спине, головой на северо-запад, лицом на юго-запад. Находки: обломки стеклянных бусин в области грудной клетки (рис. 19).

Погребение 22. Обнаружено на глубине 1,7 м. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицом обращенный на юго-запад (рис. 19).

Погребение 23. Обнаружено на глубине 1,5 м. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицом обращенный на юго-запад (рис. 19).

Погребение 24. Обнаружено на глубине 1,3 м. Костяк взрослого человека лежал на спине с поворотом верхней части вправо, головой на северо-запад, лицом обращенный на юго-запад. На правой ноге умершего лежал обломок плоского кирпича (рис. 20).

Погребение 25. Обнаружено на глубине 1,5 м. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицом обращенный на юго-запад (рис. 19).

Погребение 26. Обнаружено на глубине 1,3 м. Костяк взрослого человека лежал на спине с поворотом верхней части вправо, головой на северо-запад, лицом обращенный на юго-запад (рис. 20).

Погребение 28. Обнаружено на глубине 1,7 м. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой практически на север, лицом обращенный на запад (рис. 20).

Погребение 29. Обнаружено на глубине 1,4 м. Раскопано частично. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой практически на север, лицом обращенный на запад (рис. 20).

Погребение 31. Обнаружено на глубине 1,5 м. Раскопано частично. В могиле находились плохо сохранившиеся отдельные кости ног подростка.

Дарнайчи. Раскоп 5¹²

Раскоп 5 расположен в 40 м к северо-западу от раскопа 1, на склоне лессового холма (рис. 15; рис. 17, 12 в Главе 3). Ис-

---

¹² Координаты объекта: GPS N37°57'30.99", E69°43'27.84".

следования проводились в 2012 г. Всего здесь обнаружено 8 средневековых погребений, погребения эпохи бронзы отсутствовали (рис. 22; рис. 23).

Погребение 1. Обнаружено на глубине 1,4 м. Раскопано частично. Зачищены только кости таза и ног. Судя по положению костей, умерший лежал на спине с поворотом на правый бок, головой ориентированный на северо-запад (рис. 24).

Погребение 2. Обнаружено на глубине 1,3 м. Раскопано частично. Зачищены только кости голеностопа (рис. 24).

Погребение 3. Обнаружено на глубине 1,6 м. Раскопано частично. Зачищены только кости голеностопа (рис. 24).

Погребение 4. Обнаружено на глубине 1,4 м. Плохо сохранившееся детское захоронение (рис. 24).

Погребение 5. Обнаружено на глубине 1,4 м. Костяк взрослого человека лежал на спине с поворотом верхней части вправо, головой на северо-запад, лицом на юго-запад (рис. 24).

Погребение 6. Обнаружено на глубине 1,5 м. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицом на юго-запад (рис. 24).

Погребение 7. Обнаружено на глубине 1,6 м. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицом на юго-запад (рис. 24).

Погребение 8. Обнаружено на глубине 1,3 м. Раскопано частично. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицом на юго-запад (рис. 24).

Средневековые захоронения, обнаруженные в окрестностях Гелота и Дарнайчи, имеют практически полное единообразие. Умерших погребали в соответствии с мусульманской традицией захоронения в могилах подбойного типа на правом боку, либо в вытянутом положении на спине с разворотом плеч вправо, головой погребенные ориентированы на северо-запад, лицом направлены на юго-запад. Глубина могил

составляет в среднем 1,6 м. Все погребения безынвентарные. В отдельных могилах встречены единичные находки прижизненных вещей умерших (кольцо, бусы).

Мусульманские захоронения средневекового времени на территории Таджикистана редко становятся объектами целенаправленного археологического изучения. Как правило, их раскопки носят сопутствующий характер при исследованиях погребальных комплексов более раннего времени (как, например, в Гелоте и Дарнайчи).

В 1970-е годы был исследован средневековый мусульманский могильник XII–XIV вв. у кишлака Пушинг Дангаринского района. Могилы имеют подбойную конструкцию, состоящую из входной ямы (айван) прямоугольной формы и погребальной ниши (ляхад) в нижней части стены входной ямы, внутри которой укладывали умершего. Отверстие между входной ямой и погребальной нишей закладывалось плоскими камнями или деревянными жердями. Сверху над могилой сооружали надгробие — пирамидку из камней, обмазанных ганчевым раствором, или же делали каменную надмогильную выкладку в один слой камней. Умершие лежат на спине, головой ориентированные на север, лицом обращенные на запад. В могилах встречались находки монет (Поляков 1976: 200–210).

В северных районах Таджикистана в 1960–70 гг. был исследован ряд средневековых могильников, датируемых X–XIII вв. (Хон Яйлов, Мачитли, Зосун и др.). Погребальные сооружения представляют собой обычные прямоугольные ямы без погребальной ниши, умершие лежат на спине в вытянутом положении, головой ориентированные на север или северо-запад, лицом обращенные на юго-запад. Тело умершего на дне могилы обкладывалось деревянными плахами, сырцовыми кирпичами или каменными плитами с целью изоляции тела от грунта при засышке могилы. На поверхности

земли могилы отмечались каменными выкладками (Негматов 1978: 154–155).

Средневековые мусульманские погребения Гелота и Дарнайчи характеризуются такими признаками, как подбойная конструкция могилы (наличие погребальной ниши), отсутствие следов использования камня или дерева внутри могилы, отсутствие каменных надмогильных сооружений, положение умерших на правом боку или на спине с поворотом верхней части тела вправо, ориентировка умерших головой на северо-запад и обращение лицом на юго-запад (лицом к кибле), практически полное отсутствие личных вещей в могилах.

Судя по всему, средневековые погребения, открытые на раскопах 1, 2 и 5 в Дарнайчи, являются частью большого средневекового мазара, площадь участка которого может составлять более 5 га, а количество захороненных несколько сот человек. В настоящее время этот участок примыкает с северо-западной стороны к кишлаку Дарнайчи, сквозь него с юга-запада на северо-восток проходит асфальтовое шоссе Восе–Ховалинг, проложенное в 1980-е годы. На северо-восточной стороне данного участка расположено современное кладбище кишлака Дарнайчи.

Наличие большого средневекового мазара в Дарнайчи, средневековые погребения, открытые на раскопе 3 в Гелоте, вместе с данными раскопок экспедиции Ю. Якубова в 2003–2005 и 2007 гг., подтверждают точку зрения Ю. Якубова о том, что в средние века здесь, на территории, которая в настоящее время занимает современное кладбище Тошмазор, существовало достаточно крупное по численности населения городище или поселение оседлого типа. Как уже отмечалось, археологические шурфы на кладбище Тошмазор кишлака Гелот дают в основном керамические материалы развитого средневековья IX–XI вв. (Якубов и др. 2005: 189, 190) и, по всей видимости, этим же временем нужно датировать средне-

вековые погребения Гелота и Дарнайчи, так как взаимосвязь погребальных и поселенческих комплексов в данном случае очевидна.

Гелот. Раскоп 6. Погребение 10

Единственное немусульманское захоронение было обнаружено на раскопе 6 в Гелоте в 2009 г. (рис. 7). Погребение 10 было открыто на глубине 1,1 м от дневной поверхности (рис. 25). Могила ямной конструкции овально-вытянутой формы имеет размеры 1,85×0,9 м. В могиле в вытянутом положении, на спине, лежал костяк мужчины в возрасте 25–30 лет, ростом 1,7 м, головой ориентированный на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. У левой руки найдено три железные стрелы с древком (рис. 26, 1, 2) и нож серповидной формы, в верхней части которого сохранилась петля с заклепкой для крепления рукояти (рис. 26, 3). На правой руке лежали фрагментированные части железного ножа (рис. 26, 4) и точильный камень с отверстием (рис. 26, 5). На тазовых костях в районе пояса расчищена плохо сохранившаяся железная пряжка ромбовидной формы с петелькой. В погребении обнаружены также кости животных: фрагмент лопатки и фрагменты длинных костей барана.

Судя по характеру погребального обряда и инвентаря, данное погребение имеет черты кочевнического типа и, по всей видимости, является одиночным захоронением мужчины-кочевника (воина?).

Как уже отмечалось, в 2005 г. в центре кишлака Гелот было исследовано одиночное захоронение, которое исследователями было определено как «погребение эфталитского воина». Костяк мужчины лежал в прямоугольной яме на спине, головой ориентированный на север, руки вытянуты вдоль тела. По сообщению авторов раскопок, в могиле был найден кувшин, две серебряные монеты, бляшка, бусина, три кинжала-акинака и один кинжал с изогнутым лезвием. На монетах

имеется изображение царя сасанидского шахиншаха Пероза (459–484 гг.) и на этом основании погребение было датировано второй половиной V в. (Якубов и др. 2006: 174–176; Якубов и др. 2008: 139–141). К сожалению, вещевой комплекс данного погребения остался неопубликованным, поэтому использовать его для сравнения не представляется возможным. Датировка данного погребения второй половиной V в. на основе находок монет с чеканом Пероза определяет лишь его нижнюю хронологическую границу, различные подражания серебряным драхмам Пероза существовали на территории Северного Тохаристана вплоть до VII–VIII вв. (Ртвеладзе 1987: 125–127; Зеймаль 1999: 196–198).

Железные наконечники стрел, найденные в погребении 10, относятся к категории плоских черешковых стрел. Среди них различаются два типа: ассимметрично-ромбический (рис. 26, 1б, 2) и овально-крылатый (или кунжутолистный) (рис. 26, 1а). На древке одной из стрел присутствовали следы обмотки, возможно, кусочком шкуры. Подобной формы наконечники стрел известны в среде кочевых народов Сибири, начиная со второй половины I тыс. н. э. (Худяков 1991: 12). Распространение таких стрел в степях Евразии происходит в ходе активных миграций кочевого тюркоязычного населения во второй половине I тыс. н. э. Продолжают они массово использоваться и в монгольскую эпоху, широко распространившись в период татаро-монгольских завоеваний (Медведев 1966: 58–60). Большое сходство стрел из Гелота проявляется с наконечниками стрел кочевников восточной части Центральной Азии, которые датируются VI–X вв. (Худяков 1991: 13, рис. 3). В.С. Соловьев считает данные типы наконечников тюркскими и датирует найденное в Гелоте захоронение концом VII — началом VIII в. (Соловьев 2010: 298).

Серповидный железный нож, найденный в погребении 10, имеет весьма большие размеры, длина его лезвия от кончика до рукояти составляет 28 см (рис. 26, 3). Его функциональное

назначение, вероятно, было разносторонним. Большие размеры клинка вполне позволяли использовать его в качестве холодного оружия колюще-режущего типа. Также очевидно его применение в виде хозяйственного ножа и серпа. Металлические железные изделия серповидной формы, которые, как правило, определяются как сельскохозяйственные серпы (например, для садоводства), на территории Таджикистана иногда встречаются в культурных слоях городищ раннего и развитого средневековья (VI–X вв.), в частности Пенджикента, Мунчак-тепе, Калаи Кафирниган, Кафыркалы и др. (Беленицкий 1958: 138, рис. 37, 7–10; Мандельштам, Певзнер 1958: 317, рис. 27, 23; Бентович 1958: 370, рис. 5, 4; Беленицкий и др. 1973: 75, рис. 43; Соловьев 1976: 110, рис. 2, 4; Распопова 1980: 62; Литвинский 1982: 129, рис. 5, 1; Соловьев 1987: 177, рис. 2, 1). В среде кочевых культур Сибири и степной зоны серповидные металлические изделия, которые характеризуются как орудия труда (серпы), нередко встречаются в погребальных комплексах конца I — начала II тыс. (Степи Евразии... 1981: 116, рис. 13, 60; 137, рис. 28, 25, 27, 40–44; 145, рис. 33, 38, 39; 167, рис. 52, 43; 254, рис. 78, 24). Все они имеют различные размеры (длина от 20 до 40 см), а также различные способы крепления к рукояти (насадные черешковые, клепаные, с закраинами) и плавно изогнутую линию лезвия. Серповидный нож из погребения 10 имеет прямую хвостовую часть и относительно небольшую изогнутость лезвия, чем отличается от сельскохозяйственных серпов.

На основании антропологических измерений антрополог А.И. Нечвалода сделал заключение, что череп погребенного имеет ярко выраженный монголоидный морфотип¹³.

Морфологический комплекс черепа погребенного позволяет отнести его к южно-сибирскому варианту большой монголоидной расы. Монголоидный тип черепа погребен-

¹³ См. Приложение 2.

ного воина в Гелоте еще раз свидетельствует о присутствии тюркского населения на территории Хутталя. На основании антропологических данных в Средней Азии выделяются несколько этапов постепенной монгололизации населения. В период вхождения Мавераннахра в состав Западнотюркского каганата (VII в.) в среде местного европеоидного населения наблюдается незначительное возрастание монголоидности. Резкое увеличение монголоидности у среднеазиатских народов приходится на конец IX–XII вв., и заключительный этап завершается в XVI в. с приходом даштикипчакских узбекских племен (Ходжайов, Ходжайова 2001: 36).

Таким образом, погребение кочевника в Гелоте, которое по археологическим материалам достаточно широко датируется в пределах VI–X вв., с учетом антропологических данных можно отнести к IX–X вв., не исключая вероятности его появления здесь в связи с приходом на территорию Хутталя кочевых тюркских войск караханидов в первой половине XI в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате археологических исследований, проведенных в окрестностях Гелота и Дарнайчи экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан в 2003–2007 гг. и Южно-Таджикистанской международной археологической экспедицией в 2007–2013 гг., были выявлены различные комплексы поселенческого и погребального типа, свидетельствующие о том, что данная территория в эпоху средневековья была местом активного жизнеобитания.

Учитывая находки керамики и погребений кушанского времени, вполне вероятно, что первые оседлые поселенческие комплексы могли появиться здесь уже в первой половине I тыс. В эпоху развитого средневековья (IX–XI вв.) в окрестностях Гелота и Дарнайчи археологически фиксируется существование поселения (городища), численность жите-

лей которого составляла, вероятно, несколько тысяч человек, а также связанного с поселением кладбища-мазара.

В эпоху правления саманидов Хутталъ достиг своего политического и экономического расцвета. Территория столичного города Хульбук, где находилась резиденция правителя, в IX–XI вв. составляла более 70 га. Сельская округа также была достаточно густо населена. Однако, начиная с первой половины XI века, территория Хутталя подверглась опустошительным военным нашествиям тюркских племен-номадов. В 1038 г. завоевательный поход совершил Ибрагим ибн Наср (Бури Тегин) из рода караханидов, затем в период с 1044 по 1061 гг. состоялись походы различных представителей сельджукской династии. В результате царство Хутталъ пришло в упадок, столичный город Хульбук и другие городища на территории Хутталя были разорены, и к концу XI в. жизнь на многих из них прекратилась.

В окрестностях Хульбука, в долинах рек Сурхоб и Яхсу, имеется нескольких крупных по площади средневековых городищ, исторически связанных с Хульбуком. Одно из таких городищ, площадь которого составляет около 10 га, находится в 15 км к северо-востоку от Хульбука и в 8 км к юго-западу от Гелота, в районе кишлака Кайнар. Его раскопки в 2007 г. показали, что жизнь здесь начинается ещё в греко-бактрийское и кушанское время, достигает наибольшего развития в IX–X вв. и затем, так же как и в Хульбуке, прекращается в XI веке (Якубов, Курбанов 2009: 73–82). Вполне вероятно, что средневековое городище в Гелоте также могло пострадать в результате тюркских завоевательных походов середины XI века.

По мнению Ю. Якубова, после окончательного разрушения Хульбука в 1064 г. резиденция правителей Хутталя могла быть перенесена в Куляб. В связи с тем, что культурные слои IX–XIV вв. на территории Куляба пока ещё археологически не выявлены, представляется вероятной локализация

Куляба в окрестностях современного Гелота (Якубов, Довутов 2001: 69; Якубов и др. 2006: 183, 188, 189; Довуди и др. 2007: 74).

Судя по большой коллекции археологических материалов средневекового времени, собранной местными жителями в виде случайных находок в окрестностях Гелота-Дарнайчи и хранящейся в школьном музее кишлака Гелот, в которой встречаются фрагменты поливной керамики тимуридского времени XIV–XV вв. (синяя кобальтовая глазурь на белом фоне), жизнь здесь в период развитого средневековья не прекращалась. Однако вопрос о том, существовало ли здесь в это время городище или данная территория представляла собой сельскую округу Куляба, остается открытым.

В настоящее время выявленных археологических материалов пока ещё явно недостаточно для того, чтобы представить полную картину культурно-исторического развития данного региона в средние века, в связи с чем необходимы дальнейшие археологические исследования памятников средневековья Куляба и прилегающих окрестностей.

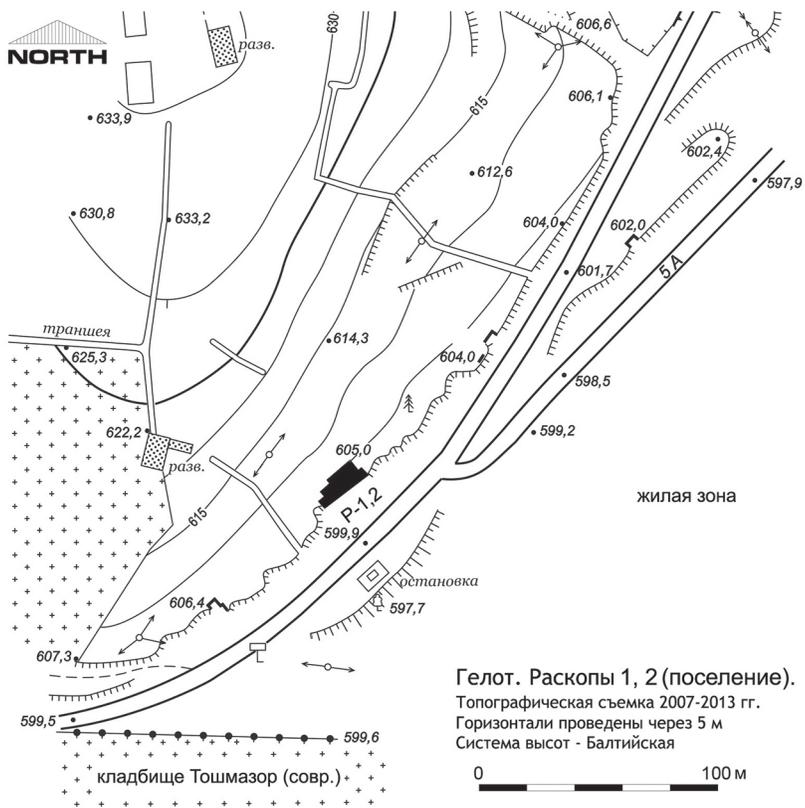

Рис. 1. Гелот. Поселение. Раскопы 1, 2. Топографический план.

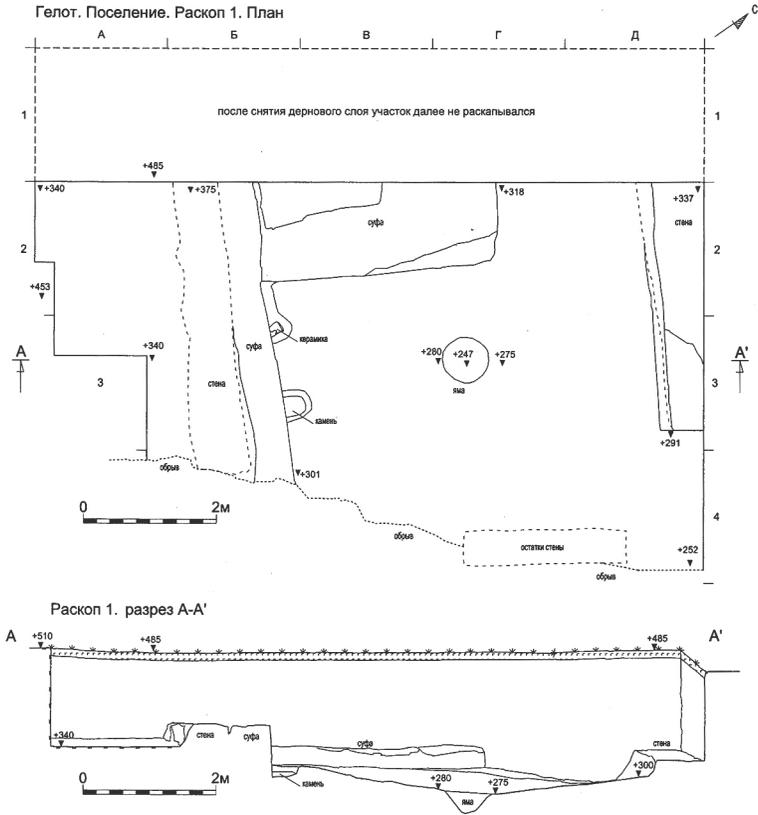

Рис. 2. Гелот. Поселение. Раскоп 1. План раскопа и разрез.

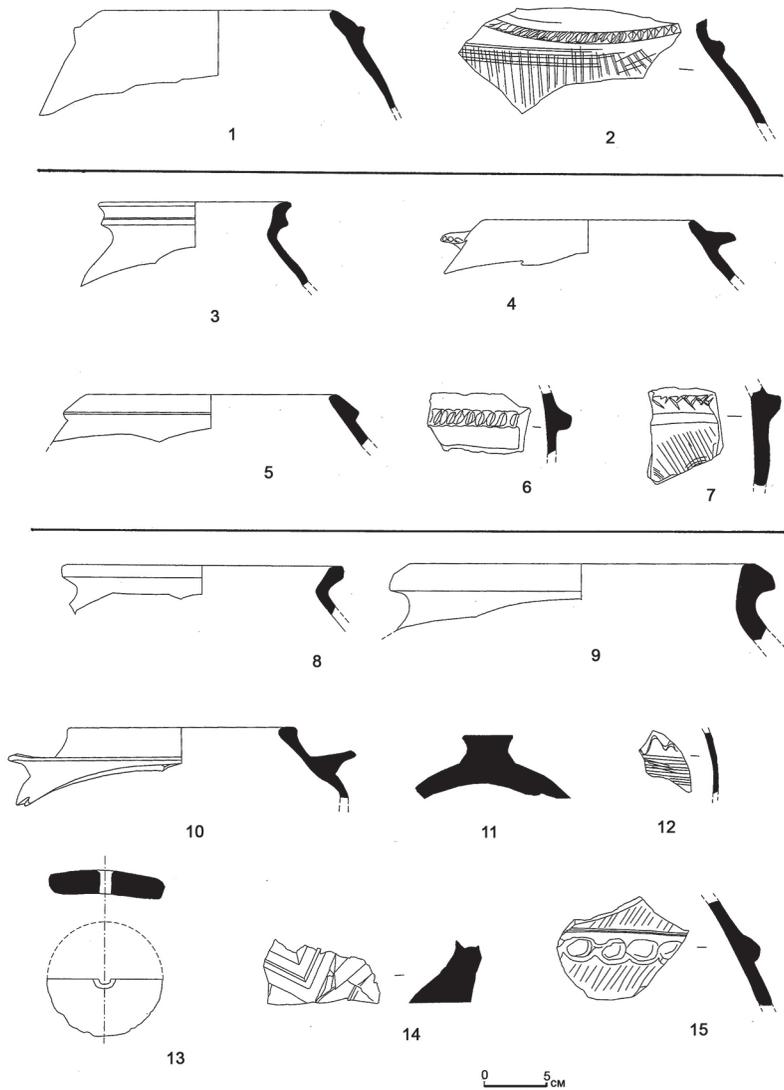

Рис. 3. Гелот. Поселение. Раскоп 1. Находки: 1–15 — керамика.

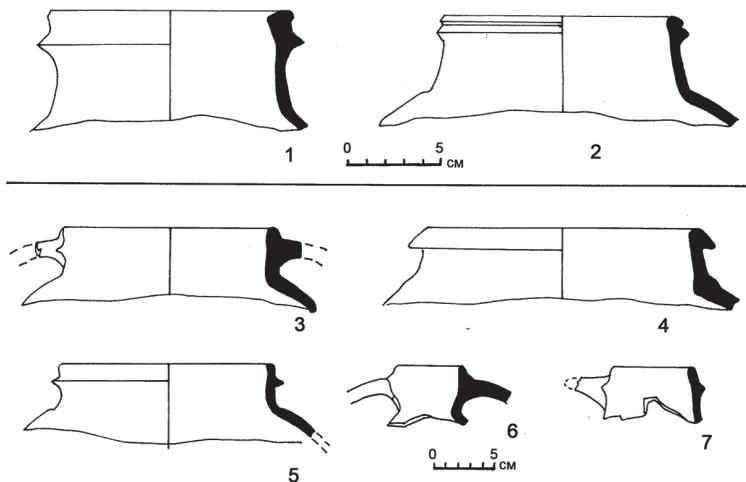

Рис. 4. Гелот. Поселение. Раскоп 1. Находки: 1–7 — керамика.

Гелот. Поселение. Раскоп 2.
План и разрезы.

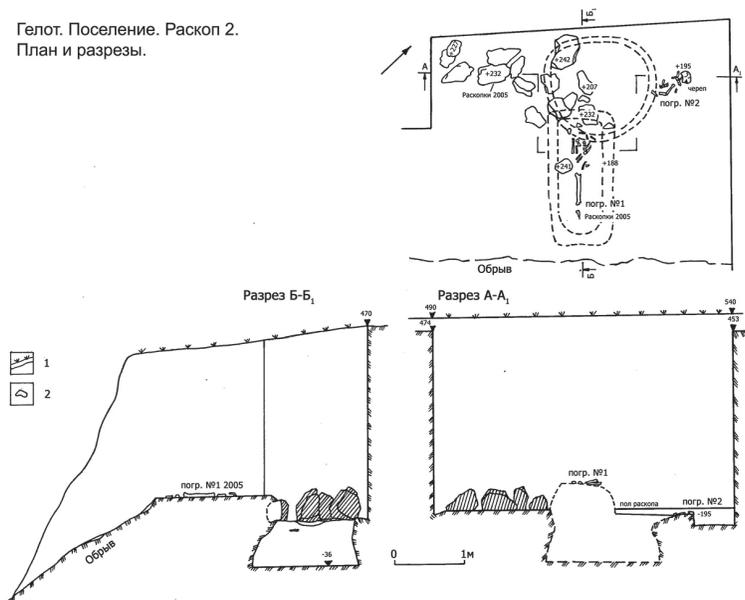

Рис. 5. Гелот. Поселение. Раскоп 2. План раскопа и разрезы.

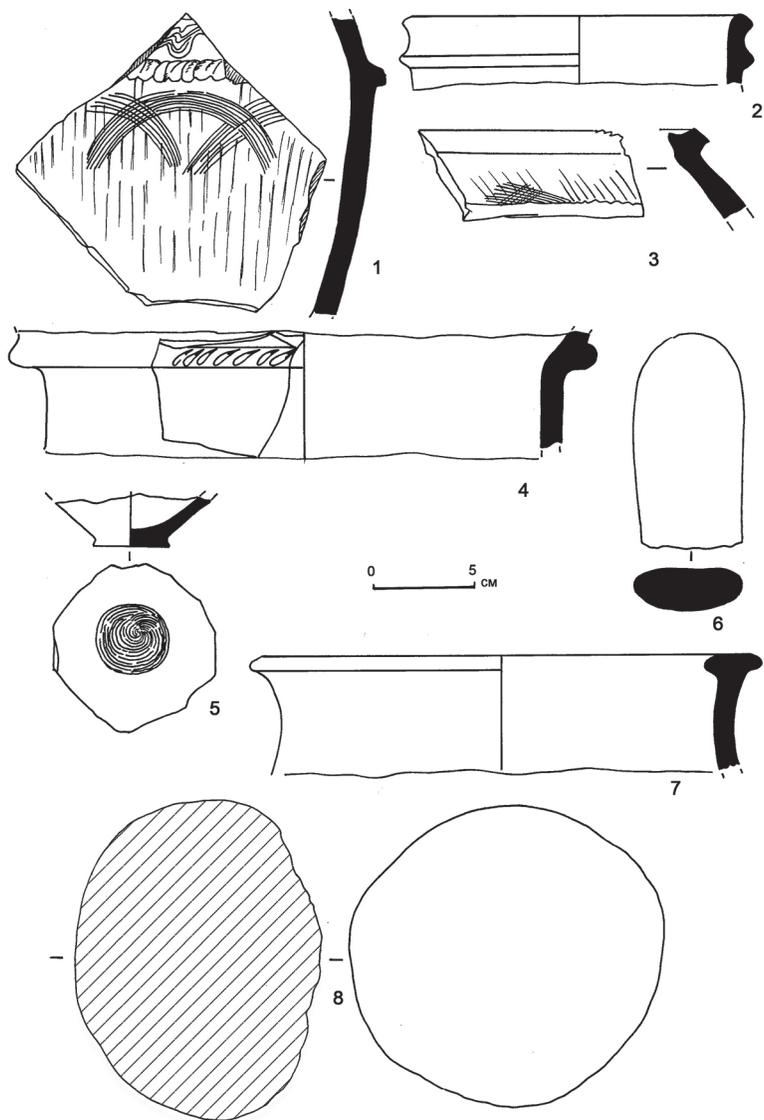
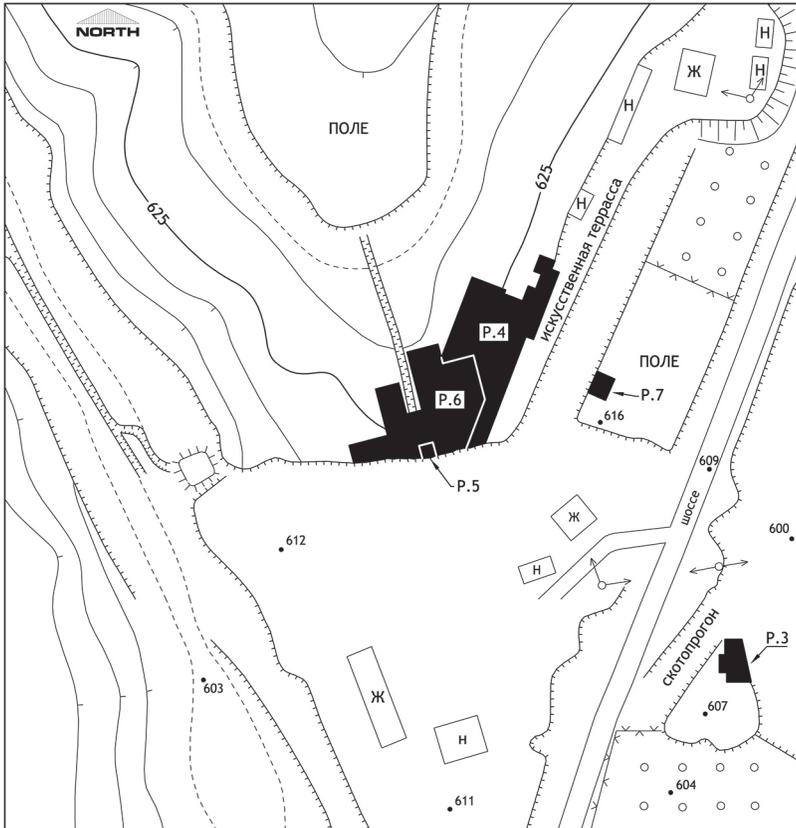

Рис. 6. Гелот. Поселение. Раскоп 2.
 Находки: 1-7 — керамика, 8 — камень.

Гелот. Раскопы 3, 4, 5, 6, 7.
Топографическая съемка 2007-2013 гг.
Горизонталы проведены через 5 м
Система высот - Балтийская

0 50 м

Рис. 7. Гелот. Раскопы 3, 4, 5, 6, 7. Топографический план.

Приложение 3

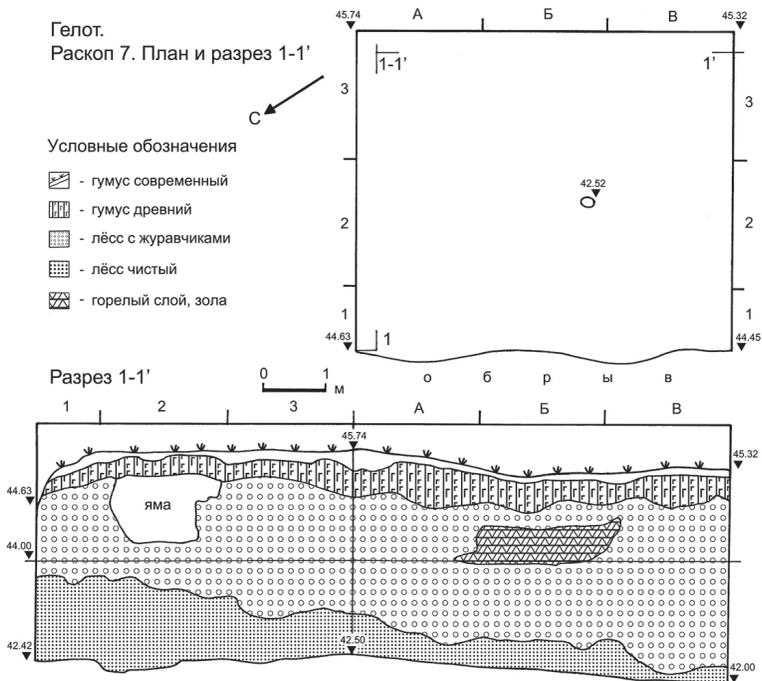

Рис. 8. Гелот. Поселение. Раскоп 7. План раскопа и разрез.

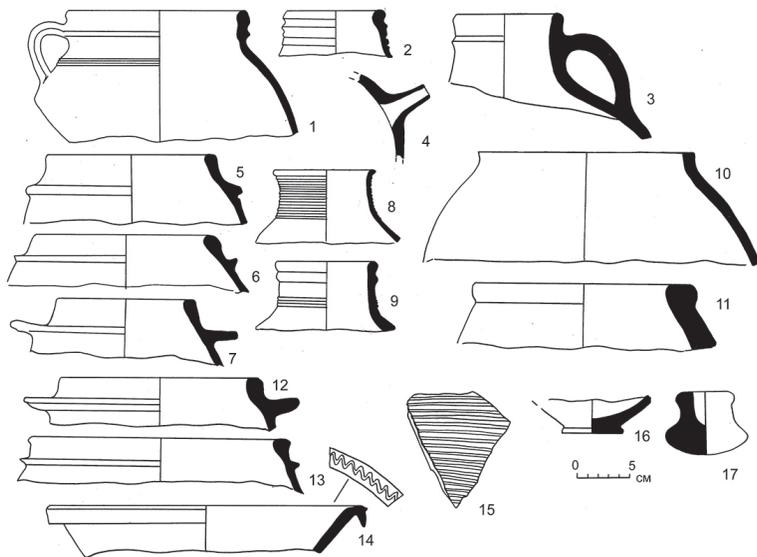

Рис. 9. Гелот. Поселение. Раскоп 7. Находки: 1–17 — керамика.

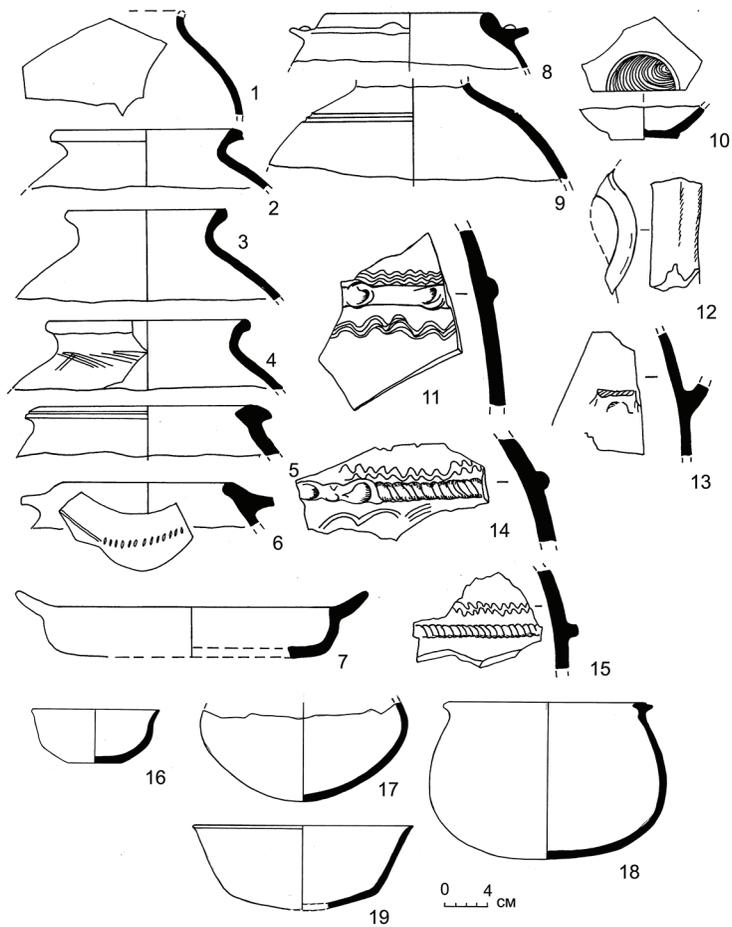

Рис. 10. Гелот. Поселение. Раскоп 7. Находки: 1–19 — керамика.

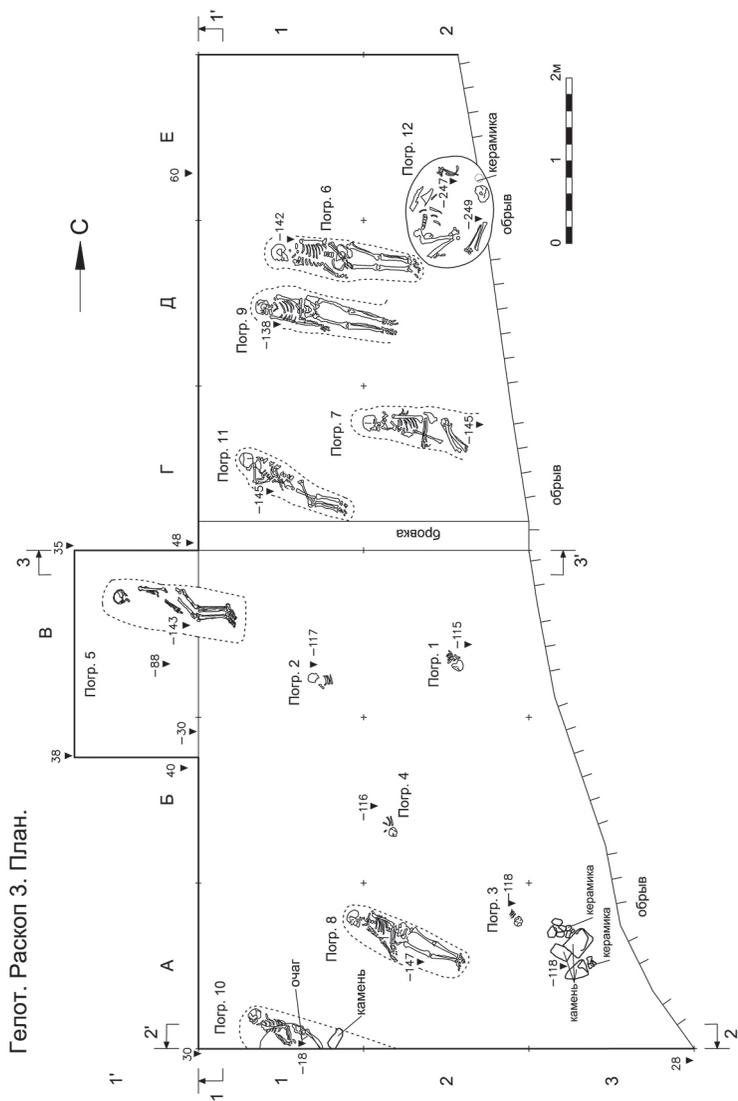

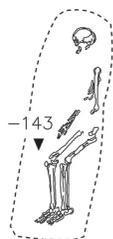
Рис. 11. Гелот. Некрополь. Раскоп 3. План раскопа.

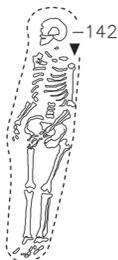
Гелот. Раскоп 3. Погребения №5-11

Погребение 5

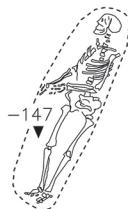
Погребение 6

Погребение 7

Погребение 8

Погребение 9

Погребение 10

Погребение 11

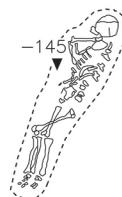

Рис. 13. Гелот. Некрополь. Раскоп 3. Планы погребений 5–11.

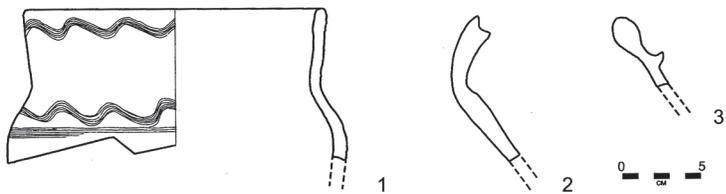

Рис. 14. Гелот. Некрополь. Раскоп 3. Находки: 1–3 — керамика.

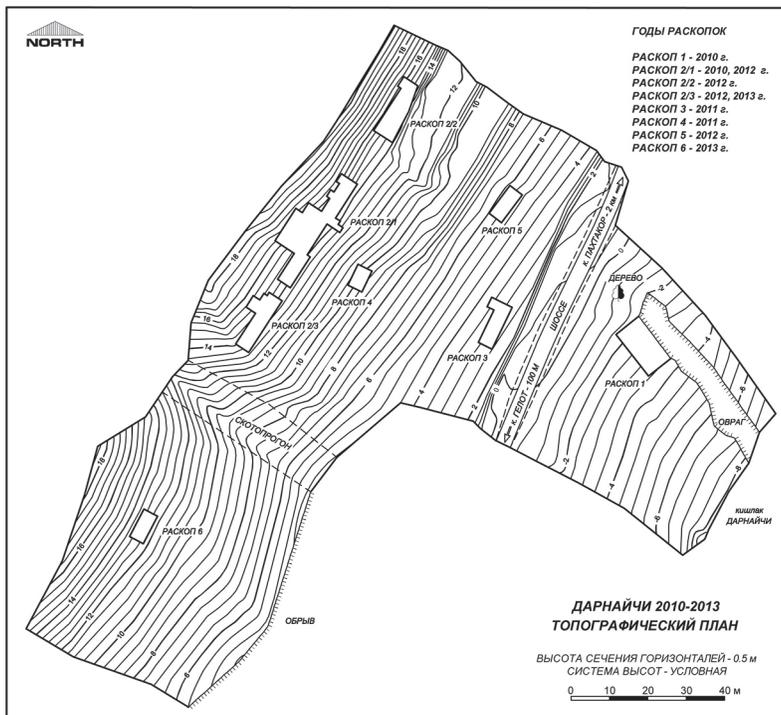

Рис. 15. Дарнайчи. Раскопы 1–6. Топографический план.

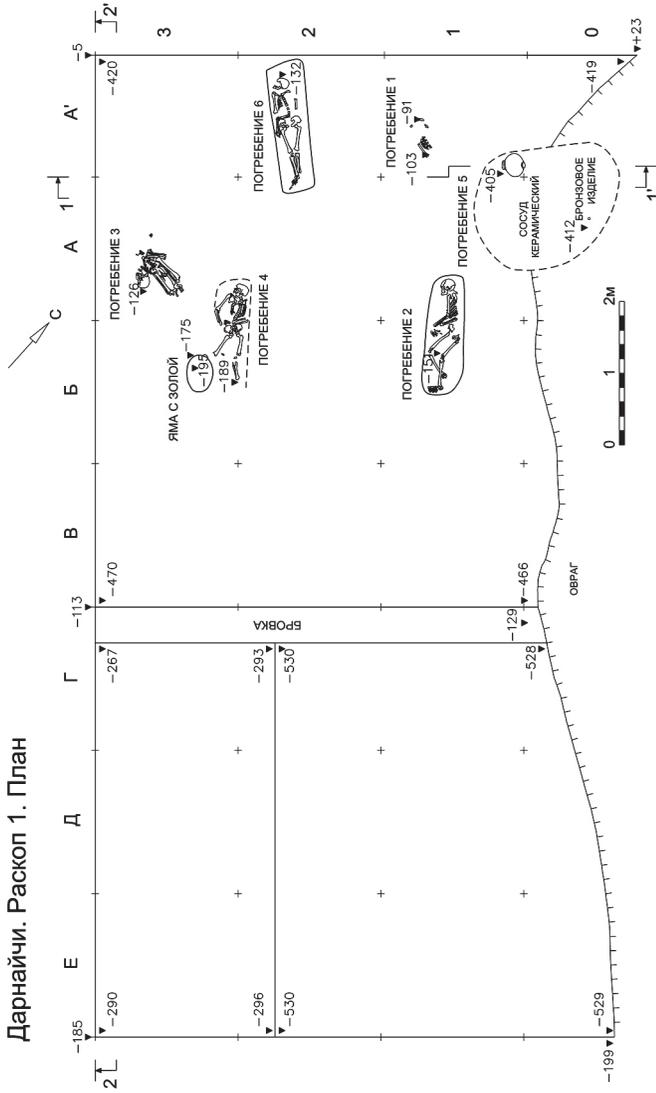

Рис. 16. Дарнайчи. Раскол 1. План раскопа.

Дарнайчи. Раскоп 1. Планы погребений 1 - 4, 6

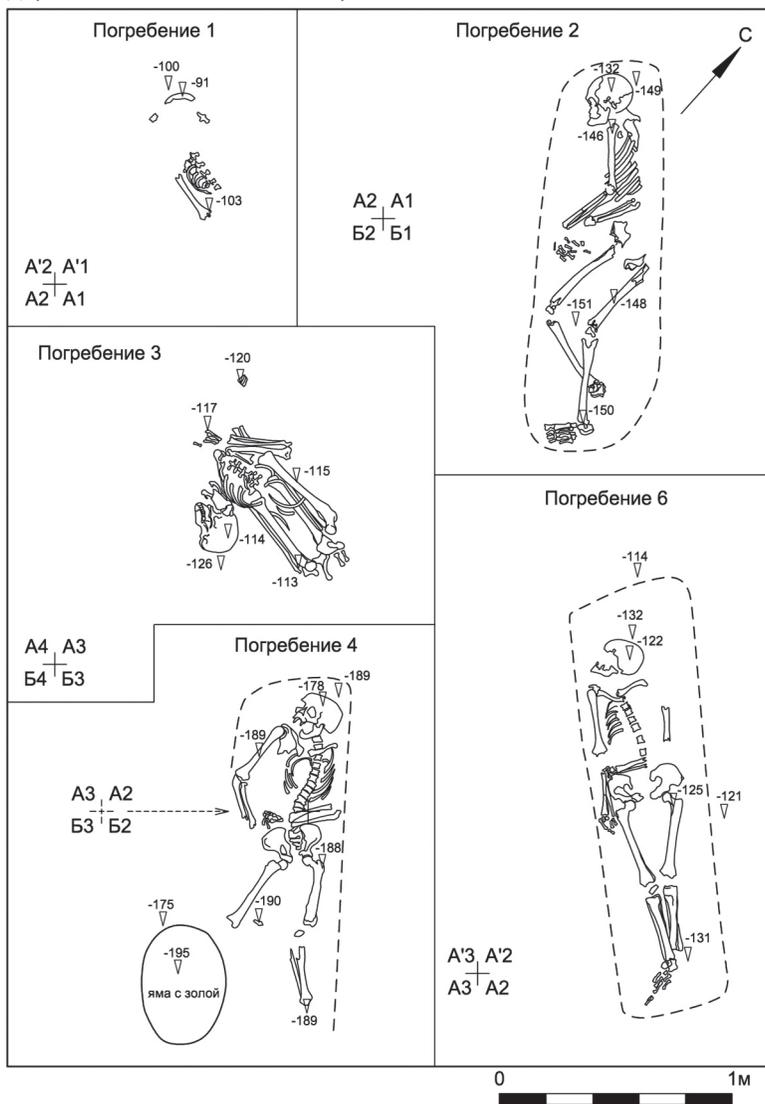

Рис. 17. Дарнайчи. Раскоп 1. Планы погребений 1-4, 6.

Дарнайчи. Раскоп 2. Планы погребений 4, 6, 7, 10, 11, 13-15

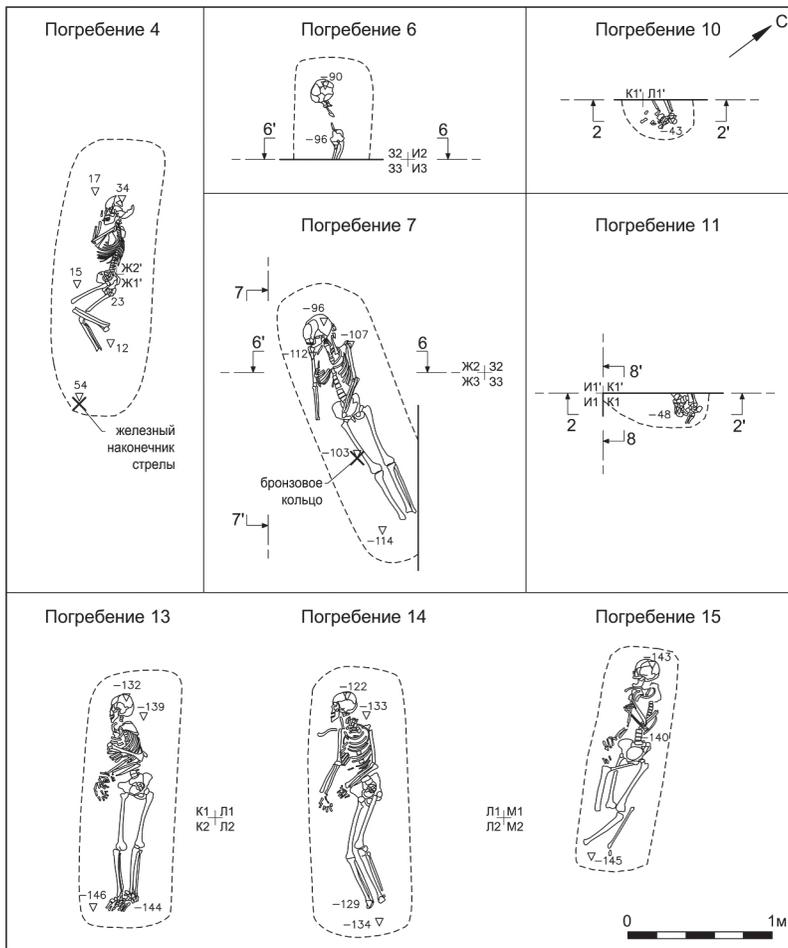

Рис. 18. Дарнайчи. Раскоп 2. Планы погребений 4, 6, 7, 10, 11, 13-15.

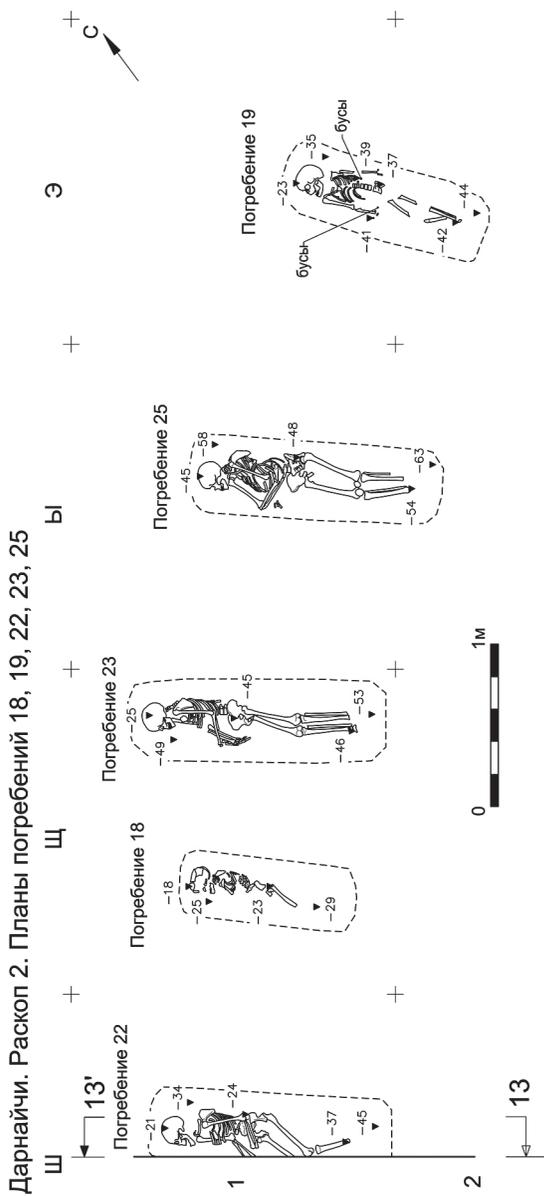

Рис. 19. Дарнайчи. Раскоп 2. Планы погребений 18, 19, 22, 23, 25.

Дарнайчи. Раскоп 2. Планы погребений 16, 17, 24, 26, 28, 29

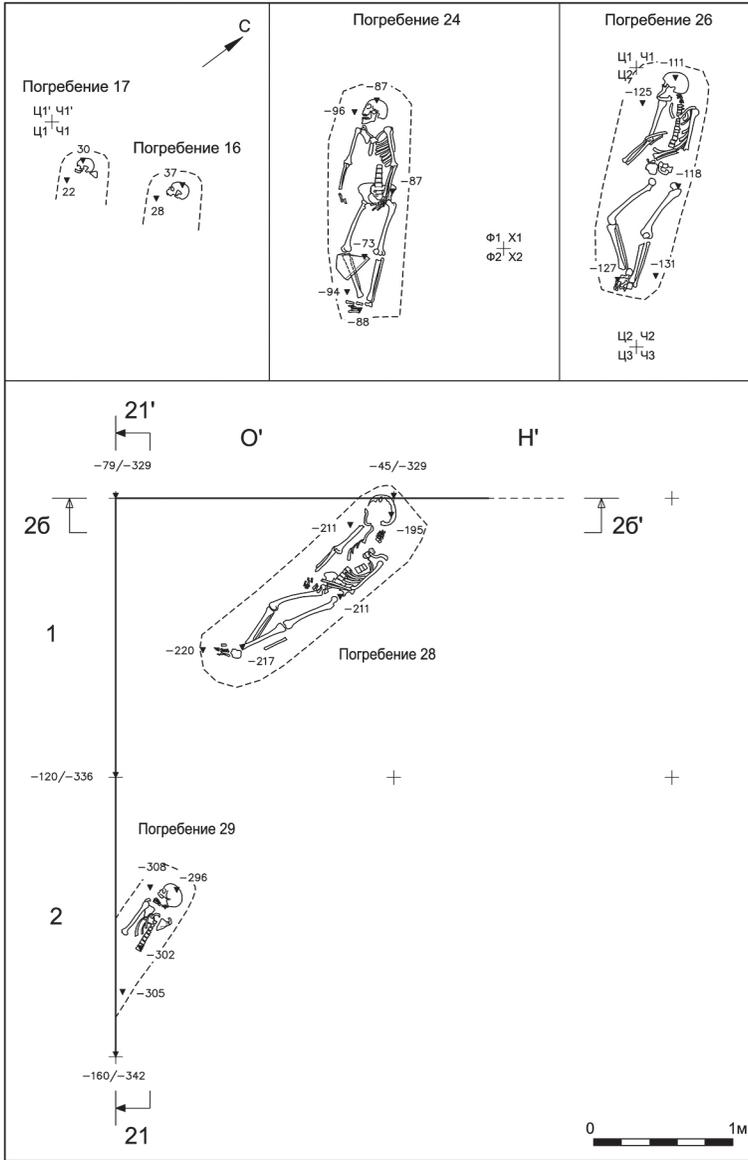

Рис. 20. Дарнайчи. Раскоп 2. Планы погребений 16, 17, 24, 26, 28, 29.

Дарнайчи. Раскоп 2. Находки из погребений 4 и 7

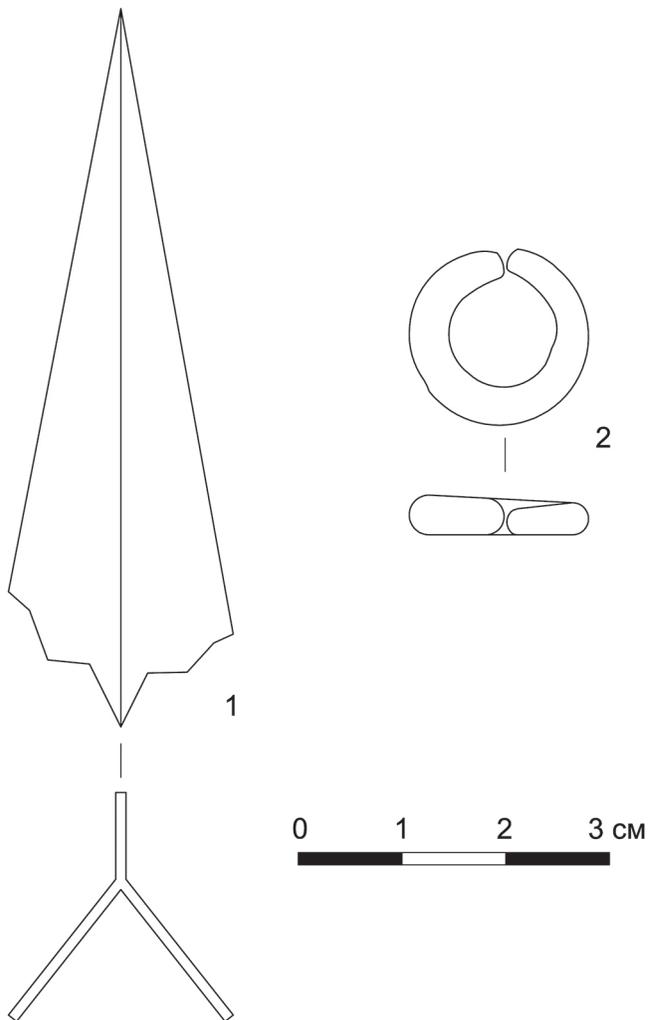

Рис. 21. Дарнайчи. Раскоп 2. Находки: 1 — погребение 4, железный наконечник стрелы; 2 — погребение 7, бронзовое колечко.

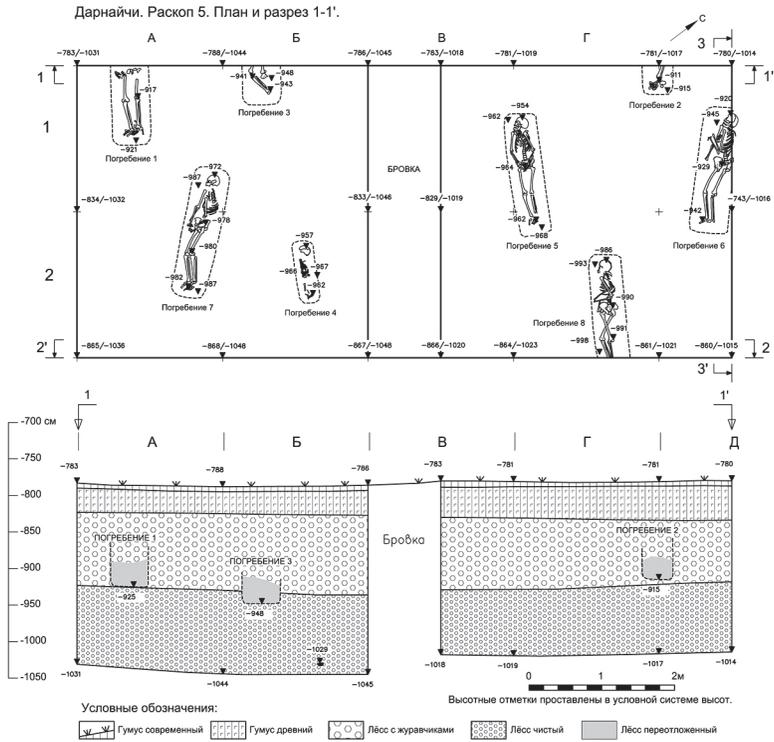

Рис. 22. Дарнайчи. Раскоп 5. План раскопа и разрез 1-1'.

Дарнайчи. Раскоп 5. Разрезы 2-2', 3-3'.

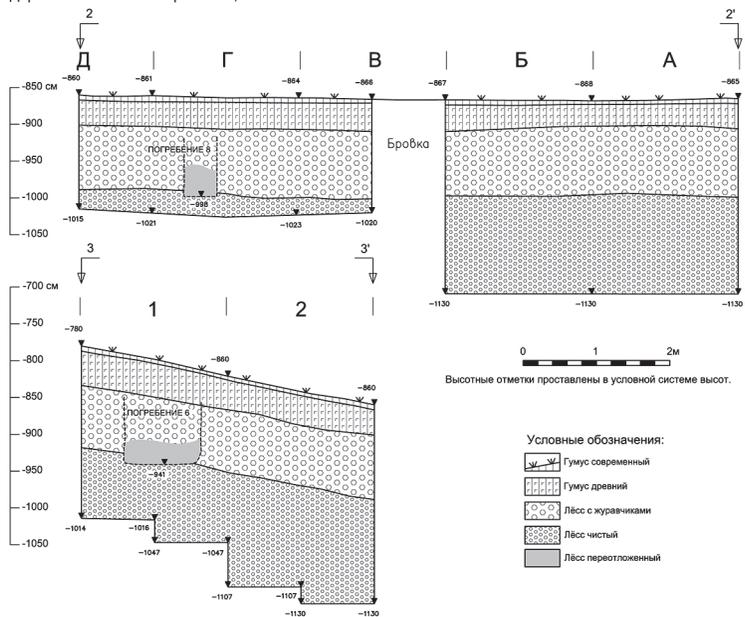

Рис. 23. Дарнайчи. Раскоп 5. Разрезы 2-2', 3-3'.

Дарнайчи. Раскоп 5. Планы погребений 1-8

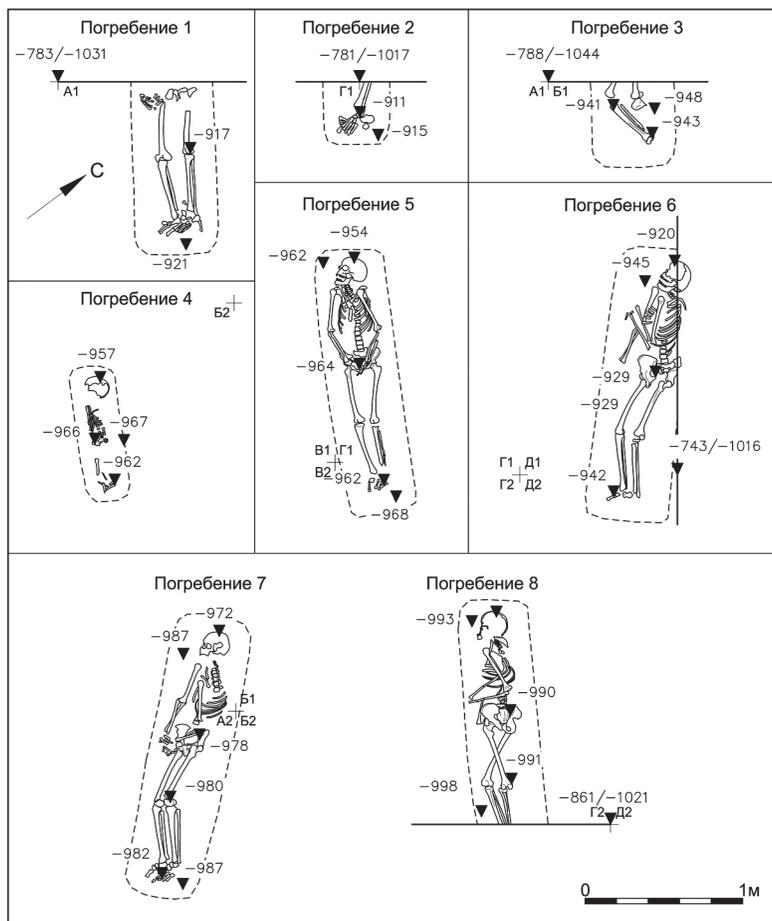

Рис. 24. Дарнайчи. Раскоп 5. Планы погребений 1–8.

Гелот. Раскоп 6. Погребение 10

План

Находки:

- 1,5 - Железные кинжалы
- 2-4 - Железные стрелы
- 6 - Оселок
- 7 - Пряжка железная

Разрез 1-1'

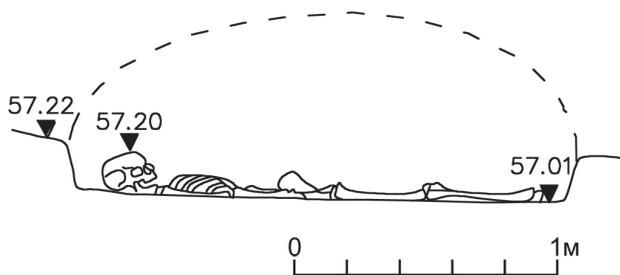

Рис. 25. Гелот. Некрополь. Раскоп 6. Погребение 10.
План погребения и разрез.

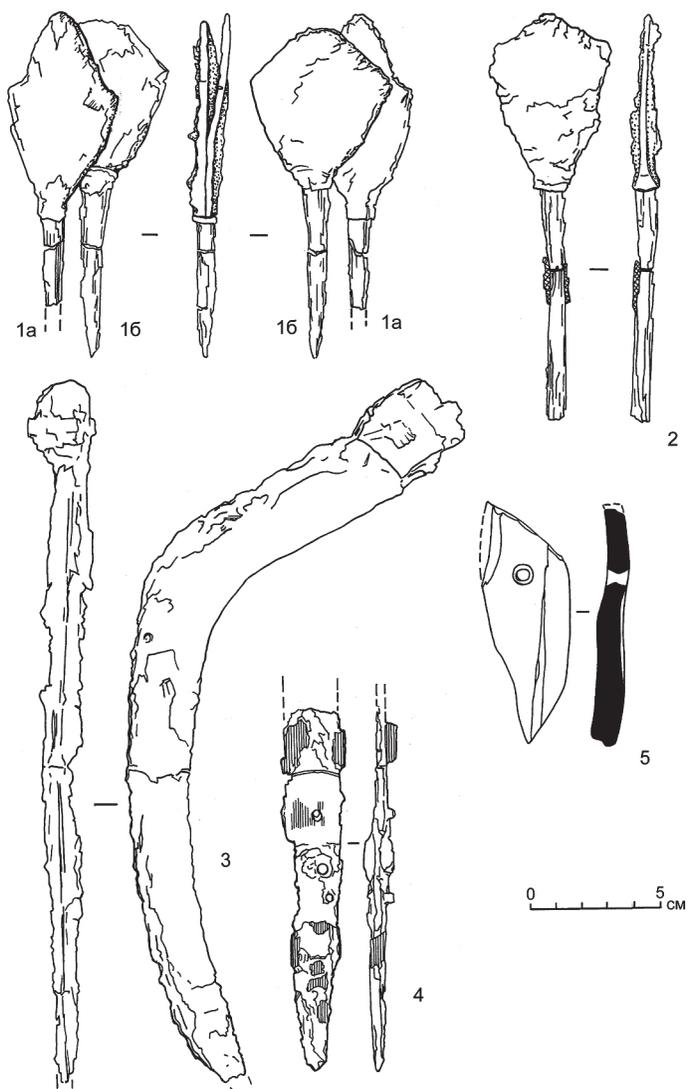

Рис. 26. Гелот. Некрополь. Раскоп 6. Погребение 10.
 Находки: 1–2 — железные стрелы; 3 — серповидный железный нож;
 4 — железный нож; 5 — точильный камень (оселок).

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев, Атаханов 2005 — *Абдуллаев А.Л., Атаханов Т.М.* О работе Султанабадского отряда в 1986 г. // АРТ. Вып. XXVI. 2005. С. 495–508.

Атаханов 1990 — *Атаханов Т.М.* О работе Байпазинского отряда (1981–1982 гг.) // АРТ. Вып. XXII. 1990. С. 325–337.

Беленицкий 1958 — *Беленицкий А.М.* Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента // Труды ТАЭ. Т. III. 1951–1953 гг. 1958. С. 104–154. (МИА. № 66).

Беленицкий и др. 1973 — *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Бентович 1958 — *Бентович И.Б.* Находки на горе Муг (Собрание Государственного Эрмитажа) // Труды ТАЭ. Т. III. 1951–1953 гг. 1958. С. 358–383. (МИА. № 66).

Гулямова 1962 — *Гулямова Э.* Раскопки цитадели городища Хульбук в 1960 г. // АРТ. Вып. VIII. 1962. С. 118–129.

Довуди Д. и др. 2007 — *Довуди Д., Якубов Ю., Курбанов Ш., Сафаров Х.* Археологические раскопки на Калаи Чармгарони поён в г. Кулябе осенью 2005 г. // АРТ. Вып. XXXI. 2007. С. 56–87.

Зеймаль 1999 — *Зеймаль Е.В.* Монеты раннесредневековой Средней Азии // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 192–206.

Литвинский 1965 — *Литвинский Б.А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. № 2. 1965. С. 75–91.

Литвинский 1982 — *Литвинский Б.А.* Калаи Кафирниган (раскопки 1976 г.) // АРТ. Вып. XVI. 1982. С. 106–135.

Мандельштам, Певзнер 1958 — *Мандельштам А.М., Певзнер С.Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. // Труды ТАЭ. Т. III. 1951–1953 гг. 1958. С. 290–324. (МИА. № 66).

Медведев 1966 — *Медведев А.Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. № 2. 1966. С. 50–60.

Негматов 1978 — *Негматов Н.Н.* К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходжентской области в средние века // МКТ. Вып. 3. 1978. С. 146–164.

Поляков 1976 — *Поляков С.П.* Отчет о раскопках средневековых погребений у кишлака Пушинг // АРТ. Вып. XII. 1976. С. 199–212.

Распопова 1980 — *Распопова В.И.* Металлические изделия ранне-средневекового Согда. Л., 1980.

Ртвеладзе 1987 — *Ртвеладзе Э.Б.* Денежное обращение в Северо-западном Тохаристане в эпоху раннего средневековья // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 120–132.

Сайко 1963 — *Сайко Э.В.* Глазури керамики Средней Азии VIII–XII вв. (по материалам керамических комплексов Хутталя, Согда, Ферганы). Душанбе, 1963.

Соловьев 1987 — *Соловьев В.С.* Работы на Кафыркале в Вахшской долине в 1980 г. // АРТ. Вып. XX. 1987. С. 172–178.

Соловьев 2010 — *Соловьев В.С.* Взаимодействие культур земледельцев и кочевников в раннесредневековом Тохаристане // Древние культуры Евразии. СПб., 2010. С. 298–301.

Степи Евразии... 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Ходжаев 2008 — *Ходжаев Ш.* Археологические исследования в окрестностях селения Хульбук // АРТ. Вып. XXXII. 2008. С. 176–197.

Ходжайов, Ходжайова 2001 — *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Монголоидность у населения Средней Азии и ее эпохальные изменения // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 4. М., 2001. С. 35–46.

Худяков 1991 — *Худяков Ю.С.* Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.

Шишкина 1979 — *Шишкина Г.В.* Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — первая половина XIII вв.). Ташкент, 1979.

Якубов, Довутов 2001 — *Якубов Ю., Довутов Д.* Археологические раскопки на территории Куляба в 2001 г. // Проблемы древней и сред-

невековой истории и культуры Центральной Азии. Душанбе, 2001. С. 54–69.

Якубов и др. 2004 — Якубов Ю.Я., Довутов Д.Д., Филимонова Т.Г. Археологические раскопки в г. Кулябе и на прилегающих территориях в 2001–2003 гг. // АРТ. Вып. XXIX. 2004. С. 264–301.

Якубов и др. 2005 — Якубов Ю., Довуди Д., Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р., Кулемин А.С. Археологические раскопки в г. Кулябе в 2004 г. // АРТ. Вып. XXX. 2005. С. 175–204.

Якубов и др. 2006 — Якубов Ю., Довуди Д., Филимонова Т.Г. История Куляба с древнейших времен до наших дней. Душанбе, 2006.

Якубов и др. 2007 — Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р., Сафаров Х. Археологические исследования на территории города Куляба и его пригородов в 2005 г. // АРТ. Вып. XXXI. 2007. С. 6–47.

Якубов и др. 2008 — Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т., Ахметзянов М. Погребение эфталитского воина // Наследие предков. № 11. Душанбе, 2008. С. 139–142

Якубов, Курбанов 2009 — Якубов Ю., Курбанов Ш. Археологические раскопки на городище Нозкуль (Кайнар) и могильнике Гелот в 2007 г. // АРТ. Вып. XXXIII. 2009. С. 73–100.

Якубов, Худжагельдыев 2008 — Якубов Ю.Я., Худжагельдыев Т.У. Отчет о раскопках на городище Хульбук в 2006 г. // АРТ. Вып. XXXII. 2008. С. 115–175.

Научное издание

**Наталья Матвеевна Виноградова,
Юрий Геннадьевич Кутимов**

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ
(МОГИЛЬНИКИ ГЕЛОТА И ДАРНАЙЧИ)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор: А.З. Алмазова

*Иллюстрации: Е.С. Гиль, М.Н. Никитина, Т.П. Удыма,
Т.А. Шапошникова, С.В. Шетухина*

Компьютерная верстка: О.Н. Морозова

Подписано в печать 09.10.2018. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60x90¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,25.

Тираж 150 экз. Заказ № 658.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
e-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо